

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Slověne

International Journal of Slavic Studies

Vol. 1

№ 2

Москва 2012

ISSN 2304-0785 (print)
ISSN 2305-6754 (online)

Сайт / Website: <http://slovene.ru>

Included in Russian Science Citation Index /
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования:

<http://elibrary.ru/>

E-mails: editorial@slovene.ru
slavs.journal@gmail.com

The editorial board

Editor-in-chief: Fjodor B. Uspenskij

Iskra Hristova-Shomova, Angel Nikolov, Maria Yovcheva (*Bulgaria*); Vaclav Čermak (*Czech Republic*); Milan Mihaljević, Mate Kapović (*Croatia*); Roland Marti, Björn Wiemer (*Germany*); András Zoltán (*Hungary*); Marcello Garzaniti (*Italy*); Jos Schaeken (*Netherlands*); Peter M. Arkadiev, Alexander I. Grishchenko, Roman N. Krivko, Sergey L. Nikolaev, Maxim M. Makartsev, Philip R. Minlos, Alexander M. Moldovan, Tatjana V. Rozhdestvenskaja, Anatolij A. Turilov, Boris A. Uspenskij, Fr. Michael Zheltov, Victor M. Zhivov (*Russia*); Jasmina Grković-Major, Tatjana Subotin-Golubović (*Serbia*); Robert Romanchuk, Alan Timberlake, William Veder, Alexander Zholkovsky (*USA*)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Ф.Б. Успенский

Мария Йовчева, Ангел Николов, Искра Христова-Шомова (*Болгария*); Андраш Золган (*Венгрия*); Бьёрн Вимер, Роланд Марти (*Германия*); Марчелло Гардзанити (*Италия*); Йос Схакен (*Нидерланды*); П.М. Аркадьев, А.И. Грищенко, о. М. Желтов, В.М. Живов, Р.Н. Кривко, М.М. Макарец, Ф.Р. Минлос, А.М. Молдован, С.Л. Николаев, Т.В. Рождественская, А.А. Турилов, Б.А. Успенский (*Россия*); Ясмينا Грекович-Мейджор, Татьяна Суботин-Голубович (*Сербия*); Александр Жолковский, Роберт Романчук, Алан Тимберлейк, Уильям Федер (*США*); Милан Михалевич, Мате Капович (*Хорватия*); Вацлав Чермак (*Чехия*)

Редакторы выпуска: А.И. Грищенко, Р.Н. Кривко, Ф.Р. Минлос

Технический редактор: Т.О. Майская

Литературный редактор, корректор (русский язык): Е.И. Державина

Literary editor, proofreader (English): Claudia Jensen

Корректор (български език): М.М. Макарец

Вёрстка: М.Н. Толстая

Slovène = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 1. № 2. — М.: Институт славяноведения РАН. 2012. — 176 с.

Contents/Содержание

Articles/Статьи

- 5 Björn Wiemer, Veronika Kampf (Mainz). *On Conditions Instantiating Tip Effects of Epistemic and Evidential Meanings in Bulgarian*
Бьёрн Вимер, Вероника Кампф (Майнц). *Об условиях, выдвигающих то эпистемические, то эвиденциальные значения в болгарском языке*
- 39 Искра Христова-Шомова (София). *Календарът на Остромировото евангелие като свидетелство за историята на славянските богослужбни книги*
Iskra Hristova-Shomova (Sofia). *The Calendar of the Ostromir Gospel as Evidence of the History of the Slavonic Liturgical Books*
- 66 Michail Oslon (Moskau). *Über den Silbenakzent in Juraĵ Križanićs Dialekt*
Михаил Ослон (Москва). *О слоговых интонациях в диалекте Юрия Крижанича*
- 81 Philip R. Minlos (Moscow). *Word Order in Adjective-Noun Pairs Inside and Outside the Prepositional Phrase: A Contribution to the 15th International Congress of Slavists (Minsk, 2013)*
Филипп Р. Минлос (Москва). *Порядок слов в сочетаниях существительного с прилагательным в предложных и беспредложных группах: Доклад к XV Международному съезду славистов (Минск, 2013 г.)*
- 95 Александр И. Грищенко (Москва). *Славянские приключения греческого Кеѳата: О происхождении названия древнерусской "Книги Кааф"*
Alexander I. Grishchenko (Moscow). *The Slavic Adventures of Greek Kohath: On the Origin of the Title of the Old Russian Book of Kaaf*

Research notes / Заметки

- 111 Larry Labro Koroloff (Toronto). *Notes on the Dialect of Zhèrveni, Kostur Region, as Spoken by Their Descendants in Mustafapaşa and Cemilköy, Turkey*
Ларри Лабро Королов (Торонто). *Заметки о диалекте с. Жёрвени (район Костура) у переселенцев в Мустафаше и Джемилькёй (Турция)*
- 117 Андрей Ю. Виноградов (Москва). *Особенности борисоглебских торжеств в свете византийской традиции*
Andrey Yu. Vinogradov (Moscow). *The Features of Boris and Gleb Festivals in the Light of Byzantine Tradition*
- 135 Юлия Б. Камчатнова (Москва). *О семантико-стилистическом своеобразии выражения сестъ в лужу в русском языке*
Julia B. Kamchatnova (Moscow). *On the Russian Expression сестъ в лужу: Semantic and Stylistic Peculiarities*

Reviews/Рецензии

- 153 *Christian Raffensperger, Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World (Harvard Historical Studies, 177), Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, London, England, 2012, 329 pp.*
Reviewed by Fjodor B. Uspenskij (Moscow)
- 160 *Беата Двѣрфи, Историческое изменение синтаксического статуса причастных оборотов в языке Суздальской летописи (= Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis, Vol. II), Дебрецен, 2011, 308 pp.*
Reviewed by Anna V. Sakharova (Moscow)

Conference Notes / Хроника

- 167 *Achim Rabus (Freiburg i. Br.). Tagungsbericht 9. Altslavistentreffen, Freiburg i. Br., 19./20. Oktober 2012*
Ахим Рабус (Фрайбург-в-Брайсгау). *Девятая встреча палеославистов, Фрайбург-в-Брайсгау, 19–20 октября 2012 г.*
- 171 Call for Papers / Нашим авторам

On Conditions
Instantiating Tip
Effects of Epistemic
and Evidential
Meanings
in Bulgarian

Об условиях,
выдвигающих
то эпистемические,
то эвиденциальные
значения,
в болгарском языке

Björn Wiemer

Бьёрн Вимер

Veronika Kampf

Вероника Кампф

Johannes Gutenberg-Universität,
Mainz

Университет Иоганна Гутенберга,
Майнц

Abstract

The article deals with tip effects between evidential and epistemic components in the meaning potential of evidential markers in Bulgarian, the focus being on sentential adverbs with inferential functions. We justify (and start with) the following assumptions: (i) for any unit we should distinguish its stable semantic meaning from its pragmatic potential which can be favored (or disfavored) by appropriate discourse conditions; (ii) there is a trade off between evidential and epistemic meaning components that are related to each other on the basis of mutual or one-sided implicatures; (iii) one-sided implicatures occur with certain hearsay markers whose epistemic implicatures can be captured as Generalized Conversational Implicatures (GCIs). On this basis, we show that (iv) GCIs work also with inferential markers; they can be classified depending on which component (the inferential or the epistemic one) can be downgraded more easily. A crucial factor favoring the inferential meaning is a perceptual basis of the inference. In general,

(v) the more complicated the reconstruction of the cognitive (or communicative) basis leading to an inference, the clearer the epistemic function emerges while the evidential function remains in the background, and vice versa. The study is corpus-driven and also includes an attempt at classifying micro- and macro-contextual conditions that (dis)favor a highlighting of the evidential function.

Key words

evidentiality, epistemic modality, sentential adverbs, generalized conversational implicature, default readings, discourse (context) types, Bulgarian

Резюме

Статья посвящена условиям, при которых происходит попеременная актуализация то эвиденциального, то эпистемического компонента в семантическом потенциале эвиденциальных показателей болгарского языка. Сосредоточиваясь на сентенциальных наречиях с инферентивными функциями, мы опираемся на следующие предпосылки: (i) для каждой единицы следует отличать её устойчивое семантическое значение от прагматического потенциала, выявлению которого способствуют (или препятствуют) те или иные коммуникативные условия; (ii) эвиденциальные и эпистемические компоненты значения довольно легко вытесняют друг друга из позиции доминанты, причём процесс подавления то одного, то другого компонента обусловлен действием обоюдных или однонаправленных импликатур; (iii) однонаправленные импликатуры происходят с определёнными показателями репортивных значений, эпистемические импликатуры которых могут быть подведены под категорию обобщённой коммуникативной импликатуры (Generalized Conversational Implicatures, GCIs). На этом основании мы показываем, что (iv) GCIs срабатывают также в значении инферентивных показателей; они могут быть классифицированы в соответствии с тем, какой из компонентов (инферентивный или эпистемический) больше подвержен подавлению. Существенным фактором, способствующим выдвигению на передний план инферентивного компонента, является перцептивная основа инференции. В общем и целом, (v) чем сложнее реконструкция когнитивной (или коммуникативной) основы, ведущей к инференции, тем ярче на переднем плане укрепляется эпистемическая функция, тогда как эвиденциальная (инферентивная) функция остаётся в тени, и наоборот. Наше исследование можно признать экспериментально-эвристическим, и оно содержит попытку классификации условий микро- и макроконтеста, которые способствуют или препятствуют высвечиванию эвиденциальной функции.

Ключевые слова

эвиденциальность, эпистемическая модальность, сентенциальные наречия, обобщённая коммуникативная импликатура, интерпретации по умолчанию, типы дискурса (контекста), болгарский язык

1. Introduction

This article arose from an ongoing research project on evidential units in Slavic languages¹. When working on a database of lexical markers of evidential functions we often encounter problems concerning the trade off between evidential and epistemic components in the meaning potential of units under investigation. In relation to this topic, a variety of both theoretical and methodological problems will be discussed here.

The article first presents the theoretical background together with some unsolved puzzles (section 2), which have served as guidelines in our empirical work sustained by the analysis of corpus data. We will then continue by picking up one of the central problems and showing how tip effects of evidential vs. epistemic backgrounding–foregrounding arise under different context conditions². In general, if neither the particular unit in question nor the context narrows down the specific basis of judgment, the epistemic function of this unit becomes more salient than the evidential one. We want to substantiate this assertion by an analysis of examples from Bulgarian corpora (section 3)³. In connection with this, we will also deal with the phenomenon of heterosemy (3.1.2) and then discuss conclusions from our findings (section 4).

2. Theoretical premises

2.1 Semantics vs. pragmatics: a useful divide? – Yes!

First, we assume that a dividing line should be established between (i) the stable (or inherent) semantics of linguistic units and (ii) pragmatic effects that can be calculated on the basis of (i) and some sort of interaction with the linguistic or situational context of utterance. This divide should be upheld at least for methodological and, as it were, technical reasons. For if any kind of meaning arising in some specific context has to be considered as a distinct function of a string of linguistic elements (+ the context of utterance), we would be at a loss if we wanted to make generalizations and would certainly have to give up the endeavor of creating inventories of lexical units giving

¹ “Funktionsweisen und Struktur evidenzieller Markierungen im Slavischen (integrative Theorie mit Aufbau einer Datenbasis)”, financed by the DFG (project nr. WI 1286/13-1). We gratefully acknowledge this support by the DFG.

² A similar small study has recently been presented by [HENNEMANN 2012] on the basis of Spanish newspaper texts.

³ We have used the Brown Corpus of the Institute for Bulgarian Language (BC), the novels of Pavel Vežinov *Barierata* (“The barrier”), *Belijat gušter* (“The white lizard”) and *Ezernoto momče* (“The lake boy”) as well as entries from Google.bg. If no source is provided the example was invented by the authors (BW/VK). A full list of sources and their abbreviations can be found before the References.

their share to the meaning of whole utterances. After all, it would be senseless to speak of an “interaction” between some particular units and their context (of whatever sort)⁴.

Second, we believe that among conversational implicatures we should distinguish particularized and generalized ones. In this respect, we adhere to neo-Gricean approaches, not to Relevance Theory (for a comparison cf. [HUANG 2007: 181–205; ARIEL 2008: 19–24]). In the following we will only be concerned with mechanisms that can be subsumed under the notion of Generalized Conversational Implicatures (henceforth GCI). The reason is that GCIs amount to preferred, or default, interpretations. They are related to **utterance-type-meaning** (as a third type intermediate between sentence-type-meaning and utterance-token-meaning, following [LYONS 1977: 13–18]), since GCIs are “dependent not upon direct computations about speaker-intentions (i.e. ad hoc-implicatures, or inferences; BW/VK) but rather upon expectations about how language is characteristically used” [HUANG 2007: 204; according to LEVINSON 2000]. The level of utterance-type-meaning must be postulated because

- (i) GCIs are defeasible, thus conversational and not code-like;
- (ii) a theory about types is better than a theory about tokens, as it “enjoys more predictive and explanatory power” [HUANG, *ibid.*].

Furthermore, the notion of GCI also reduces the amount of lexical entries (including all kinds of constructions) and of semantic components which otherwise would have to be imputed into the inherent meaning of entries. Thus instead of listing numerous purported “meanings” of all sorts for a given unit (or construction), we get “slimmer” lists of meanings for that unit and can relegate different kinds of contextual effects or “overtones” to the interaction of that unit’s meaning with various components of the context in which it occurs.

Third, traditionally the divide between semantics and pragmatics hinges on the criterion of whether the unit in question (a singular item, an utterance, or a part thereof) can be assessed in terms of its contribution to truth conditions; if it cannot, i.e., truth conditions do not seem to be relevant for the given unit, the phenomenon at hand should be deferred to pragmatics (cf. [ARIEL 2008], among others). However, this criterion can become troublesome if we

⁴ We are aware of (and sympathetic with) BOYE, HARDER’s [2009] claim to treat evidentiality (as well as other notional categories) as a ‘substance domain’ for which semantic-pragmatic divides prove inadequate. However, here we advocate a separation of semantic and pragmatic components, since it is required for the purpose of creating a database of evidential markers. Like Boye and Harder we are interested in usage-based distinctions, but in order to show how meaning emerges from context we have to imply conventionalized meanings of particular units. This methodological prerequisite confirms Boye and Harder’s approach, insofar as they, too, assume that usage preconceives structure.

want to apply it to the meaning potential of propositional modifiers (sentential adverbs, particles, epistemic auxiliaries). Putting it very briefly, the function of propositional modifiers consists in delimiting truth conditions. Epistemic modifiers restrict them, since they function as a sort of probability filter on the proposition under their scope. By contrast, evidential modifiers suspend truth conditions, insofar as they allow the speaker to be agnostic (i. e., non-committed) as to whether the proposition holds or not (see 3.2.1)⁵. In either case such units, as a rule⁶, operate on propositions and, in this sense, bear on truth-conditional semantics of utterances (cf. [FALLER 2006, PAPAFRAGOU 2006])⁷. Therefore, the treatment of their epistemic and/or evidential load should be delegated to semantics, provided this load proves to be non-cancellable and detachable.

2.2 Onomasiological vs. semasiological approaches

Fourth, at least on an onomasiological (conceptual) level, epistemic and evidential values can be clearly distinguished. As most concisely formulated by DE HAAN [2005: 380],

- [1] “Evidentiality asserts the evidence, while epistemic modality evaluates the evidence” (emphasis in the original).

We thus, by and large, understand evidentiality as

- [2] “the linguistic means of indicating how the speaker obtained the information on which s/he bases an assertion” [WILLETT 1988: 56]

and can, in principle, subscribe to Aikhenvald’s wording [AIKHENVALD 2003: 1]

- [3] “Evidentiality proper is understood as stating the existence of a source of evidence for some information; that includes stating that there is some evidence, and also specifying what type of evidence there is”

although we will have to restrict this definition later on (see 2.3).

⁵ Cf. [DE HAAN 2009] for a similar argument on the basis of Engl. *must* vs. its Dutch cognate *moeten*. Cf. also [AIKHENVALD 2004: 4]: “(...) marking data source and concomitant categories is ‘not a function of truth or falsity’.”

⁶ There have been claims that some (uses of) evidential markers should rather be classified as illocutionary operators (cf., among others, [HENGEVELD 2006] and [Schenner 2010: 167]). If this proves true the questions arises whether speech-act operators can be treated in truth-conditional semantic terms. This problem need not however be tackled here.

⁷ For a recent critical overview concerning the relation between epistemic modality operators and truth conditions cf. [PORTNER 2009: 144–184].

In recent years the relationship between evidential and epistemic functions has quite often been the subject of disputes. Some researchers have held the view that epistemic meanings include evidential ones (e. g., [PALMER 1986] and, until recently, most traditional approaches), whereas others have argued exactly the opposite (e. g., [PLUNGIAN 2001]; see below), and still others have considered that both domains cross-cut each other (e. g., [VAN DER AUWERA, PLUNGIAN 1998]) or that they are largely independent of one another (e. g., [AIKHENVALD 2003, 2004; XRAKOVSKIJ 2005]) and they are under a common superordinate category (cf. [BOYE 2006, PALMER 2001]). For a brief survey and references cf. [KEHAYOV 2008: 167; DE HAAN 2009: 263–265]. We abide by the latter view and determine epistemic modality and evidentiality to be subdomains of propositional modality (as was already proposed in [PALMER 2001]).

One of the main sources of confusion concerning the mutual relationship between these two domains has been that epistemic and evidential functions have been mixed up with markers (forms). Notice that Aikhenvald's definition of evidentiality given above in [3] relates to functions, not to markers; it is thus a notional definition, not a semasiological one. In practice, however, such definitions are frequently used as if they referred to discrete units (morphemes, function words) of some language; these are then usually called 'evidentials', and the floor is open for quarrels concerning their epistemic vs. evidential nature. Therefore, disputes concerning the relationship between evidentiality and epistemic modality can, at least in part, be mitigated (or avoided) if we distinguish onomasiological from semasiological approaches. From an onomasiological viewpoint there is no way of identifying or reducing one of these notions to the other (cf. [WIEMER, STATHI 2010: 277]). To recognize this it is sufficient to realize that epistemic meanings (functions) are of a scalar (gradable) nature, while evidential meanings cannot be graded because they are of a categorial nature.

Real analytical problems arise from a semasiological perspective, i.e. when it comes to analyzing linguistic units (or devices) of particular languages: in their semantic potential we are notoriously confronted with overlaps, "overtones" or similar vaguely captured relations between subjective probability assessments and references to the source of judgment⁸. There is reason to argue for contextually conditioned tip-effects typical for units associated with speaker's basis of judgment and its epistemic modification (see 2.4).

⁸ Note that such overlaps are nothing particular to propositional modality; we also find them with tense and aspect, in tense-mood asymmetries, or with definiteness and referentiality (in article systems), to name but some of the most prominent standard cases of conflation of notional distinctions in linguistic expression classes.

2.3 Toward more fine-grained taxonomies of evidential functions

We abide by the accepted global division of evidential functions into the three sub-domains of (i) direct, (ii) indirect evidentiality, which, in turn, subdivides into (ii.a) inferential and (ii.b) reportive evidentiality (cf. [AIKHENVALD 2003; 2004, WILLETT 1988], and others, cf. most distinctly in [PLUNGIAN 2001]). The crucial criterion yielding this division is not so much the cognitive or communicative ‘source of evidence’ (or knowledge, or information)⁹ but the ‘modes of knowing’, or ‘type of evidence’ (for this distinction cf. [SQUARTINI 2001: 302], following [CHAPE 1986] and [BOTNE 1997]). In the analytic part of this article (section 3), we are going to focus on inferential evidentiality, i.e., the mode of knowing which rests on reasoning (inferring). It is more complex insofar as it is much more difficult to keep evidential and epistemic meaning components apart in inferentives than in reportive units. This holds true not only in analytic terms (i.e., from a semasiological perspective), but also to some extent even from the conceptual (i.e., onomasiological) point of view.

As concerns subdivisions within inferential evidentiality, we subscribe to a distinction based on whether or not the speaker had perceptual access to the situation that served as the basis for his/her inference. This corresponds to Squartini’s distinction [SQUARTINI 2008] between circumstantial (perception-based) and generic (or deductive, i.e., not perception-based) inferentives.¹⁰ However, Squartini also postulated a third group of units marking ‘conjectures’. This third group is rather arguable since, for Squartini, such markers are used when “all external evidence is missing, the speaker being solely responsible for the reasoning process” [SQUARTINI 2008: 925]. There is thus no reference to any specific source of knowledge. The principal problem posed by this notion (and the associated class of markers) is the following: if we accept, following PLUNGIAN [2001: 354], that “an evidential supplement can always be seen in an epistemic marker, [while] the opposite does not always hold”, all epistemic markers must also be inferential; any sort of reasoning is based on just some basis, even if it has to be seen as merely ‘conjectural’.

The same problem shows up if we consider that some definitions of evidentiality involve “... stating that there is some evidence ...” (cf. [AIKHENVALD 2003: 1; see above: 3]; cf. also [DE HAAN 2005: 380–382]). Our observations show that this criterion is not sufficient for a unit to become an inferential marker. It is too unspecific to prevent us from considering that a real flood of units (mainly senten-

⁹ For a critical survey of the concepts on which evidential units really operate cf. [LAMPERT, LAMPERT 2010: 310–314]. For our present purpose, we may neglect these distinctions, although we consider typical evidential markers to operate on propositions (not on information or states of affairs); cf. [BOYE 2010].

¹⁰ An analogical distinction was mentioned by [PLUNGIAN 2010: 30], who restricted the term ‘inferential (inferentive)’ to perception-based inferences and opposed it to (markers of) ‘presumptive (inference)’ ones in case the conclusion is drawn without any perceptual basis.

tial adverbs and so-called modal particles) with an undoubtedly epistemic value which eo ipso (see above the quote from [PLUNGIAN 2001]) is connected to just some basis (or source) of judgment. In our opinion, the problem can be resolved, at least in operative terms, if we cancel this part of Aikhenvald's definition and restrict inferentives to units with specific reference to circumstantial or generic evidence¹¹. If this is not the case, the epistemic function of the unit becomes more salient than the evidential one¹². This assertion shall be substantiated in section 3.

A survey of Bulgarian lexical markers showed that the division 'circumstantial – generic inferentives' can also be maintained, more or less, for this language, although many units are compatible with a very broad range of inferential (and epistemic) functions, and some of them can be extended even to hearsay (cf. [KAMPF, WIEMER 2011a, b]). Due to diagnostic contexts (minimal pair conditions), we have, in [KAMPF, WIEMER 2011a, b], distinguished three types of markers according to their evidential functions. There are types A and B, both with a default of perception-based inferences (= 'circumstantials') but with different extensions into the evidential subdomains 'direct perception' and 'retrospection'¹³. These types can be opposed to type C, which has a default of inferences not based on perception (= 'generics'). A characteristic of type C markers is that they can be used rather indiscriminately with reference to any kind of source of inference. We shall illustrate the difference between types A/B and C with the following diagnostic context for generic (non-perceptual) inferences¹⁴:

- (1) *Deteto navjarno, verojatno, sigurno* (type C) / **izgležda, javno, očevidno* (type B) / **maj (če), kato če li, sjakaš* (type A) *e mnogo tažno. Morskoto mu svinče umrja.*
'The child is **probably** / **possibly** / **certainly** very sad. His guinea pig has died.'

¹¹ This subdivision of the mode of knowing can, in principle, be cross-classified with the type of evidence (visual, auditive, palpatory etc.). However, in practice – at least for the languages of concern studied here – this dimension proves to be irrelevant with respect to inferential evidentiality.

¹² In principle, this was already conceded by [PLUNGIAN 2001: 354]: "an epistemic marker contains more evidential properties when the source of the speaker's hypothesis is specified".

¹³ Type A has a broader functional extension than type B, as shown by diagnostic contexts for direct perception [i] and for retrospective inference [ii]:

[i] (sb is looking at himself/herself): *Maj (če), kato če li, sjakaš* (type A) / **izgležda, javno, očevidno* (type B) *levijat mi krak e po-malačk ot desnija.* 'Apparently my left foot is smaller than the right one'.

Possible meaning with markers of type B: 'The new right shoe does not fit so well as the left one. So I conclude that my right foot is bigger'.

[ii] retrospective inference (trying to remember something): *Majka mi maj (če), kato če li, sjakaš* / **izgležda, javno, očevidno imaše edna bratovčedka ot Amerika.* '(I remember) as though my mother had a cousin in America'.

¹⁴ The markers given in (1–2) are typical exponents of the respective types, but we can find more representatives for each type.

In this case, deductive inference is drawn on the basis of encyclopaedic or background knowledge of a concrete person. Markers of type A and B are incompatible with this kind of generic inference or they alter the basis of judgment conveyed by the whole utterance as perception-based inference. Compare the same sentence as in (1) with another cognitive background, which allows an inference from an observable situation:

- (2) (The child looks very unhappy and has tears in its eyes.) *Deteto maj (če), kato če li, sjakaš* (type A) / *izgležda, javno, očividno* (type B) *e mnogo tážno.*
 ‘The child is **probably** / **possibly** / **certainly** very sad.’

Here markers of type C (e.g., *navjarno, verojatno, sigurno*) are possible, too, but they block, as it were, an interpretation according to which the speaker has arrived at his/her conclusion from the observation of perceivable facts.

The default of type A and B markers can be overwritten in certain circumstances. This default change has to do with the evidential-epistemic tip-effect we will deal with below.

Now, quite obviously, an account of units used for marking inferences in terms of evidentiality becomes more troublesome the broader their range of meaning (or usage?) proves to be. If we want to disentangle evidential and epistemic meaning components and empirically verify whether such components are sufficiently stable ingredients of their lexical meaning – and not just pragmatic effects arising from GCI – we must gain a more precise understanding of whether and how, for a given unit, purported components are subject to metonymic tip-effects by which either epistemic or evidential components become foregrounded (and the other backgrounded), and to what extent this depends on influence from different context types. In addition to this, we should admit that an epistemic modifier would be better excluded from an inventory of evidential units (of a given language), if we cannot narrow down a more specific evidential function. Only then can we manage to formulate workable and adequate lexical explications of evidential units.

In the following we are primarily interested in the impact exerted by certain types of context conditions on the interpretation of utterances which contain lexical markers with an evidential potential (see section 3). Nonetheless, the mirror-image of this relation between linguistic units and their contexts is to be recognized in the fact that contexts become incompatible with certain evidential markers if the lexical meaning of the latter narrows the range of knowledge background serving as the basis for the judgment (see 2.1). In particular, this holds for the distinction [\pm perception-based] (= ‘circumstantial – generic inferentives’) already mentioned and for units with a meaning indiscriminate in this regard. We will point out such incompatibilities in section 3.

2.4 Factivity vs. fictivity status and meaning ranges (inherent or contextual?)

Tip-effects of epistemic vs. evidential fore- or backgrounding seem to depend on the factivity vs. fictivity status of the given unit (cf. [LAMPERT 2009]). For instance, [LAMPERT, LAMPERT 2010] showed that Engl. *seem* has a very broad range of collocations. In fact, irrespective of how it is used syntactically (on heterosemy see section 3.1.1), it is extremely flexible. For instance, it may collocate with rhetoric boosters or epistemic modifiers close to the certainty pole (see ex. 3), but it may also occur with hedges that weaken the speaker's stance and with epistemic modifiers close to the uncertainty pole (see ex. 4):

- (3a) The monthly fees sound low, and for millions of users they evidently seem so...
- (3b) They sure seem to be able to do some things right...
- (4a) Which is why maybe he seems so composed...
- (4b) ... it just seems like the whole world is spinning out of control...
(quoted after [LAMPERT, LAMPERT 2010: 315])

The authors propose two alternative conclusions to these observations, which at first sight appear to be a dilemma [LAMPERT, LAMPERT 2010: 315]:

“If we wish to save *seem* as an evidential, we would have to eliminate adverbs such as *obviously*, *apparently*, *evidently* from the category of evidentials and relegate them to the epistemic category, or we would have to assume that evidentiality can be expressed twice”.

We think that, unless it can be proven that evidential values cannot, in principle, be expressed twice (for one proposition), the second alternative is more attractive. Actually, [LAMPERT, LAMPERT 2010] highlighted two different problems:

- (i) The significance of collocational properties for a data-driven analysis of markers associated with a distinction of factivity vs. fictivity status. The question is whether (and to what extent) observations arising from corpus analyses allow us to draw conclusions (or build hypotheses) about the semantic load of propositional modifiers, i. e., what belongs to their “proper semantics”. This semantics can remain vague (or, rather, diffuse).
- (ii) How can the semantics of diffuse units be captured in terms of their lexicological description? The counterpart to this question is: which conditions of context give a contour to diffuse meanings?

Issue (ii) is directly related to the point we made in 2.1 with respect to GCIs. It is essential to establish a semantic core, more particularly to decide whether stable meaning components bear evidential or rather epistemic (or some other) functions, whereas other “shades of (utterance) meaning” are evoked only in interaction with certain context conditions. As for these, we

may distinguish between **micro-conditions** – such as the immediate linguistic context (on the level of the sentence) supporting the reconstruction of an inference, i. e. the evidential reading – and **macro-conditions**, such as the discourse genre or the global illocutive purpose of a given text. For instance, [WIEMER, SOCKA 2010] argue that ‘epistemic overtones’ of some German and Polish reportive markers arise on the basis of GCIs, with the reportive (i. e., evidential) function being inherent, whereas the epistemic function is cancelable (cf. [OLBERTZ 2007] on Mexican Spanish and [CELLE 2009] on English for similar results). It occurs that the epistemic function is cancelable especially under certain macro-contextual conditions, namely, in juridically relevant texts such as newspaper reports from court trials or TV news about police or secret service activities.

Thus the question arises as to whether similar micro- and/or macro-contextual conditions can be figured out for evidential markers in Bulgarian. This is the question we will pursue in the remaining part of our article.

3. Factors influencing the interplay between evidential and epistemic functions

For the following data-driven investigation we need to make some at least very rough distinctions of what otherwise would absolutely vaguely be named ‘context’. We do not pretend at being original, but simply want to draw certain preliminary lines of division between types of environment with which evidential markers (and utterances modified by them) are claimed to interact. The choice of lines of division is, of course, conditioned by our own research interests and based, to some extent, on an intuitive understanding of relevant distinctions.

For the following data-driven investigation we need to make some at least very rough distinctions of what otherwise would absolutely vaguely be named ‘context’. We do not pretend at being original, but simply want to draw certain preliminary lines of division between types of environment with which evidential markers (and utterances modified by them) are claimed to interact. The choice of lines of division is, of course, conditioned by our own research interests and, to some extent, on an intuitive understanding of relevant distinctions.

By ‘macro-context’ we mean conditions of the larger linguistic context into which utterances are embedded as well as text genres for which certain usage patterns of linguistic forms (in terms of their functions and/or frequency) can be shown to be characteristic. Macro-contextual factors can then be contrasted, on the one hand, with encyclopedic knowledge, which is essentially based on information not supplied by any linguistic context, but by background knowledge, which helps interpreting utterances in their situational

setting¹⁵. Admittedly, this distinction is often difficult to establish—at least since knowledge (or habits) concerning discourse genres can be considered as part of general background knowledge, too. However, we suggest that there should be a principled distinction between knowledge based on larger stretches of explicitly uttered linguistic discourse (text) and knowledge rooted in all kinds of cultural and situational background that, for the given utterance with a marker under investigation, is not stated explicitly in the text.

On the other hand, macro-contextual conditions should be treated separately from the linguistic ‘micro-context’, which we understand as units at the clause and sentence level. Sentence level is at once the upper boundary for the immediate scope of propositional modifiers to which grammatical and lexical markers of epistemic and evidential functions belong (see 2.1). Such scope properties belong to the linguistic code, i. e., to the inherent (thus semantic) properties of the relevant units (on a grammar–lexicon cline), and, thus, need not be computed from interaction with the context (or the situation of utterance).

The criteria mentioned above for distinguishing kinds of discourse (or knowledge) background that may become relevant for the interpretation of evidential-epistemic modifiers are summarized in the following table.

Table 1. Discourse conditions for the interpretation of evidential-epistemic modifiers

	micro-context	macro-context		encyclopaedic knowledge
structural scope of modifiers	clause or sentence	(theoretically) unrestricted		not relevant
type of background (I)	linguistic (uttered explicitly)			situational
type of background (II)	code-like	not code-like, but dependent on properties of (larger) discourse stretches		not at all bound to linguistic code
		generalizable	not generalizable	
		based on experience with the use of discourse genres		

¹⁵ In many approaches and handbooks, what we dub ‘context’ has been called ‘co-text’ (cf., e. g., [YULE 1996: 21f]), whereas background knowledge and ‘situational setting’ fall into what has often been referred to as ‘cultural context’. Cf., for instance, [HAL-LIDAY 1999] for similar distinctions.

We will now discuss different types of micro- and macro-contextual conditions (3.1 and 3.2) as well as illustrate how the interpretation of markers with an epistemic-evidential meaning potential may depend on encyclopedic knowledge (3.2.2) and how it “reacts” if no specific background knowledge is supplied (3.3).

3.1 Micro-contextual factors

As stated above, micro-contextual factors are bound to the immediate linguistic context that supports the reconstruction of an inference, i. e., the evidential reading intended by the speaker. We may split these factors into two groups: (i) those in which the respective marker shows different syntactic behavior with respect to the proposition it modifies (= heterosemy); (ii) those in which the specific cognitive or communicative background for the proposition modified by the respective marker is made explicit in a sentence (utterance) immediately preceding or following the sentence with that marker. Conditions (i) and (ii) are not mutually exclusive. Moreover, the boundaries between micro-contextual factors of kind (ii) and macro-contextual factors are fuzzy. In fact, this arises from the fact that there are neither clear-cut definitions of sentence boundaries, nor conventions of punctuation that would unanimously mark such boundaries. We will first illustrate cases of kind (i) (3.1.1) before turning to kind (ii) (3.1.2).

3.1.1 Heterosemy of Bulgarian inferential units

For the treatment of intra-sentential (= micro-contextual) cues to the behaviour of inferential markers the notion of ‘heterosemy’ proves helpful. According to [LICHTENBERK 1991: 476], heterosemy exists “where two or more meanings or functions that are historically related, in the sense of deriving from the same ultimate source, are borne by reflexes of the common source element that belong in different morphosyntactic categories”. Heterosemy is important for us insofar as different syntactic realizations may have consequences for the function of the unit as a propositional modifier (evidential, epistemic, other). In practice, heterosemy in the domain of evidentiality and other fields of propositional assessment has been shown to occur, e. g., in Spanish. Cf. [CORNILLIE 2007: ch. 2+3] who demonstrated that the epistemic load and (range of) evidential functions of, e. g., the (semi-)auxiliary *parecer* ‘to seem’ varies with its syntactic realization (as a matrix verb having either a finite or an infinitival complement, as a particle used parenthetically, etc.). Another kind of heterosemy occurs with Russ. *poxože* ‘similarly’; compare the following examples from [LETUCHIY 2010: 362f] which show that the factivity status of the proposition in the scope of *poxože* depends on whether this unit is used as a particle (5a) or as a complement-taking predicate (= predicative) as in (5b):

Russian *poxože*

- (5a) **Poxože**, *Vasja upal.*
(*No na samom dele on stoit kak štyk.*)
'Vasja has fallen, **it seems.**' (lit. 'looks like')
'But in actual fact he is standing straight as a post.'
← non-factive, can be denied
- (5b) **Poxože**, *čto Vasja upal.*
(**No na samom dele on stoit kak štyk.*)
'**It looks/seems** as if Vasja has fallen'.
**'But in actual fact he is standing straight as a post.'*
← factive, cannot be denied

The same kind of heterosemy can be observed with Bulg. *izgležda* 'it seems' (literally: 'it looks'); another case in point would be *po vsičko liči* 'to all appearances' (literally 'from everything it becomes obvious'). Compare the following examples, which show that the factivity status of the proposition in the scope of *izgležda* depends on whether this unit is used as a particle (6a) or as a complement-taking predicate (= predicative) as in (6b):

Bulgarian

- (6a) *Svatbarite, izgležda, sa praznuvali do kāsno.*
'The wedding guests, **it seems**, have celebrated till late.'
← non-factive, can be denied, e. g., by continuing:
No vsāštност tova može i da ne e vjarno. 'However it may not be true.'
- (6b) *Izgležda, če svatbarite sa praznuvali do kāsno.*
'**It seems** that the wedding guests have celebrated till late.'
← factive, cannot be denied
(**No vsāštност tova može i da ne e vjarno.* 'However it may not be true'.)

Contrary to Russian and other languages, Bulg. *izgležda* is not a SEEM-unit but a LOOK-unit, i. e., its etymology is based on the converse of SEEM. This converse meaning ('look like / as if') shows up in its use as a standard form from the paradigm of this verb (7). As a particle, *izgležda* has lost this paradigmatic relationship and acquired a lexicalized meaning as an evidential marker (8):

Bulgarian

- (7) *Kāštata izgležda pusta otvātre.*
'The house **looks** empty inside.'
- (8) *Kāštata, izgležda, e pusta otvātre.*
'The house is, **it seems**, empty inside.'

A similar case of heterosemy with the same semantic effect occurs with the units *očividno* ‘obviously’ and *javno* ‘obviously’; both function as sentential adverbs (i. e., they modify a proposition, but are not the syntactic predicate of the clause; see 9a) and predicatives (i. e., they are themselves the syntactic predicate; see 9b). If used as predicatives, *očividno* and *javno* can combine with the copula or appear without it: *očividno (e), če* and *javno (e), če*. The usage of the predicative variant without the copula is more colloquial and does not appear in corpora of printed texts which we have consulted. The occurrence of the copula seems to be an additional factor favoring factivity:

Bulgarian

- (9a) ***Očividno (javno)*** *mного малък процент от българите умеят да плуват.*
 ‘**Obviously** only a small percentage of Bulgarians can swim’ .
 ← non-factive, can be denied:
No vsāštност това може i da ne e vjarno. ‘However it may not really be true’.
- (9b) ***Očividno (javno) e, če*** *mного малък процент от българите умеят да плуват.*
 ‘**It is obvious that** only a small percentage of Bulgarians can swim’.
 ← factive, cannot be denied:
 **No vsāštност това може i da ne e vjarno.*
 ‘However it may not be true’.
 [<http://www.focus-news.net/?id=f17740>: *Očividno e, če ...*]

With other units predicative usage does not allow the copula to be left out even in colloquial speech; compare, for instance: *verojatno e da (če)* ‘it is probable that’ / *sigurno e, če* ‘it is certain that’ (cf. [KAMPF, WIEMER 2011a: 49]).

Notice furthermore that all the Bulgarian heterosemic evidential markers mentioned above are reluctant to developing into complementizers, while their Russian equivalents have clearly developed (or are on their way toward) such a syntactic function (cf. [LETUCHIY 2010]). Compare Russ. *budto by* ‘as if’ (10) with Bulg. *sjakaš* and *kato če li* (11):

Russian

- (10) *(Mne) kažetsja, budto by Ivan p’jan.*
 ‘It seems (to me) **as if** Ivan was drunk.’

Bulgarian

- (11) **Struva mi se, sjakaš / kato če li Ivan e pijan.*
 ‘It seems to me **as if** Ivan was drunk.’

3.1.2 Specific knowledge background made explicit in the neighboring sentence

In such cases, the micro-context gives some specific reference to a particular (visual, auditive, or other perceptual) mode of knowledge. In this case the epistemic function moves to the background.

Such reference can be conveyed by descriptions of a subject. The formulation chosen gives the impression of this subject's direct perception or of its activity. Every kind of perception can be highlighted by a narrator, most frequently visual perception as in (12–15), auditive as in (16), but also palpative perception (e. g., 'hot–cold') as in (17)¹⁶:

- (12) *Široka radostna usmivka be ozarila liceto ì, no kato go vidja – mignoveno ugasna. **Očevidno** be očakvala drug čovek...*
A wide merry smile had appeared on her face, but as she saw him it disappeared instantly. **Obviously** she had waited for another person to come'. [BG, 186]
- (13) *Gālābāt **izgležda** se izplaši, zaštoto vednaga se zaspuska.*
'**Apparently** the pigeon was frightened because it immediately ran downstairs'. [BC: GĀLĀBICATA]
- (14) *Liceto mu izgleždaše udiveno, toj **javno** be čul poslednite dumi na majka si.*
'His face looked puzzled.
'**Obviously** he had heard the last words of his mother'. [EM, 238]
- (15) *Nakraja **kato če li** se beše umoril – dumite stavaha vse po-provlačeni, redovete se smākvaha nadolu.*
'Eventually he **seemed** to have become tired – his words became more and more drawn-out, the lines slipped down'. [EM, 281]
- (16) *George započna da im govori nešto povelitelno na ruski – **javno** im iskaše ključa na motora.*
'George started speaking in a commanding tone something in Russian; **obviously** he demanded the key of the motor-cycle'. [BC: SZK]
- (17) *Dokato razmišljavaše, Khan useti, če stava po-hladno i trudno za dišane – **javno** približavaše kām goljam voden basejn.*
'While Khan was thinking, he felt that it got colder and more difficult to breathe; **obviously** he was getting closer to a big water basin'. [BC: HO]

The impression of the subject's direct witnessing or action arises in the micro-context of a complex sentence or neighboring sentences through verbs indicating direct perception like 'to feel' (see 17 above), 'to see' (18), 'to hear' (19) or the imitation of the way of speaking (20):

¹⁶ Here and in the following examples the relevant words giving "evidential hints" will be underlined.

- (18) *I **sjakaš** go vidjah kak trepna na stola.*
‘It **seemed** to me as if I saw him twitch in the chair’. [EM, 271]
- (19) *Dara se zasluša – **izgležda** krajat nabližavaše.*
‘Dara started to listen intently – the end was close, it **seemed**’. [BC: SNL]
- (20) *Ne-e! – Giovanni **očevidno** tarseše kakvo da kaže – Rabotata e mnogo debela-a!*
‘Nooo! – **Obviously** Giovanni was looking for what to say. – The matter is very se-erious...’ [BC: NASLEDNICI]

In other cases, the specific reference can be of a more complex, not primarily perceptual nature, but the connection to the source of inference is nevertheless explicitly given in the micro-context. Encyclopedic knowledge may sustain perception-based inference as an additional factor (see 3.2.2). This can be illustrated by the following examples:

- (21) *Dvata trupa obšto imaha poveče ot 400 kinta – **javno** bjaha vzeli zaplati.*
‘In both bodies there were more than 400 Leva; **obviously** they had got a salary’.
[BC: <http://scanman.wordpress.com/2007>]
[a big amount of money]
→ inference: the dead men had got a salary and hadn’t still spent it.
- (22) *Bebeto ot davna be preminalo vsički srokove za svoeto razždane, no vse ošte be živo i žizneno v neja. **Izgležda, če** mu haresvaše tam, da si živee spokojno i nesmuštavano na čužda smetka...*
‘The baby has long passed all terms for its birth, but was still alive and lively in her. It **seemed** to like it there, living calmly without disturbances at other people’s costs’ [BG, 104]
[The regular time of birth of a baby has long passed by.]
→ inference: The baby likes its place to stay and doesn’t want to be born.
- (23) *Nesi **kato če li** i instinkti njamaše. Toj užasno se učudi, kato otkri, če jutijata pari. ...*
‘Nesi **seemed** to have no instincts either. He was very puzzled noticing that the iron burns when one touches it’. [BG, 112]

The protagonist of the science-fiction novel by P. Vežinov is an extraordinary person with many intellectual gifts but without normal human feelings and instincts. This inference is drawn through an incident with a hot iron.

It is important to stress that the difference of [± perception-based] inference built into the semantics of these markers seems to be blurred in cer-

tain cases (see 2.3), namely, if the reconstruction of an evidential basis is not possible from general (encyclopedic) knowledge, there is also no contextual aid supporting the evidential reading, so it is overshadowed by the epistemic function of the marker irrespective of the semantic type the inferential marker belongs to.

Therefore, one of the following constellations appears to be necessary for an evidential reading to become foregrounded:

1. A marker with a default of perception-based inferences with clear micro- or macro-contextual support for the evidential function (3.1.2 and 3.2.2).
2. A marker with a default of perception-based inferences without such contextual aid, but the basis for the inference can be unambiguously reconstructed due to encyclopedic knowledge (3.2.2).
3. A marker with semantically indiscriminate functions but only in the case of explicit logical (causal) relations (see end of 3.3). If the latter condition applies, non-perception-based ('generic') inferential meaning can be foregrounded.

Both perception-based and non-perception-based markers can reduce or lose their evidential meaning if these constellations are not maintained. If they are not, the inference cannot be reconstructed and, as a consequence, the epistemic meaning becomes foregrounded.

3.2 Macro-contextual factors

Among macro-contextual conditions we should distinguish between conditions which can be generalized – for instance, ways in which one may figure out some sort or other of properties typical for text genres – and conditions which do not lend themselves easily to generalizations. In a sense, this distinction can be compared to the difference between generalized vs. particularized conversational implicatures (on which see 2.1): in neither case can macro-contextual factors be reduced to functions of the linguistic code, but, whereas generalizable conditions rest on more general knowledge about how certain discourse types work and which kinds of illocutionary purpose their authors (speakers) normally pursue (3.2.1), non-generalizable macro-contextual conditions bear an ad hoc nature and, thus, do not allow for more “tight and ready” formulations on how they arise and what properties they display (3.2.2). They can hardly be predicted and consequently cannot be made the basis for rules.

3.2.1 Generalizable macro-contextual factors

Bulgarian is well known for its system of so-called renarrative forms (Bulg. ‘preizkazni formi’), which should rather be classified as grammatical markers of indirect evidentiality (in the sense explained in 2.3, i. e., comprising infer-

ential and reportive functions). Roughly, this paradigm of forms derives from a reinterpretation of the perfect or, more precisely, of the present and the past perfect, which, however, differ in function regarding their connection to modality. The perfect is marked with a participle with an *l*-suffix plus an auxiliary indicating person and number (beside tense)¹⁷.

The reinterpretation of the past perfect in Bulgarian is claimed to have led to the rise of a modified paradigm, which functions as a separate evidential paradigm. It is a melange of evidential and epistemic values and called ‘dubitative’ by some Bulgarian grammarians (cf. [NICOLOVA 2008: 370ff.]). There is an essential difference between the ‘preizkazni formi’ based on the present perfect, which is epistemically neutral (A), and the forms based on the past perfect, which do carry an epistemic load (B). This difference appears in the following minimal pair of utterances, cited from [NICOLOVA 2008: 336]:

- (A) *Petrov stanal direktor.* ‘Petrov **is said to have become** director.’
‘preizkazna forma’ derived from present perfect → reportive
- (B) *Petrov bil stanal direktor.* ‘Petrov **allegedly has become** director.
[But I don’t believe it.]’
‘preizkazna forma’ derived from past perfect → dubitative

While the epistemic load of the dubitative is the distinctive feature of these paradigmatic forms, the non-dubitative forms among ‘preizkazni formi’ offer in this respect a more differentiated picture. Some researchers have observed interesting evidential-epistemic tip-effects that depend on the discourse type. Since Bulgarian does not have proper lexical evidentials for reportive meanings (cf. [KAMPF, WIEMER 2011a–b]), we will illustrate this point with grammatical evidentials, to which the paradigm of ‘preizkazni formi’ belongs.

Thus a particular case of macro-contextual conditions can be inferred from the results of KORYTKOWSKA’s [2000] investigation of ‘preizkazni formi’ in the 20th century Bible translation into Bulgarian¹⁸. Her findings elucidate

¹⁷ Many investigators, especially from Bulgaria, have claimed that the formal expression of both main evidential functions (inferential vs. reportive) is identical only in the 1st and 2nd SG/PL-forms: in the 3rd SG/PL-form the reportive function is indicated by the mere *l*-participle (without the auxiliary), whereas the inferential function coincides with the perfect of the indicative, i. e., the combination of the *l*-participle and the third-person form of the auxiliary ‘to be’ (sám.1SG, si.2SG, e.3SG, etc.); cf. inter alia, [GUENTCHÉVA 1996]. Most recent research shows, however, that the reportive function can be expressed with this form, too, depending on discourse factors (cf. [LINDSTEDT 2010: 418]). There are reasons to accept another view due to which all evidential interpretations of the *l*-forms in Bulgarian arise from one paradigm, with lack of the auxiliary being conditioned by the instantiation of an observer (= instance of judgment) who differs from the actual speaker (or narrator); cf. [SONNENHAUSER 2012] for an elaborate argument backed by an empirical investigation.

¹⁸ She based her study on the 1982 reprint of the acknowledged translation published in 1925. This edition basically represents Modern Bulgarian usage also with respect to “renarrative” (‘preizkazni’) forms.

that, in Modern Bulgarian, these forms are inappropriate in contexts where the purpose is to not provoke any doubt as to the veracity (or trustworthiness) of the related events. In particular, these forms do not occur in acts of revelation (which believing Christians, among them the authors of the New Testament, must take for granted) and in narrative (but not re-narrative!) passages where the author is indicated (i. e., identifiable) unambiguously.

It is intriguing to look at the reasons for these results. We argue that, in general, the Bulgarian 'preizkazni formi' have to be considered as epistemically neutral (contrary to the dubitative forms) since there are a few context types where the occurrence of these forms does not raise any epistemic overtones. Consider, for instance, an excerpt from a history book (24) and an isolated utterance which could have appeared in any sort of colloquial dialogue (25); there is no reason to be skeptical about the proposition uttered:

(24) *Starite bălgari **bili** nenadminati majstori v juvelirnoto izkustvo.*
'The ancient Bulgarians **are said to have been** unrivalled masters in the arts of jewellery'. [DIMITROV 2005: 92]

(25) *Ivan včera **se napil**.*
'Ivan **is said to have got drunk** yesterday'.

Such instances (which are numerous in speech) confirm that, *per se*, the 'preizkazni formi' do not carry any additional load beyond an indication of the fact that the speaker has not experienced the described state of affairs him/herself.

Based on this, we should consider examples like (26), a heading in a daily newspaper (cited from [NICOLOVA 2008: 390]):

(26) *Kitaec **otkril** Amerika 1000 godini predi Kolumb.*
'A Chinese man **allegedly discovered** America 1000 years before Columbus'.

Here the speaker can be interpreted as meaning to imply that the proposition might not be true (or might not deserve to be given too much trust). However, this implicature can only be computed on the basis of the further background supplied either by the broader linguistic context (the text following after this heading) or by situational or encyclopedic knowledge such as, e. g., acquaintance with the writer's skeptical stance toward anybody said to have discovered America before Columbus.

Furthermore, the 'preizkazni formi' fulfill stylistic and discourse specific functions. They are the main predicative forms in fairy tales, legends, and other originally oral genres of folklore as well as in history books for children if they treat events of a remote past. Not surprisingly, they are not at all encountered in scientific texts; in police protocols containing witnesses' recalls of crimes and accidents, the usual grammatical forms for verbs to appear are the present

perfect and the “historical” present, but not the ‘preizkazni formi’¹⁹. Consequently, one gains the impression that these forms are, in principle, avoided in genres and discourse types with serious, confirmed backgrounds, for which subjective interpretations, doubts, or mistakes are unwarranted; compare Korytkowska’s conclusions above. In accordance with this, Nicolova made a suggestion very much to the point, namely, that reportive evidentials stylistically transform utterances from an official to a colloquial level, to hearsay and gossip [NICOLOVA 2008: 390; cf. also SONNENHAUSER 2012: 367, 369]. This is certainly an effect which many genres and discourse types do not pursue. As concerns modal functions of ‘preizkazni formi’, their most essential feature is the expression of distance and reservation, which is very useful in polemical discourse and often exploited by journalists in the mass media²⁰. Actually, we arrive here at hedging functions, which can be seen as a functional extension of the evidential-epistemic tip-effects of ‘preizkazni formi’.

On first sight, these observations seem to contradict each other, or at least they are not easily reconciled. This impression, however, is only apparent. As GUENTCHÉVA [1996: 55] puts it, the crucial function of ‘preizkazni formi’ is to mark that the speaker is refraining from taking responsibility for the uttered assertion; as a consequence, this assertion is located outside of truth-conditional judgments²¹. WIEMER [2006], with respect to lexical markers in Polish, has called this ‘epistemic agnosticism’: the speaker does not make any statement concerning truth or falsity, or the degree of reliability, of the respective proposition(s). This agnostic stance can become the point of departure for virtually any kind of discourse-conditioned implicature; in other words, the interpretation of these forms rests on pragmatics, it is not derived from a straightforward decoding of their semantics. Whether (or not) these forms easily trigger implicatures concerning the epistemic stance of the (re-)narrating speaker often depends on specific discourse conditions insofar as these reflect different pragmatic strategies²². Therefore, if the speaker (writer) is eager to avoid any epistemic overtones able to cast doubt on the veracity of his/her words (conveying another person’s, or other people’s, previous utterances), s/he avoids forms marked for indirect experience (as the Bulgarian ‘preiz-

¹⁹ Present tense forms are quite often accompanied by the lexical marker *spored X* ‘according to X’. Although we have authentic examples of such usage in police and court protocols, we do not adduce them here for ethical reasons.

²⁰ For an overview on the usage of grammatical evidentiality markers in different registers cf. [NICOLOVA 2008: 385–392]. For further references cf. [SONNENHAUSER 2012: 369ff].

²¹ The original wording is: “(...) l’énoncé médiatisé n’exprime aucune garantie des propos rapportés et place l’énoncé hors d’une assignation référentielle en «vrai» ou «faux»”.

²² These, in turn, may be guided by superordinate illocutionary goals and cultural traditions. However, the investigation of such “higher order” motifs for the development and use of evidential marking in discourse goes beyond the scope of our contribution.

kazni formi') altogether. This avoidance strategy guarantees him/her a safeguard against possible objections of conveying non-trustworthy information. For obvious reasons, this effect has to be circumvented by any means not only in contexts of revelation, but also in the original narration of epic genres (novels etc.) as well as in protocols and other sorts of testimony. On the other hand, if the speaker (writer) does want to stress that the proposition(s) formulated by him/her do not rest on direct experience, s/he may mean to safeguard him/herself against objections that s/he is telling something for which s/he did not have direct access. This strategy justifies itself in reports about reconstructed events, such as relations about very remote historical events (especially if they are not given as a report of mere facts, but rather told, as would be more appropriate if the addressees are children), or if events are re-narrated and should be marked as such. Whether this marking causes epistemic overtones, such that indirect access implies lack of reliable enough experience, is a separate issue which has to be approached empirically.

Regardless, the interaction between epistemic agnosticism and epistemic implicatures that can, but need not, be triggered relies on a general mechanism between semantics and pragmatic conditions; it need not be restricted to grammatical (or paradigmatic) form inventories but can prove valid for lexical markers, too. And it should hold for the relation of inferential (i. e., evidential) and properly epistemic meaning components as well. This is what we will subsequently demonstrate.

3.2.2 Non-generalizable macro-contextual and encyclopedic factors

In the case of inferential evidence, the macro-contextual factors influencing evidential-epistemic tip-effects can hardly be generalized. Inferential statements are the result of a basic cognitive process that is not reserved for one or other functional register and discourse type.

A macro-context often contains some specific reference to a particular source of information. For the reader it is usually not difficult to use such indications in the macro-context as support for a reconstruction of the cognitive background that triggers the respective inference. Such a case is illustrated by the following example:

(27) *Starijat nabožen dārdorko, osven podagrata si, očevidno be pipnal i skleroza.*

'The old pious chatterbox **obviously** has sclerosis in addition to his gout disease'. [BC: NASLEDNICI]

This sentence is excerpted from the internal dialogue of a young man angry about his father who tells him to learn a part of the Bible by heart. The son is irritated by these words because the old man had apparently forgotten that his son has known the whole Bible by heart since his childhood.

Consider two further examples from modern fiction:

- (28) *Izgležda, momičeto ne beše tova, koeto otnačalo pomislih.*
 ‘The girl was **obviously** not what I inferred her to be’. [BARIERATA, 12]

The protagonist meets a girl in a restaurant who, without invitation, gets in his car and waits there for him. After an initial surprise he notices that she is not a prostitute but a strange little person. The protagonist thinks this while talking to the girl. The evidential basis of the utterance is reconstructable for the reader who follows the conversation between the protagonist and the strange, mentally ill girl.

- (29) *Tazi večer očevidno vsički bārzaha.*
 ‘This evening, **it seemed**, everybody was in a hurry’. [BC: TAXI]

This sentence forms part of the internal dialogue of the metaspeaker who works as a taxi driver. In the novel, the story of an evening at his work is narrated. It begins with criminal clients who get into his taxi and force him to drive too fast. The quoted words are pronounced after a couple with a pregnant woman gets into the car and he receives the next order: “To the hospital. Immediately!” Without this knowledge provided by the macro-context, the evidential basis of the utterance cannot be reconstructed.

Finally, some specific reference to the source of information may be reconstructed due to the reader’s (or listener’s) encyclopedic knowledge. Although there is no direct reference to any source of information in the text, it is still possible for the reader/listener to reconstruct it on the basis of general encyclopedic knowledge which an average adult person (raised in the given culture) possesses. It is like a script which the involved person completes in the process of understanding the text. Compare the following example:

- (30) *Aleksi, izgležda, če sām zabremenjala.*
 ‘Aleksi, **it seems** that I have gotten pregnant’. [BG, 103]

Here encyclopedic knowledge derives from the changes in the physiology of a woman which result from her pregnancy.

In cognitive processes, an important role is played by stereotype images, connected to different entities, in this case the image of a central street and a square in a small village. This image is the basis for the inference made:

- (31) *Ponesoha se zaplašitelno bārzo meždu skupčēnite kāštja, prehvērčaha prez nešto, koeto očevidno beše glavnata ulica s centralnija ploštad na neja.*
 ‘They rushed threateningly fast along the crowded houses, flew through something which was **obviously** the main street with the central square in it’. [BC: RNR 2]

Similarly, people share some general knowledge or stereotype image of the properties of expensive shoes which allows the protagonist to draw such an inference about the high value of the shoes only from seeing them:

- (32) *Obuvkite bjaha javno mnogo skāpi.*
'The shoes were **obviously** very expensive'. [BC: FD]

3.3 No clear reference to any source of information

Another situation applies if we can find no specific reference to a particular source of information either in the micro-context or the macro-context and general encyclopaedic knowledge is not helpful either. There are no facts referred to, nor is there an obvious single possible explanation. In this case, the evidential function appears only in the background or cannot be clearly distinguished from the epistemic one. We should demonstrate this effect first for markers with a semantic default of perception-based inferences and, second, for markers which occur predominantly with reference to deductive (i. e., non-perception-based) reasoning. As explained in 2.3, this distinction practically coincides with Squartini's distinction between 'circumstantials' and 'generics'.

Since there is no explicit reference to any source of information in headings, only a vague kind of feeling or intuition can function as such "reference": under such conditions some markers with an evidential default of perception-based inferences receive a discourse-induced hedge function. This function can be observed especially with the markers *kato ĉe li* and *sjakaš* (belonging to type A), both units originating in comparative constructions ('as if'). Let us have a look at two examples taken from headings of newspaper articles:

- (33) *Rajna Petrova: Sjakaš ima diskriminacija kām "Centralen", "Severen" i "Južen".*

'Rajna Petrova: It **seems** that there is a discrimination of the "Central", "North" and "South" districts'.

[heading of an online newspaper, <http://news.plovdiv24.bg/223626.html>]

In a short piece of internet news, arguments are exchanged and an evidential basis for the inferences drawn is provided, but the primary function of the marker in the summarizing heading is to soften an otherwise rather critical statement. Possibly the word *diskriminacija* was used by the person, Rajna Petrova, herself, together with *sjakaš* used rather as a hedge. Alternatively, out of additional context, we could also understand that the use of both *diskriminacija* and *sjakaš* is to be ascribed to the reporting journalist who chose to restrain him/herself from taking the responsibility for using such a strong word. A very similar situation arises in the next example:

- (34) *Krizata **kato če li** si otiva ot Evropa.*
 ‘It **seems** as if the crisis was leaving Europe’.
 [heading of an online newspaper,
<http://www.investor.bg/analizi/91/a/krizata-kato-che-li-si-otiva-ot-evropa,85227/>]

Of course, a feeling or an intuition as source of information is only a weak piece of evidence (if it indeed constitutes evidence at all) because of their very subjective and unprovable nature. Thus markers such as those just illustrated are predestined as hedges if no reference to some more objective source is supplied, or in isolated utterances such as headings.

Furthermore, the inferential function quite often cannot clearly be isolated from the epistemic function. Normally, the markers being discussed here have a salient inferential (i. e., evidential) function. Nonetheless an epistemic assessment interferes quite often and, given favorable conditions, can push into the background the otherwise prominent inferential default. This can happen even in those cases when an evidential marker has a default on perception-based inferences and is etymologically connected to the concept of seeing or looking, such as *izgležda* ‘it seems’, *očevidno* ‘obviously’, *javno* ‘obviously’, *po vsičko liči* ‘on all appearances’ (cf. [KAMPF, WIEMER 2011a: 68ff.]). The transformation into a non-perceptive, entirely cognitive process of “seeing” (seeing → understanding) is an appropriate basis for overwriting this default. In most cases there is some reference for the inferential process in the micro- or macro-context (see 3.1.2 and 3.2.2). However, the speaker can also make a statement without providing a clue to justify it. As a result, this communication strategy yields the impression of epistemic reservation yielding a hedge as in (35), or the impression of common knowledge which the speaker does not find necessary to explicate, as in (36) and (37):

- (35) *Ako Pep 227 se dava na hora s marker za avtoimunna reakcija, to **izgležda** toj može da gi predpazva ot bādešta izjava Tip 1 diabet.*
 ‘If Pep 227 is given to people with an indication of autoimmune reaction, it **seems** that it can prevent a manifestation of diabetes type 1 in the future’. [BC]
- (36) *Zaštoto demokracijata **očevidno** veče beše na pāt, ot kojto ne možeš da ja vārneš.*
 ‘Because **obviously** democracy was on a track, from which nobody could bring it back’.
 [BC: <http://www.vesti.bg/index.phtml?tid=40&oid=361741>]
- (37) *Procesāt bez sāmnenie e bolezen, no **javno** e neizbežen pri preminavaneto na edna političeska sila ot upravlennie v opozicija.*

‘This process is without doubt painful, but **obviously** it is inevitable during the transition of a political force from government to opposition’. [BC]

Markers of this type often fulfill a discourse-rhetorical function to emphasize the author’s point of view while criticizing something or somebody (e. g., in journalists’ polemics):

(38) *No obratnata strana **izgležda** ošte dälgo njama da se vzema predvid pri opredeljane na obštestvenata politika.*
‘It **seems** that the other side won’t yet be taken into consideration for a very long time for the determination of the social politics’.
[BC: <http://www.komentari.com/web/modules.php?name=News&file=print&sid=39>]

(39) *Stanimir Hasärdžiev: **Očevidno** njakoj ima interes v Bälgarija da njama transplantacii.*
‘Stanimir Hasärdžiev: **Obviously** somebody has an interest in there being no transplantations in Bulgaria’.
[heading from an online newspaper, <http://www.cross.bg/1192524>]

Now let us turn to markers which predominantly mark generic (deductive) inferences or, more precisely, which do not have a semantic default of perception-based inferences. Markers like *navjarno* ‘probably’ (characteristic for more sophisticated literal text sorts) and *verojatno, sigurno* ‘probably, certainly’ (stylistically neutral) belong here; they mostly refer to inferences without a particular indication in the micro- or macro-context. In this case, the modal function seems to be the more important one from the communicative point of view. The evidential function is in the background or not present at all, because the source of information is not obvious, being a result of an individual, not always comprehensible deduction.

The reconstruction of a deductive process varies individually for every reader or listener. In the following example, the evidence can be reconstructed only by the “competent” reader who knows the action and the protagonists of the given literal text:

(40) *Tolkova mnogo cvetja tja **navjarno** ne beše viždala prez celija si život.*
‘She had **probably** not seen so many flowers during her whole life.’
[BARIERATA, 53]

The logical argument serving as evidence for this statement is accessible only to those who know that the protagonist of the novel is a girl with psychological traumata from childhood who spent many years in psychiatry and did not have the opportunity to enjoy the beauty of nature. As a test, we try to replace the marker used originally by a marker with a perception-based default,

for instance *izgležda* ‘it seems’. In the given context, this replacement is not felicitous. So we can speak here about a predominant epistemic presumption.

The logical argumentation can be rather original and non-trivial. In this case the evidential function does not appear at all, contrary to the emergent epistemic function:

- (41) *Navjarno taka e pravel i Lobačevski, dokato e izveždal svoite formuli.*
 ‘**Perhaps** Lobačevski did so, too, when deducing his formulae’. [BG, 142]

The context this utterance occurs in is a description of the scientific work of the protagonist fighting against distracting thoughts and trying to concentrate on a complicated subject. The comparison with the famous Russian mathematician and geometrician who lived in the 19th century is a product of the fantasy of the author. Lobačevski’s name could, in this case, be replaced by any other inventor’s name. Thus the utterance is a mere presumption without any evidential basis.

The next example shows a similar case. The marker functions as a means to involve the reader in the described fictive world. The author tries to share the cognitive basis of his/her own inference with the reader/listener:

- (42) *Navjarno mnozina ot vas sa viždali tova staro, pečalno zdanie sãs zarezšeteni prozorci.*
 ‘**Probably** many of you have already seen this old, sad building with barred windows’. [BARIERATA, 23]

The reconstruction of the cognitive basis could refer to the fact that the building is so strikingly awful and sad that it may be known to many of the readers. However, this reconstruction is not at all obvious, the replacement with a perception-based marker is completely impossible, so that here only the epistemic function comes to the fore.

The evidential reading in constructions with markers like *navjarno* ‘probably’ gets support only in cases when the logical relation in an utterance is explicit, although the epistemic function is nevertheless present, too. In the next example, *navjarno* could be easily replaced by *izgležda* ‘it seems’, *očividno* ‘obviously’ or *javno* ‘evidently’, so that the evidential function would move into the foreground:

- (43) *I navjarno vseki moment šte se vãrne, štom dori ne e ugasila lampite.*
 ‘And **probably** she will return any moment, for she has not switched off the light’. [BARIERATA, 91]

Compare the perception-based inference in (43) with example (44), where the epistemic and the evidential reading are combined, too. The felicitous replacement of the original marker with *izgležda* would push the non-perception-based inference into the foreground:

- (44) *Otdavna bjah zabeljazal, če vnušavam osoben respekt na obikno venite hora, **navjarno** smjataha, če sām njakakāv preoblečen general.*
'I had noticed long ago that I inspired a particular respect in common people; **probably** they considered me to be a disguised general.'
[BARIERATA, 63]

4. Summing up the findings

From the analysis conducted in the preceding section, we may deduce that there is a sufficiently tight correlation between the direction of tip-effects toward epistemic or evidential (more precisely: inferential) function, on the one hand, and the degree of transparency with which the recipient (hearer, reader) can (re)construct a specific basis of judgment uttered by the author, on the other. In other words, an inferential (evidential) meaning component is more likely to be foregrounded the more the recipient is given hints in favor of a specific basis of judgment. The inferential meaning is the least salient or absent with indiscriminate markers of inferential functions (e. g., *navjarno*, *verojatno* 'probably') if the context also does not supply clues for some more specific basis of judgment. On the contrary, the inferential meaning becomes more highlighted the more the basis of judgment is made specific. With markers that, by default, refer to perception-based inferences ('circumstantials') the inferential meaning will not be completely suppressed even if the context does not give further hints as to the type of basis of judgment (e. g., *izgležda* 'it seems', *sjakaš* 'as if'). With markers that mainly refer to non-perception-based inferences ('generics'), the inferential meaning can be more easily overshadowed by an epistemic function if the context does not help specifying the basis of judgment (as it does, e. g., in ex. 43).

From the observations made above concerning lexical markers of inferential meanings in Bulgarian we may thus draw one basic conclusion:

The more complicated the reconstruction of the cognitive (or communicative) basis leading to an inference (intended by the speaker), the clearer the epistemic function emerges while the evidential function remains in the background, and vice versa.

From the picture we gained in sections 2.4 and 3, we may further conclude that there is a tension between the meaning potential of a lexical unit able to indicate evidential and/or epistemic functions, on the one hand, and expectations arising from certain discourse (or text) types, on the other. The question is which side of this tension dominates so that it can change the "value" of the dominated part.

If, as with some German and Polish reportive markers (Germ. *angeblich*, Pol. *podobno*, *jakoby*), the epistemic "flavor" of doubt can be cancelled but the

reportive value remains under any context conditions (cf. [WIEMER, SOCKA 2010]), it is indisputable that the evidential (reportive) component represents a stable meaning component of these units. But it is also evident that, in the relation between the epistemic component and the discourse type, it is the latter which can suppress epistemic inferences (which otherwise arise as GCIs).

Superficially, one might think that the opposite direction of dominance holds with Bulgarian ‘preizkazni formi’: they are avoided (or inappropriate) in all sorts of legally relevant contexts when the reporting speaker could be made responsible for an imprecise formulation of the reported propositional content. Even more remarkably, ‘preizkazni formi’ do not occur in those parts of the Bible which convey acts of revelation (unless they are conveyed as though they were reported, see below). Furthermore, in modern speech, ‘preizkazni formi’ are frequently used in all sorts of polemics and in argumentative discourse when the speaker/writer wants to distance him/herself from his/her opponent’s view (see 3.2.1). One is thus tempted to conclude that, for ‘preizkazni formi’, it is the epistemic load (distancing from the reported content) which has to be assigned a stable status in the meaning of these forms, that this load dominates over their potential as markers of evidential functions, and, moreover, that this load cannot be suppressed by the context or specific discourse type (their “macro-illocutive” purpose as well as an institutional frame in which they are often produced).

However, based on this conclusion we would be unable to explain why ‘preizkazni formi’ do occur in pure renarration and in propositional arguments of *verba dicendi*, *sentiendi*, and *percipiendi* with clearly identifiable authors, for which there is no ground to assume any epistemic overtones. Note that ‘preizkazni formi’ are not unusual in passages when the author is a prophet or a saint, who is believed to conduct the godly revelation correctly, e. g., by citing or paraphrasing Jesus’ sermons. The New Testament would fail its purpose if these words (“quotes”) were not to reveal God’s truth which believing Christians (i. e., the intended recipients of the New Testament) cannot doubt. If, thus, we dismiss the view that these forms are inherently epistemically loaded, the context cannot suppress what does not exist. We might rather say that discourse conditions do not allow epistemic implicatures to arise. Such implicatures are triggered depending on higher order considerations, like those displayed in 3.2.1.

In summary, again, the evidential potential is stable while different types of context lead to more or less predictable implicatures in favor or disfavor of epistemic distance. As regards the nature of the implicatures, we may consider them as Generalized Conversational Implicatures, however, we should formulate more precisely that the GCIs detected for Bulgarian ‘preizkazni formi’ and lexical markers of evidential-epistemic meanings do not only, and probably

not so much, depend “upon expectations about how language is characteristically used” (see 2.1), but rather on expectations concerning distinguished (and generalizable) types of discourse and text genres. We have to further admit that the considerations on ‘preizkazni formi’ apply only to their “non-dubitative” subparadigm, as explained in 3.2.1.

Further, for these reasons, we cannot sustain claims according to which the Bulgarian grammatical system of evidentiality marking is modalized *per se*. For instance, PLUNGIAN [2001: 354f.; 2010: 31f.] made such a claim by arguing that in languages with systems consisting of a binary opposition of marked vs. unmarked forms, the functionally marked forms serve as general indicators of indirect access to the source of information (see 2.3), for which this rather indiscriminate evidential meaning is “as a rule, not separated from the modal meaning, more precisely, from the meaning of epistemic assessment” [PLUNGIAN 2010: 31]. The empirical picture presented above does not corroborate Plungian’s statement, at least not in such a general fashion. Remarkably, Plungian himself conceded that “uncertainty” would be better replaced by “epistemic distance”; the latter means that “the speakers refrain from taking over responsibility of the truth value of an utterance since the respective information did not enter into their personal sphere” [PLUNGIAN 2010: 32]. Plungian’s ‘epistemic distance’ is actually an equivalent to epistemic agnosticism and Guentchéva’s distinction cited in 3.2.1; ‘epistemic distance’ should thus not be mixed up with epistemic assessment (or reservation).

In connection with this, we can apply a very useful criterion supplied by Plungian himself, a criterion by which one can establish the relation of general markers of indirect experience to epistemic assessment, namely: one should look at whether the respective markers are used “to formulate utterances of the type “general truths” (i. e. those which are unconditionally taken for granted in a given community) or utterances that refer to well-known facts (for example, facts related to the past of a given community), i.e. types of information which speakers cannot observe personally” [PLUNGIAN 2010: 32]. In general, one would expect languages with binary marking of direct vs. indirect experience (as the Bulgarian ‘preizkazni formi’) to not use markers of indirect evidentiality in such contexts, “in order to avoid an unnecessary epistemic load” (*ibid.*). As shown above, in Bulgarian this prediction holds true for acts of revelation but not for general truths, e. g., of history.

Sources

BC

Brown Corpus of the Institute for Bulgarian Language

BARIERATA “The barrier”

VEŽINOV P., *Barrierata. Belijat gušter. Ezernoto momče*, Bălgarski pisatel, Sofia, 1987.

BG (Belijat gušter “The white lizard”)

VEŽINOV P., *Barrierata. Belijat gušter. Ezernoto momče*, Bălgarski pisatel, Sofia, 1987.

DIMITROV B. (2005)

Sedemte drevni civilizacii v Bălgarija. Izbrani ljubimi knigi “The seven ancient civilizations in Bulgaria. Selected favoured books”, Fondacija Kom, Sofia, 2005.

EM (Ezernoto momče “The lake boy”)

VEŽINOV P., *Barrierata. Belijat gušter. Ezernoto momče*, Bălgarski pisatel, Sofia, 1987.

FD

KIŠJOV ST., *Friedrich Dürrenmatt*, <http://www.litclub.bg/library/nbpr/kisiov/dyrenmat.htm>.

GĂLĂBICATA “The female pigeon”

MAKAVEEV V., *Gălăbicata*, <http://liternet.bg/publish9/vmakaveev/glybicata.htm>.

HO

STANKOV I., *Heroinova odiseja* “A heroin odyssey”, <http://chitanka.info/text/416>.

NASLEDNICI ‘Heirs’

IVANOV I., *Naslednici*, <http://chitanka.info/text/386-naslednitsi>.

RNR

PAVLOVA E., *Rajat na rokendrola (2)* “The paradise of rock & roll”, <http://chitanka.info/text/1885/2>.

SZK

LAZAROV L., *Spomeni za komunizma* “Memories of communism”, <http://de-zorata.de/sites/oshte-info/oshte.info/004/00104/08/2608/04.htm>.

SNL

DUKOVA B., *Sărceto ne lăže. Dara* “The heart does not lie. Dara”, <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=98&WorkID=2312&Level=2>.

TAXI

PETROV K., *Taksi* “Taxi”, <http://liternet.bg/publish5/kpetrov/taksi.htm>.

References

AIKHENVALD 2003

AIKHENVALD A. Y., “Evidentiality in typological perspective”, in: A. Y. AIKHENVALD, R. M. W. DIXON (eds.), *Studies in Evidentiality*, Amsterdam, Philadelphia, 2003, 1–31.

AIKHENVALD 2004

AIKHENVALD A. Y., *Evidentiality*, Oxford etc., 2004.

ARIEL 2008

ARIEL M., *Pragmatics and Grammar*, Cambridge etc., 2008.

BOTNE 1997

BOTNE R., “Evidentiality and epistemic modality in Lega”, *Studies in Language*, 21, 1997, 509–532.

BOYE 2006

BOYE K., *Epistemic meaning: a cross-linguistic study*, Copenhagen (ms. of unpubl. PhD thesis), 2006.

BOYE 2010

BOYE K., "Evidence for what? Evidentiality and scope", in: B. WIEMER, K. STATHI (eds.), *Database on evidentiality markers in European languages* (= STUF – Language Typology and Universals, 63/4), 2010, 290–307.

BOYE, HARDER 2010

BOYE K., HARDER P., "Evidentiality. Linguistic categories and grammaticalization", *Functions of Language*, 16/1, 2010, 9–43.

CELLE 2009

CELLE A., "Hearsay adverbs and modality", in: R. SALKIE, P. BUSUTTIL, J. VAN DER AUWERA (eds.), *Modality in English (Theory and Description)*, Berlin, New York, 2009, 269–293.

CHAFE 1986

CHAFE W. L., "Evidentiality in English Conversation and Academic Writing", in: W. CHAFE, J. NICHOLS (eds.), *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*, Norwood, NJ, 1986, 261–272.

CORNILLIE 2007

CORNILLIE B., *Evidentiality and Epistemic Modality in Spanish (Semi-)Auxiliaries. A Cognitive Functional Approach*, Berlin, New York, 2007.

DE HAAN 2005

DE HAAN F., "Encoding speaker perspective: Evidentials", in: Z. FRAJZYNGIER, A. HODGES, D. S. ROOD (eds.), *Linguistic Diversity and Language Theories*, Amsterdam, 2005, 379–397.

DE HAAN 2009

DE HAAN F., "On the Status of 'Epistemic' Must", in: R. FACCHINETTI, A. TSANGALIDIS (eds.), *Studies on English Modality*, 3, Bern etc., 2009, 261–284.

FALLER 2006

FALLER M., *Evidentiality and Epistemic Modality at the Semantics/Pragmatics Interface*, Manchester (unpubl. ms.), 2006.

GUENTCHÉVA 1996

GUENTCHÉVA ZL., "Le médiatif en bulgare", in: ZL. GUENTCHÉVA (ed.), *L'énonciation médiatisée*, Louvain, Paris, 1996, 45–70.

HALLIDAY 1999

HALLIDAY M. A. K., "The notion of «context» in language education", in: M. GHADESSY (ed.), *Text and context in Functional Linguistics*, Amsterdam, Philadelphia, 1999, 1–24.

HENGEVELD 2006

HENGEVELD K., *Evidentiality and reportativity in Functional Discourse Grammar*, Nijmegen: Radboud University (unpubl. ms. of presentation), 2006.

HENNEMANN 2012

HENNEMANN A., "The epistemic and evidential use of Spanish modal adverbs and verbs of cognitive attitude", *Folia Linguistica*, 46/1, 2012, 133–170.

HUANG 2007

HUANG Y., *Pragmatics*, Oxford etc., 2007.

KAMPF, WIEMER 2011a

KAMPF V., WIEMER B., "Inventarisierung und Analyse lexikalischer Evidenzialitätsmarker des Bulgarischen: Adverbien, Partikeln und Prädikative" (Teil I), *Zeitschrift für Balkanologie*, 47/1, 2011, 46–76.

KAMPF, WIEMER 2011b

KAMPF V., WIEMER B., "Inventarisierung und Analyse lexikalischer Evidenzialitätsmarker des Bulgarischen: Adverbien, Partikeln und Prädikative" (Teil II), *Zeitschrift für Balkanologie*, 47/2, 2011, 182–201.

KEHAYOV 2008

KEHAYOV P., "Interactions between grammatical evidentials and lexical markers of epistemicity and evidentiality: a case study of Bulgarian and Estonian", in: B. WIEMER, VL. A. PLUNGIAN (eds.), *Lexikalische Evidenzialitätsmarker im Slavischen* (= Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72), 2008, 165–201.

KORYTKOWSKA 2000

KORYTKOWSKA M., "Formy narrativu w Biblii bułgarskiej XX wieku", *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 36, 2000, 179–192.

LAMPERT 2009

LAMPERT G., "«I Know Not Seems»: Markers of Fictivity and Factivity in Shakespeare's Hamlet", in: B. REITZ (ed.), *My age is as a lusty winter* – Essays in Honour of Peter Erlebach and Thomas Michael Stein, Trier, 2009, 49–259.

LAMPERT, LAMPERT 2010

LAMPERT G., LAMPERT M., "Where does evidentiality reside? Notes on (alleged) limiting cases: seem and be like", in: B. WIEMER, K. STATHI (eds.), *Database on evidentiality markers in European languages* (=STUF – Language Typology and Universals, 63/4), 2010, 308–321.

LETUCHIY 2010

LETUCHIY A., "Syntactic change and shifts in evidential meanings: five Russian units", in: B. WIEMER, K. STATHI (eds.), *Database on evidentiality markers in European languages* (=STUF – Language Typology and Universals, 63/4), 2010, 358–369.

LEVINSON 2000

LEVINSON ST. C., *Presumptive meanings. The theory of generalized conversational implicature*, Cambridge, M.A., 2000.

LICHTENBERK 1991

LICHTENBERK FR., "Semantic Change and Heterosemy in Grammaticalization", *Language*, 67, 1991, 475–509.

LINDSTEDT 2010

LINDSTEDT J., "Mood in Bulgarian and Macedonian", in: B. ROTHSTEIN, R. THIEROFF (eds.), *Mood in the languages of Europe*, Amsterdam, 2010, 409–421.

LYONS 1977

LYONS J., *Semantics*, vol. 2. Cambridge etc., 1977.

NICOLOVA 2008

NICOLOVA R. L., *Bългарска граматика. Морфологија*, Sofia, 2008.

OLBERTZ 2007

OLBERTZ H., "Dizque in Mexican Spanish: the subjectification of reportative meaning", *Rivista di Linguistica*, 19/1 (= special issue Evidentiality between lexicon and grammar, ed. by M. SQUAR-TINI), 2007, 151–172.

PALMER 1986

PALMER F.R., *Mood and Modality*, Cambridge etc., 1986.

PALMER 2001

PALMER F.R., *Mood and Modality*, Cambridge etc., 2001 (revised edition).

PAPAFRAGOU 2006

PAPAFRAGOU A., "Epistemic modality and truth conditions", *Lingua*, 116, 2006, 1688–1702.

PLUNGIAN 2001

PLUNGIAN VL. A., "The place of evidentiality within the universal grammatical space", *Journal of Pragmatics*, 33, 2001, 349–357.

PLUNGIAN 2010

PLUNGIAN VL. A., "Types of verbal evidentiality marking: an overview", in: G. DIEWALD, E. SMIRNOVA (eds.), *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*, Berlin, New York, 2010, 15–58.

PORTNER 2009

PORTNER P., *Modality*, Oxford etc., 2009.

SCHENNER 2010

SCHENNER M., "Embedded evidentials in German", in: G. DIEWALD, E. SMIRNOVA (eds.), *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*, 2010, 157–185.

SONNENHAUSER 2012

SONNENHAUSER B., "Auxiliar-Variation und Textstruktur im Bulgarischen", *Die Welt der Slaven*, LVII, 2012, 351–379.

SQUARTINI 2001

SQUARTINI M., "The internal structure of evidentiality in Romance", *Studies in Language*, 25/2, 2001, 297–334.

SQUARTINI 2008

SQUARTINI M., "Lexical vs. grammatical evidentiality in French and Italian", *Linguistics*, 46/5, 2008, 917–947.

VAN DER AUWERA, PLUNGIAN 1998

VAN DER AUWERA J., PLUNGIAN VL. A., "Modality's semantic map", *Linguistic Typology*, 2/1, 1998, 79–124.

WIEMER 2006

WIEMER B., "Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions as evidentiality markers in contemporary Polish (A first exploratory study)", *Studies in Polish Linguistics*, 3, 2006, 5–67.

WIEMER, SOCKA 2010

WIEMER B., SOCKA A., *How to do contrastive semantics with propositional modifiers: the case of hearsay adverbs*. Talk given at the conference Re-thinking synonymy, Helsinki, Oct., 28–30, 2010.

WIEMER, STATHI 2010

WIEMER B., STATHI K., "The database of evidential markers in European languages. A bird's eye view of the conception of the data base (the template and problems hidden beneath it)", in: B. WIEMER, K. STATHI (eds.), *Database on evidentiality markers in European languages* (= STUF – Language Typology and Universals, 63/4), 2010, 275–289.

WILLET 1988

WILLET TH., "A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality", *Studies in Language*, 12, 1988, 51–97.

XRAKOVSKIJ 2005

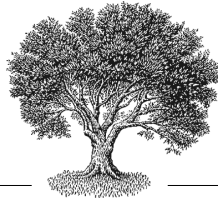
XRAKOVSKIJ V. S., "Évidencial'nost' i épistemičeskaja modal'nost'", in: B. HANSEN, P. KARLÍK (eds.), *Modality in Slavonic Languages (New Perspectives)*, München, 2005, 87–94.

YULE 1996

YULE G., *Pragmatics*, Oxford etc., 1996.

Univ.-Prof. Dr. habil. **Björn Wiemer**
Johannes Gutenberg-Universität Mainz
Institut für Slavistik
Jakob-Welder-Weg 18
D-55128 Mainz, Germany / Deutschland
wiemerb@uni-mainz.de

Dr. phil. **Veronika Kampf**
Johannes Gutenberg-Universität Mainz
Institut für Slavistik
Jakob-Welder-Weg 18
D-55128 Mainz, Germany / Deutschland
kampfv@uni-mainz.de

Календарът на
Остромировото
евангелие като
свидетелство
за историята
на славянските
богослужебни
книги¹

The Calendar
of the *Ostromir*
Gospel as
Evidence of the
History of the
Slavonic
Liturgical Books

Искра Христова-Шомова

Софийски университет
“Св. Климент Охридски”

Iskra Hristova-Shomova

Sofia University
“St. Kliment Ohridski”

Abstract

The specific features of the calendar of the Ostromir Gospel are discussed in this paper in comparison with the calendars of other Slavonic manuscripts, gospels and apostoli. The Ostromir Gospel contains a large number of rare commemorations that are typical of the Typikon of the Great Church Hagia Sofia. The paper provides a list of these commemorations together with data from the other Slavonic manuscripts in which they are included. The list shows that the largest number of these commemorations are found in several Bulgarian apostoli: the Enina Apostol, the Ohrid Apostol, Apostol No. 882 in the National Library in Sofia, Apostol and Gospel No. 508 in the National Library in Sofia, and in two Bulgarian menaia: the Draganov Menaion and the Menaion from the National Library of Russia in Saint Petersburg No. F.I.L.72. The paper also examines another specific feature of the Ostromir Gospel: the short hagiographic information it contains on some of the saints. These data are very similar to the notes in the Typikon of the Great Church. Hagiographic notes of this kind are also preserved in the calendars of several other Slavonic manuscripts,

¹ Статията е написана във връзка с работата ми по проекта Encyclopaedia Slavica Sanctoim, който се осъществява с подкрепата на Министерството на образованието, младежта и науката в България, № ДДВУ 02/68 (2010).

i.e., the same apostoli and menaia mentioned above. The paper also discusses the Western commemorations in the *Ostromir* Gospel, which are also found in the above-mentioned Bulgarian apostoli and menaia.

All these data could be interpreted as evidence that the calendars of all these manuscripts have a common source, an archetype that contained a translation of the calendar of the Typikon of the Great Church Hagia Sophia. I argue that this archetype was the first calendar translated by the Holy Brothers Cyril and Methodius, and that it was embedded in the book of Acts and Epistles that they most likely translated themselves, or in a book which contained both the Acts and Epistles and the Gospels. The calendar of that book most likely was supplemented with Western commemorations during the mission in Great Moravia. This larger book was brought to Bulgaria by the disciples of the Holy Brothers and was later divided into an Apostolus and a Gospel.

Keywords:

Gospel, Apostolus, calendar, saint, commemoration

Резюме

В статье рассмотрены специфические черты календаря Остромирова евангелия в сравнении с календарями других славянских рукописей, евангельских и апостольских. Остромирово евангелие содержит большое количество редких памятней, характерных для Устава Великой церкви. В статье приводится список этих памятней вместе с данными других славянских рукописей, в которые они включены. Из данного списка явствует, что наибольшее количество таких памятней оказывается в нескольких болгарских апостолах: Енинском, Охридском, Апостоле № 882 Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии (НБКМ) и Апостоле с Евангелием № 508 НБКМ — и в двух болгарских минеях: Драгановой Минее и Минее Российской национальной библиотеки (СПб.), № F.п.I.72. В статье также проанализированы другие специфические черты Остромирова евангелия, а именно содержащиеся в нём краткие агиографические сведения о некоторых святых. Эти данные весьма близки записям в Уставе Великой церкви. Агиографические записи подобного рода сохранились также в календарях нескольких славянских рукописей, а именно в тех же упомянутых выше апостолах и минеях. Содержащиеся в них западные памятней, параллельные тем, что находятся в Остромировом евангелии, также рассмотрены в настоящей статье.

Приведённые данные могут быть интерпретированы как свидетельство того, что календари всех этих рукописей восходят к общему источнику, который содержал перевод календаря из Устава Великой церкви. Я утверждаю, что данный архетип был первым календарём, переведённым святыми братьями Кириллом и Мефодием, и что он входил в состав Апостола, который они, по всей видимости, сами и перевели, или же в книгу, объединяющую Апостол и Евангелие. Календарь этой книги, скорее всего, был дополнен западными памятней во время Моравской миссии Солунских братьев. Эта более пространная книга была принесена в Болгарию уже их учениками и позднее оказалась разделена на Апостол и Евангелие.

Ключевые слова:

Евангелие, Апостол, календарь, святой, память

1. Увод. Уникалността на Остромировото евангелие

Остромировото евангелие, най-ранният славянски датиран ръкопис², великолепен паметник на руското калиграфско изкуство, запленяващ с майсторството и фантазията на своите три миниатюри и десетки инициали, остава и до днес загадка за изследователите в много отношения. С украсата си то е уникално и няма аналог не само сред славянските, а и сред византийските ръкописи, а календарът му също се отличава от календарите на всички останали славянски евангелия.

Но докато украсата му продължава да бъде загадка и са намерени само приблизителни образци на някои от нейните детайли³, то произходът на неговия месецослов може да бъде определен съвсем точно. Със своя уникален календар то е важен свидетел за историята на славянските богослужбени книги, свързващото звено, което може да ни отведе до първоизточниците на славянската писменост.

2. Календарът на Остромировото евангелие: паметите от Устава на Великата църква и паралелите им в други славянски ръкописи

В няколко свои публикации М. Гардзанити обръща внимание на разнородието от паметни в Остромировото евангелие, като посочва, че редица от тях са свързани с Константинопол [GARZANITI 1992–1993; 2001; 2007]. Той отбелязва осем паметни, които са посветени на освещавания на църкви или на почит към реликви във византийската столица, сред които са както някои редки паметни, така и универсалните чествания на архангел Михаил на 8 ноември и на Светите вериги на апостол Петър на 16 януари [GARZANITI 2007: 101–102]. Освен това изследователят посочва и редица паметни, които са характерни за Устава на Великата църква⁴ [GARZANITI 2007: 98–103], като изказва предположение, че тези светци и събития са били чествани и в Новгород [GARZANITI 2007: 104]. Той посочва и някои характерни грешки в календара на Остромировото евангелие [GARZANITI 2007: 99, 102]. О. Лосева също се спира на редките паметни в календара на Остромировото евангелие, като посочва, че някои

² Ръкописът се пази в РНБ под сигнатура Ф.п.1.5. На последния му лист има обширна бележка от книжовника Григорий, в която се казва, че той е изготвен за управителя на Новгород, кръстен Йосиф, с мирско име Остромир, започнат на 21 октомври 1056 г. и завършен на 12 май 1057 г. (пълния текст на бележката вж. във [Востоков 1843: 294]).

³ За украсата на ръкописа вж. [Свирин 1958], [Попова 2010] и цитираната там литература.

⁴ Сред тях има и редки паметни, за които ще стане дума по-нататък, и стандартни паметни, които се честват и до днес, като св. Евстатий на 20.09, св. Григорий Арменски на 30.09, св. апостол Ананий на 1.10, св. апостол Тома на 6.10, св. Никола на 6.12, св. Антоний на 16.01 и пр.

от тях са характерни за Устава на Великата църква, а други намират паралели в устава на храма на Божи гроб в Йерусалим [ЛОСЕВА 2001в: 25].

А. Алексеев също отбелязва присъствието на множество редки паметни в календара на Остромировото евангелие и посочва тяхното наличие в Устава на Великата църква: “при сравнении с месецесловами двухсот других славянских литургических источников XI–XV вв. выясняется, что в календаре Остромирова Евангелия отмечено около трех десятков памятей, неизвестных прочим источникам, тогда как почти все они находят себе место в календаре Св. Софии” [АЛЕКСЕЕВ 2010: 50]. В действителност паметите, които отбелязва Алексеев, не са неизвестни от други източници, а се откриват в старобългарски и среднобългарски апостоли и евангелия, преди всичко апостоли. Но тъй като Алексеев е ползвал като източник сводния календар на О. Лосева, който включва само руски ръкописи, е останал с погрешно впечатление. Да беше разгърнал дори само старобългарските евангелия, Асеманиевото и Ватиканското, щеше да види, че календарът на Остромировото евангелие не е толкова изолиран сред ранните славянски календари. Това е един от примерите, които красноречиво показват колко подвеждащо е да се изследват руските и южнославянските книжовни традиции поотделно.

Ето списък на редките паметни в Остромировото евангелие, които са характерни за Устава на Великата църква. При всяка памет се посочва в кой от двата публикувани преписа на този устав (P266 и H40) е поместена, а също и в кои славянски ръкописи е включена⁵. Използвани са най-ранните славянски ръкописи с календари: евангелия, апостоли, апостоли с евангелия и два празнични минея, които имат пълни календари⁶. Посочено е и дали паметта е отбелязана от Гардзанити [GARZANITI 2007: 99–103] и/или от Алексеев [АЛЕКСЕЕВ 2010: 50–51] в техните статии за Остромировото евангелие.

1.09. Св. Айтал. H40; апостоли: Ен, Сл, Охр, Ц, Хл35, НБКМ882 (на 2.09). Отбелязана е от Гардзанити и Алексеев.

11.09. Св. Диодор. P266 и H40; апостоли: Ен, Д, НБКМ882, Тип23, Хл39 (на 13.09); апостоли с евангелия: НБКМ508. Отбелязана е от Гардзанити.

15.09. Св. Акакий Мелетински. H40; евангелия: Ват, Гал; апостоли: НБКМ882.

⁵ Списък на славянските и гръцките ръкописи с кратки данни за тях вж. в края на статията.

⁶ Двата минея са близнаци и по календарите, и по състава на службите и отделните песнопения, включени в тях. Те съчетават календари за всеки ден от годината с химнографски текстове (понякога цели служби, а понякога само отделни стихирни и тропари) за отделни дни, като календарите на общия им прототип вероятно са взети от Апостол.

21.09. Освещаване храма на св. Мина. P266 и H40; апостоли: Ен, Охр, НБКМ882; минеи: Драг, Ф.п.І.72. Отбелязана е от Гардзанити и Алексеев.

21.09. Св. Исакий Кипърски. P266 и H40; евангелия: Лавр; апостоли: Ен, Охр, НБКМ882, Муз3452; апостоли с евангелия: НБКМ508, СГ; минеи: Драг, Ф.п.І.72.

22.09. Св. Приск, Мартин и Николай. P266 и H40; евангелия: Бан; апостоли: Ен, Охр, НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508.

25.09. Св. Ия. P266 и H40; евангелия: Ф.п.І.118; апостоли: Ен.

28.09. Св. Калутини (вж. за тях и по-нататък, също и бел. 8). P266 и H40; апостоли: Ен, Охр, НБКМ882 (на 29.09); апостоли с евангелия: НБКМ508. Отбелязана е от Алексеев.

29.09. Св. Трофим и Доримедонт (вместо на 19.09). P266 и H40; апостоли: Ен, О, НБКМ882, Ц; апостоли с евангелия: НБКМ508. Отбелязана е от Алексеев.

1.10. Св. Домнин. P266 и H40; евангелия: Ас, Карп, НБКМ26; апостоли: Охр, Стр, НБКМ882; минеи: Ф.п.І.72. Отбелязана е от Алексеев.

4.10. Св. Дометий Персиец. H40; апостоли: Охр, НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508, СГ; минеи: Драг, Ф.п.І.72.

4.10. Освещаване храма на св. Богородица в Онорат. H40; апостоли: Охр, НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508; минеи: Драг, Ф.п.І.72.

4.10. Св. Диоген. P266 и H40; апостоли: Охр. Отбелязана е от Гардзанити и Алексеев.

5.10. Св. Йераида. P266 и H40; апостоли: Охр, НБКМ882. Отбелязана е от Алексеев.

9.10. Св. Авраам и Лот. P266 и H40; апостоли: Охр, Ц, НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508; минеи: Драг, Ф.п.І.72. Отбелязана е от Гардзанити и Алексеев.

9.10. Освещаване параклиса на св. Анна и Елисавета в храма на св. Богородица. H40; апостоли: Охр, НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508; минеи: Драг, Ф.п.І.72. Отбелязана е от Алексеев.

17.10. Освещаване храма на св. Богородица на място, наречено Рай. H40; евангелия: Пловдив9; апостоли: Охр, Ц, НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508; минеи: Драг, Ф.п.І.72. Отбелязана е от Гардзанити и Алексеев.

17.10. Св. архангел Гавриил. H40; апостоли: Охр, Ц, НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508; минеи: Драг, Ф.п.І.72.

17.10. Св. Леонтий, Дометий и Домнин. P266; апостоли: Охр, Д (на 18.10), П, НБКМ502, Хл35; апостоли с евангелия: НБКМ508. Отбелязана е от Алексеев.

19.10. Св. Мнасон Кипърски. P266 и H40; апостоли: Охр, НБКМ882, Муз3452.

19.10. Св. Садох и 128 мъченици. P266 и H40; апостоли: НБКМ882, Муз3452, Фад56.

22.10. Св. Иракий и дружина. P266 и H40; евангелия: Луцко, Погодин11; апостоли: Охр, Кп, НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508, Хл31; минеи: Драг, Ф.п.1.72.

26.10. Св. Василий, Артемидор и Гликон. P266 и H40; евангелия: Бан, Кърз; апостоли: НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508; минеи: Ф.п.1.72. Отбелязана е от Алексеев.

29.10. Освещаване храма на св. Петър и Павел. P266 и H40; евангелия: Арх, Q.п.1.59, Бан, Кърз, Пант, още 5 руски; апостоли: Охр, Стр, Кп, НБКМ883; апостоли с евангелия: НБКМ508, Хл31; минеи: Драг, Ф.п.1.72.

30.10. Св. Клавдий, Астерий, Неон и Неонила. P266 и H40; апостоли с евангелия: НБКМ508. Отбелязана е от Алексеев.

31.10. Св. Иракий. H40; апостоли: Охр, НБКМ882, НБКМ883; апостоли с евангелия: НБКМ508. Отбелязана е от Алексеев, който добавя и паметта на св. Епимах, но тя не е рядка, чества се и до днес.

4.11. Св. Порфирий. P266 и H40; апостоли: П, НБКМ502, Хл35; минеи: Ф.п.1.72.

5.11. Освещаване храма на св. Теодор в Сфоракия. P266 и H40; Липсва във всички славянски ръкописи, които са ми известни. Отбелязана е от Гардзанити и Алексеев.

5.11. Св. Домнин. P266 и H40; евангелия: Q.п.1.59, Тип8; апостоли: Охр, НБКМ882.

27.11. Св. Козма и Дамян от Арабия. P266 и H40; евангелия: Ас (на 3.12), Арх (на 27.09), Q.п.1.59 (на 17.10); апостоли: Охр (на 3.12); апостоли с евангелия: НБКМ508 (на 3.12); минеи: Драг, Ф.п.1.72 (и на 3.12). Отбелязана е от Алексеев.

28.11. Св. Константин и Маврикий и чадата им. H40; апостоли: НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508; минеи: Драг, Ф.п.1.72. Отбелязана е от Гардзанити и Алексеев.

5.12. Св. Аверкий. P266; апостоли: Охр, НБКМ882; минеи: Драг, Ф.п.1.72.

18.12. Освещаване храма на Св. Богородица в Халкопрати. P266 и H40; евангелия: Ват (на 17.12), Мир, Q.п.1.59; апостоли: Охр (на 17.12), Сл, Д, НБКМ508, Ц, НБКМ882, НБКМ502, Хл35; минеи: Драг, Ф.п.1.72. Отбелязана е от Гардзанити.

19.12. Св. Фока и Ермил. P266 и H40; евангелия: Луцко (на 18.12); апостоли: Сл, Охр (на 18.12), НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508; минеи: Драг, Ф.п.1.72 (на 18.12).

19.12. Св. Евтихий. P266 и H40; апостоли: Охр. Отбелязана е от Алексеев.

17.03. Трусът. P266 и H40; евангелия: Мст, Ф.п.І.118; апостоли: Ш; апостоли с евангелия: СГ.

27.04. Св. Поплий. P266 и H40; минеи: Драг, Ф.п.І.72.

2.05. Св. Есперий и Зоя. P266 и H40; евангелия: Карп (на 3.05), Зогр20 (на 3.05); апостоли: НБКМ502 (на 3.05). Отбелязана е от Алексеев.

4.05. Св. Гай. P266 и H40; евангелия: Бан, Кърз, Соф7; апостоли: П, НБКМ882; минеи: Драг, Ф.п.І.72. Във всички посочени паметници освен Остромировото евангелие паметта е дадена на 5.05.

4.05. Св. Афродисий, Гордий и др. P266 и H40; евангелия: Мир, Карп, много южнославянски и две руски; апостоли: Ц, НБКМ502, Хл35.

6.05. Св. Димитър, Данакт и дружина. P266 и H40; евангелия: Бан, Кърз; апостоли: НБКМ882, Ш; минеи: Драг, Ф.п.І.72. Отбелязана е от Алексеев.

6.06. Св. Мария и Марта. P266 и H40; евангелия: Бан, Ф.п.І.118; апостоли: Кп, Хл31, Ц (на 7.06), НБКМ882; минеи: Драг, Ф.п.І.72.

7.07. Св. Евстатий и Поликарп. P266 и H40; евангелия: Бан, Кърз, Карп, още руски и южнославянски; апостоли: Ц, НБКМ882; минеи: Драг, Ф.п.І.72 (на 8.07).

23.07. Св. Аполинарий Равенски. P266 и H40; апостоли: Ц, НБКМ882; минеи: Драг, Ф.п.І.72. Отбелязана е от Алексеев.

26.07. Освещаване храма на св. Симеон Стълпник. P266 и H40; евангелия: Кърз (на 28.07), Верк, Сий, Орш, Погодин11; апостоли: Стр, НБКМ882, НБКМ883; апостоли с евангелия: НБКМ508; минеи: Драг, Ф.п.І.72.

31.07. Освещаване храма на св. Богородица във Влахерна. P266 и H40; евангелия: Ас, Тип1, Лавр; апостоли: Охр, Д, Стр, НБКМ882; апостоли с евангелия: НБКМ508; минеи: Драг, Ф.п.І.72. Отбелязана е от Гардзанити.

31.07. Св. Теодосий Младши. Паметта липсва в P266 и H40; минеи: Драг, Ф.п.І.72. Отбелязана е от Гардзанити.

5.08. Св. Тасия (Ия?). H40 (св. Ия на 4.08); апостоли: НБКМ882.

Вижда се, че най-много са съвпаденията с някои от апостолите, преди всичко Охридския и НБКМ882, както и с апостола с евангелие НБКМ508. Още преди време Л. Мошински обърна внимание на близостта между календарите на Охридския апостол и Остромировото евангелие [Moszyński 2001], но в своята публикация той разглежда главно паметта на св. Ия, за чието име погрешно смята, че е съкращение от Ефросиния, освен това не отчита близостта на календарите на тези два паметника с други славянски календари, нито с Устава на Великата църква. В основата на календарите на всички изброени тук ръкописи стои един общ архетип, който е бил редактиран многократно по различно време и на различни места в посока към отстраняване на редките паметни и уеднаквяване с образците на Студийския устав.

Не е достатъчно обаче да се каже, че в календара на Остромировото евангелие има редки паметни, характерни за Устава на Великата църква. Трябва да се посочи, че има още десетки редки паметни от този устав, които се откриват в славянски апостоли и евангелия (преди всичко в апостоли), но липсват в Остромировото евангелие. Остромировото евангелие наистина отразява превод на синаксарите (минейния и триодния) на Устава на Великата църква, но не в пълния му вид, а след редактиране, при това вероятно не едно, при което редките паметни са били отстранявани.

А. Алексеев обръща внимание и на друга особеност на Остромировото евангелие: отсъствието на паметта на св. Теодор Тирон на 17 февруари и отбелязването ѝ на Православна събота: “здесь опущена память Феодора Тирона под 17 февраля, где ее помещают большинство месяцевловов, но ей отведено место в первую субботу Великого поста (л. 127) в согласии с особой цареградской службой, которую пели в этот день над мощами мученика в квартале Сфоракия” [АЛЕКСЕЕВ 2010: 50]. Наистина, честването на св. Теодор Тирон на Православна събота има цариградски произход и е свързано с явяването на светеца по времето на Юлиан Отстъпник, който наредил да се поръсят всички стоки на пазара в Цариград с кръв от жертвени животни. Тогава мъченикът, който бил загинал преди около 50 години, се явил и предписал на жителите на столицата да ядат варено жито с мед. Но не може да се каже, че в службата има нещо особено и изключително, Тодоровден се празнува на Православна събота и до днес. Паметта на св. Теодор Тирон липсва на 17 февруари и в редица апостоли: Сл, Охр, Кп, също и в евангелия: Ват, Сав, Арх, в апостоли с евангелия: НБКМ508, Хл31. По това обаче тези паметници се отличават от Устава на Великата църква, тъй като в него (в преписите Р266 и Н40) паметта на св. Теодор Тирон е отбелязана на 17 февруари. Така че тук се вижда общият произход на календарите на изброените ръкописи, но не и връзката с Устава на Великата църква. В този устав обаче липсва паметта на св. Теодор Стратилат на 8 февруари, там тя се отбелязва само на 8 юни. Тази памет липсва на 8 февруари и в Остромировото евангелие, както и в някои ранни апостоли: Сл, Охр, Ц, Карп, Хл31, евангелия: Ас, Арх, Карп, Q.п.1.59, апостоли с евангелия: НБКМ508. Това са същите паметници, които показват общи черти с Остромировото евангелие в репертоара си.

3. Кратките информации за светците в календара на Остромировото евангелие и паралелите им в други славянски ръкописи

Една друга характерна особеност на календара на Остромировото евангелие учудващо е останала почти незабелязана от многобройните изследователи, които са се занимавали с него. Това са кратките информации за светците, които се откриват на редица дати. Само М. Гардзанини

посочва някои разширени указания, като сред тях включва и указанието за 1 септември, което е дълго, но в него няма агиографски информации, а просто са изброени няколко памети [GARZANITI 2007: 101]. Тези агиографски информации също са характерни за Устава на Великата църква, в който за голяма част от светците има разширени указания за времето и мястото на подвига им, а в много случаи има и кратки жития, като проложните. По това съчетаване на кратките жития с литургическите указания този устав се отличава от Студийския и неговите реплики, в които има само литургически указания, а кратките жития са отделени в отделни сборници: менологии. Така от месечния синаксар на Устава на Великата църква са произлезли два синаксара: житиеписен и литургически⁷. В Остромировото евангелие няма цели жития, но има разширени календарни указания с кратки данни за светците и в повечето случаи те съвпадат до голяма степен или дори напълно с указанията в ръкопис Р266. По-долу привеждам тези указания в Остромировото евангелие, заедно с указанията в Р266 и с паралели в други славянски ръкописи.

20.09: стрѣ ѿтааго мѣка. еустаѡнна. н жены него. ѡеопнстня. н ѡадоу него. ѡеопнста. н агапна. л. 224б. В Р266 указанието е подобно, но липсва името на единия син и е дадено името на императора (сгрешено): ἄθλησις τῶν ἁγίων μαρτύρων Εὐστατίου τοῦ στρατηλάτου καὶ τῶν υἱῶν αὐτοῦ Ἀγαπίου καὶ Θεοπίστῃς τῆς τούτων μητρός καὶ γυναικὸς αὐτοῦ ἐπὶ Τραϊανοῦ βασιλέως ἐν τῇ Ῥωμαίων πόλει. [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 7]. Подобно е указанието в ЕН: стрѣтъ сѣыхъ мѣкъ. екстатію н теупнстні н ѡадома ею. агапнѣ: н ѡеопнста.

21.09: ѿтааго мѣка. ѡеодора. къ пергнн. памфнльсѣѣн. л. 225б. Указанието в Р266 е по-дълго, но началото му съвпада напълно с текста в Остромировото евангелие: ἄθλησις τοῦ ἁγίου μάρτυρος Θεωδόρου ἐκ Πέριγγος τῆς Παμφυλίας ἐπὶ Ἀντωνίου βασιλέως καὶ Θεωδόρου ἡγεμόνος. [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 8].

26.09. прѣставленне ѿтааго. ноана еѡаѣгнста н бѡсловьца къ отоуѣ патъмѣ. л. 225б. Указанието съвпада напълно с текста в Р266: ἡ κοίμησις τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ θεολόγου καὶ εὐαγγελιστοῦ ἐν Πάτμῳ νήσῳ. [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 9]. Тук трябва да се отбележи съответствието отокъ на нѣсос, характерно за Кирило-Методиевите преводи (за двойката отокъ-островъ вж. [Львов 1966: 205–206]).

⁷ Баумшарк обръща внимание на тази особеност на ръкопис Р266, като предполага, че в него са съчетани два ръкописа, които той обозначава условно с буквите σ и τ, т. е. синаксар и типик: "Vielmehr stehen wir dem Ergebnis einer Ineinanderarbeitung zweier Quellen gegenüber, von welchen die eine ein Synaxar (=σ), die andere ein Typikon des unbeweglichen Kirchenjahres (=τ) war" [BAUMSTARK 1926: 106]. Тъй като кратките жития се откриват не само в патмоския ръкопис, а също и в йерусалимския, както и в няколко стари гръцки апостола [вж. ДМИТРИЕВСКИЙ 1895], става ясно, че такава е била по принцип структурата на Устава на Великата църква, а по-късно от него са произлезли два отделни синаксара – литургически и житиеписен.

27.09: сѣхъ мѣкъ. калнстрата н дружнны его. чнслъмъ .ѿ. н .ѣ. при дноклнтьнѣ црн. л. 226а. Почти същото указание се открива в още два славянски ръкописа. Ен: паматъ сѣхъ мжчнннкъ калнстрата н дружнны его. чнсломъ. ѿѣ. при дноклнтьнѣ црн. Ф.п.І.72: памѣ сѣго калнстрата н дружннн его .м. чнсломъ. л. 23б. То съвпада с указанието в Р266: ἄθλησις τῶν ἁγίων μαρτύρων Καλλιστράτου καὶ τῆς συνοδίας αὐτοῦ τὸν ἀριθμὸν μὲν στρατιωτῶν ἐπὶ Διοκλητιανοῦ βασιλέως ἐν τῇ πρεσβυτέρᾳ Ῥώμῃ [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 9], но и в трите славянски източника числото е сгрешено. В Ф.п.І.72. броят на мъчениците е означен като .м. – 40, пропусната е цифрата 9. В Ен и Остромировото евангелие числото е напълно сгрешено, като и на двете места започва с .ѿ. Вероятно грешката е резултат от промяна на старо глаголическо число (би трябвало да е било ѿѣ), което не е било разчетено правилно.

28.09. стрѣ сѣхъ мѣкъ. калоуѣтнна. алфня. александра. зоснмы. ннкона. л. 226а. В тази рядка памет мъчениците са наречени Калутини или Калвитини по името на град Калитос, от който произлизат трима от тях⁸. Указанието в Остромировото евангелие съвпада с началото на информацията в Р266: ἄθλησις τῶν ἁγίων μαρτύρων Καλβιτινῶν Ἀλφείου, Ἀλεξάνδρου, Ζωσίμου, Νίκωνος, Νέωνος, Ἡλιοδώρου καὶ Μάρκου ἐπὶ Διοκλητιανοῦ βασιλέως ἐν τῇ πόλει Ἀντισοχείᾳ τῆς Πισιδίας, Μάγνου ἡγεμόνος [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 9]. Подобни са указанията в още три славянски ръкописа, два апостола и един апостол с евангелие. Ен: ... мжчнн ... келоуѣтнна. алфна. александра. зоснмы. ннкона ... мжжде црн. Охр: стрѣ сѣхъ келанътнномъ. алъфнннн н александру зоснмоу дороднн. н дружнннъ нхъ. НБКМ508: стрѣ сѣхъ мѣкъ. калоуѣтнна. н александра.

1.10. стрѣ сѣааго аѣла. ананнн еѣпа дамаскова. л. 226б. Тук е запазено началото на краткото житие на св. Ананий. В Р266 то изглежда така: ἄθλησις τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Ἀνανίου, ἐπισκόπου γενομένου πόλεως Δαμασκοῦ, ὅντινα κατέστησαν οἱ κορυφαῖοι ἐπίσκοπον τῆς αὐτῆς πόλεως, ὅστις καὶ Παῦλον τὸν ἀπόστολον διὰ ἀποκαλύψεως βαπτίζει καὶ προσαχθεὶς Λουκίῳ τῷ ἡγεμόνι μετὰ πολλὰς βαςάνους λιθοβολεῖται [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 10]. Цялото житие се пази в Ен: стрѣ сѣаго апѣтла ананнн. епѣкпа. дамаскова. посатакенъ быкъ апѣтлы дамаѣѣнннъ сжн. сѣ апѣтла павла. повѣданнемъ бжнемъ крѣтн. н прнведенъ быкъ къ лнкннню кназоу по многах мжках каменнемъ повнен бытъ. Значителна част от житието се откри-

⁸ Историята на мъчениците е следната: Св. Марко бил пастир от Антиохия Писидийска. Заради християнската си вяра бил арестуван, а на трима братя ковачи, Александър, Алфей и Зосима от град Калитос в Писидия, било наредено да изковат оръдия за изтезания, но ръцете им се схващали. Те повярвали в Христа и били убити на 28 септември, а св. Марко бил обезглавен на 21 септември. Когато внесли главата му в храма на Артемида, всички идоли паднали и се строшили. Свидетелите на това чудо, Никон, Неон и Илиодор, както и други младежи и девойки, повярвали в Христа и също загинали мъченически. По произхода на тримата братя всички мъченици са наречени *Калутини* или *Калвитини*.

ва и в Ф.п.І.72: στῤῥτῥ σῤῥγο ἀπῤῥα ἀνανηῤῥ. епῤῥа. дамаскова. поставенъ бѣ апῤῥль дамащῤῥеннъ сын павла апῤῥла повѣданнемъ бѣнемъ кῤῥтннн. прнвѣнъ бѣ. кнлнкнню кнезоу по многѣ мжкѣ каменнемъ побненъ бѣ. л. 24а–б. Част от житието е дадена и в НБКМ508: στῤῥτῥ σῤῥγο ἀπῤῥα ἀνανηῤῥ. апῤῥла (sic!) дамаска. поставенъ бѣвъ апῤῥлы съ еже н апῤῥла павла кῤῥтн повѣданѣемъ бѣемъ. л. 106а. Запазените части в четирите славянски ръкописа позволяват да се види нагледно как е ставало съкращаването.

8.10: пῤῥ прῤῥбѣнѣн пелагнн. тарсѣ кнлнкнн. прн дноклнтыанѣ цῤῥн н дроугыа пелагнн. вѣ антнохн. прн нонмернннѣ цῤῥн. ѡже н златоуостын похваламн почыте. Това указание е отбелязано и от Гардзанити [GARZANITI 2007: 101]. Текстът съответства напълно на указанието в Р266: ἄθλησις τῆς ἀγίας μάρτυρος Πελαγίας τῆς ἐν Ταρσοῦ τῆς Κιλικίας ἐπὶ Διοκλητιανοῦ βασιλέως καὶ ἐτέρας Πελαγίας ἐν Ἀντιοχείᾳ ἐπὶ Νουμεριανοῦ βασιλέως ἦντινα καὶ ὁ Χρυσόστομος ἐγκωμίοις ἐτίμησεν [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 12].

10.10: стрῤῥ ῥтааго мῤῥка. еклампн. н еклампнн. прнспнма братъ сестрома. прн мажнмнннѣ цῤῥн. вѣ ннкомннннцѣ град. Текстът съответства напълно на указанието в Р266: ἄθλησις τῶν ἀγίων μαρτύρων Εὐλαμπίου καὶ Εὐλαμπίας, γνησίων ἀδελφῶν ἐπὶ Μαξιμιανοῦ βασιλέως ἐν Νικομηδείᾳ τῆ πόλει [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 13].

12.10. стрῤῥ σῤῥхъ мῤῥкъ. тараха. прова. андроннка. прн дноклнтыанѣ цῤῥн атн бѣвъше. л. 230б. Текстът съответства напълно на началото на указанието в Р266: ἄθλησις τῶν ἀγίων μαρτύρων Ταράχου, Πρόβου καὶ Ἀνδρονίκου ἐπὶ Διοκλητιανοῦ βασιλέως συσχεθέντες ἐν Πομπείου πόλει τῆς ἐν Ταρσοῦ Κιλικίας [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 13].

14.10. стрῤῥ σῤῥхъ мῤῥкъ. азарнн. герваса. протаса. н келса. прн неронѣ цῤῥн вѣ рнм. л. 231б. Паметта им е дадена по същия начин (и със същата последователност на имената) в Р266: ἄθλησις τῶν ἀγίων μαρτύρων Ναζαρίου, Γερβασίου, Προτασίου καὶ Κελσίου ἐπὶ Νέρωνος τοῦ βασιλέως ἐν τῇ Ῥώμῃ [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 14]. Съвсем същото указание се открива и в НБКМ508, при това със същата грешка в името на Назарий: στῤῥτῥ σῤῥхъ мῤῥкъ азарна н гевасῤῥа (sic!). н протасῤῥа. елекса прн неронѣ цῤῥн вѣ рнмѣ.

16.10. ῥтааго мῤῥка. лжгннн сътъннка бѣвъша прн страстн хѣѣ. л. 231б. Това указание е отбелязано и от Гардзанити [GARZANITI 2007: 101]. Указанието се различва от информацията в Р266: ἄθλησις τῶν ἀγίων μαρτύρων Λογγίνου τοῦ Ἐκατοντάρχου καὶ τῶν μετ' αὐτοῦ τελειωθέντων στρατιωτῶν ἐπὶ Τιβερίου Καίσαρος, Καππαδόκης τῶ γένει [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 14]. Съвсем същото указание като в Остромировото евангелие се пази и в НБКМ508: сῤῥго логннн сътннка бѣвъша прн στῤῥтн хѣѣ. л. 108а. Очевидно източникът на славянския превод е бил различен от Р266.

19.10. стрῤῥ ῥтааго мῤῥка мнсоно. епῤῥа купрѣска. н нже съ ннмѣ. рῤῥк. сῤῥхъ. вѣ персндѣ прн саворѣ цῤῥн. л. 232б. Тук са смесени две памети: на св. Мнасон

Кипърски и на св. Садот и мъчениците с него, загинали в Персия. Името на Садот е пропуснато, но е останало допълнението за мъчениците с него, като така излиза, че те са пострадали със св. Мнасон, който в действителност е от Кипър и никога не е бил в Персия. Вероятно за пропускане е повлияло и това, че и двамата са били епископи и имат такова допълнение след името. В P266 паметите са дадени в друга последователност. Най-напред е паметта на св. Садот: ἄθλησις τοῦ ἁγίου μάρτυρος Σαδῶθ ἐπισκόπου καὶ συν αὐτῷ τελειωθέντων ρι' ἁγίων ἐν Περσίδι ἐπὶ Σαβορίου βασιλέως τῶν Περσῶν, а след това (след още няколко паметни) паметта на св. Мнасон: τοῦ ἁγίου μάρτυρος Μνάσονος ἐπισκόπου Κύπρου [Дмитриевский 1895: 14]. Очевидно източникът на архетипа на календара, отразен в Остромировото евангелие, е бил близък до P266, но се е различавал от него по последователността на паметите на тази дата.

20.10. стрѣ ѿтоиꙋ мѣкоꙋ н ѿиꙋдоꙋтворѣоꙋ. арѣемы н аверкиа. прн оꙋлианѣ прѣстѣпниѣ. л. 232б. Текстът в Остромировото евангелие съответства на текста в P266: τοῦ ἁγίου καὶ τοῦ θαυματουργοῦ μάρτυρος Ἀρτεμίου ἐπὶ Ἰουλιανοῦ τοῦ παραβάτου [Дмитриевский 1895: 14].

27.10. стрѣ ѿтыа мѣца. капетоꙋлныи. н перотнды рабы еа. прн дноклантъанѣ црн л. 236а. Текстът съответства напълно на указанието в P266: ἄθλησις τῆς μάρτυρος Καπετωλίνης καὶ Ἑρωτηίδος τῆς αὐτῆς οἰκετίδος ἐπὶ Διοκλητιανοῦ βασιλέως [Дмитриевский 1895: 17].

5.12. сѣоꙋмоꙋ наставннкоꙋ савѣ. л.244а. Текстът в Остромировото евангелие е кратък, но има паралели в два други славянски ръкописа, в които св. Сава също е наречен наставник. Ас: сѣаго оѣа нѣго прѣнаго поꙋстѣинн наставннка бѣноса савѣн. л. 128б; F.п.І.72: памѣ прѣпѣвѣнаго ѿѣа савн наставннка поꙋстѣиннмѣ. съ бѣ прн ѿеѣсѣ малѣмѣ ѿ кападокенскыѣ страны. л. 77а. Най-голяма част от указанието се пази в F.п.І.72. Началото му е различно от началото на указанието в P266, но второто изречение е същото като в гръцкия ръкопис: μνήμη τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ θεοφόρου Σάββα. Οὗτος ἦν ἐπὶ Θεοδοσίου τοῦ μικροῦ ἐκ χώρας τῶν Καππαδόκων [Дмитриевский 1895:29]. Очевидно източникът, от който е преведено, се е различавал от P266, но не много.

17.12. пѣ сѣхъз .г. отрокъ ананнѣ. азарнѣ. мнсанла. нже вѣ вакулонѣ оꙋгаснша пещь огньнѣ. н даннла пррѣка. л. 245а. Това указание е отбелязано и от Гардзанити [GARZANITI 2007: 101]. Указанието в P266 е по-кратко и липсва текстът за угасянето на пещта: ἄθλησις τῶν ἁγίων τριῶν παιδῶν Ἀνανία, Ἀζαρία, Μισαήλ, καὶ Δανιήλ τοῦ προφήτου [Дмитриевский 1895: 31]. Близък до текста в Остромировото евангелие, но по-кратък, е текстът в НБКМ508: памѣ сѣхъ. г. ѿтрокъ. ананїа азарїа мнсанлѣ. нже вѣ ваквлонѣ н пррѣка даннла. В случая източникът на славянския календар е бил по-подробен от P266.

23.12. стрѣ сѣхъ ꙗ. мѣкъ. нже въ крштѣ при декни црн. л. 249а. Текстът съответства напълно на указанието в Р266: ἄθλησις τῶν ἀγίων ἰμαρτύρων ἐν Κρήτῃ ἐπὶ Δεκίου βασιλέως [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 33]. Същият текст се пази и в НБКМ508: сѣхъ мѣкъ ꙗ. еже въ крштѣ при декни црн. л. 118б.

25.12. сѣтъа мѣца. еугенна. при космодѣ црн. л. 249а–б. Указанието съвпада с началото на информацията в Р266 (на 24.12): ἄθλησις τῆς ἀγίας μάρτυρος Εὐγενίας. Αὕτη ἦν ἐπὶ Κομόδου τοῦ βασιλέως, ὁπῆρχε δὲ θυγάτηρ ἐπάρχου Ῥώμης [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 34–35].

30.12. стрѣ сѣтъа мѣца. анастасна солоунианына при маѣнмианѣ црн. л. 256а. Указанието е подобно на текста в Р266: ἄθλησις τῆς ἀγίας μάρτυρος Ἀνυσίας ἐπὶ τῆς βασιλείας Μαξιμιανοῦ ἐκ πόλεως Θεσσαλονίκης [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 38]. Същото указание се пази и в двата минея. Драг: стрѣ сѣтъж аніснж солднѣмына при маѣнмианѣ. л. 119б; F.п.1.72: стрѣтъ сѣтъж анастаснж солоунианнж при знмианѣ (sic!) црн. л. 123б.

14.01. пѣ сѣхъ оцѣ нашнѣ. н мѣкъ. нзбнѣныхъ на сннанстѣн горѣ. ѳеодорула. нла. ноана. н пѣ. сѣмоу. авкадѣ. л. 262б. Текстът е близък до указанието в Р266, без да съвпада с него: μνήμη τῶν ὁσίων πατέρων τῶν ἐν Σινᾷ τῷ ὄρει τελειωθέντων, ὧν ὁ ὁσιος Νεῖλος τὸν βίον συνεγράψατο διηγούμενος καὶ τὴν αἰχμαλωσίαν Θεοδούλου, υἱοῦ αὐτοῦ Παύλου, Ἰωάννου καὶ τῶν σὺν αὐτοῖς ὧν ὁ ἀριθμὸς π' [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 43]. Подобен текст се пази в още четири славянски ръкописа, три апостола и един апостол с евангелие. Сл: сѣхъ оцѣ нзбнѣныхъ на сннанстѣн горѣ ѳеодору павла нлау ноану н дрѣжннѣ нхъ. Охр: стрѣ сѣтъи ѱѣлз нашнмъ н мѣкомъ нзбнѣнѣмъ въ сннанстѣн горѣ ѳеодору павлу данлау нвану н дружннѣ нхъ. НБКМ508: стрѣтъ сѣхъ мѣкъ ѳеѡра н павла. л. 126б. Ц: сѣтъи ѱѣлз нзбнѣннѣ хѣ радн на сннанстѣн горѣ. ерѣ анлѣ. нлѣ; иѡнѣ, дрѣжннѣ н. л. 230а.

В указанието за тази дата в Остромировото евангелие има и една добавка: пѣ. сѣмоу. авкадѣ. В действителност това не е памет на светец, а е названието на светите отци от Синай, които в някои гръцки източници се наричат авви. Така е например в Евергетидския устав, където пише: τῶν ἀγίων Ἀββᾶδων [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 391]. Подобно указание се открива и в две среднобългарски евангелия, Бан: памѣ сѣхъ авкадонъ мнозѣхъ, л. 192а, и Кърз: сѣнхъ авкадонъ мнозѣ, л. 179а. В тези ръкописи личи редакция според гръцки източник, в който отците са наречени Ἀββᾶδων. Успоредица в грешките при календарните указания между тези три евангелия се открива и на 11.05. На тази дата в Остромировото евангелие се чете: пѣ сѣмоу. генетлю. н мзозѣхъ. н пѣ сѣмоу мѣкоу. мокию, л. 272б, като генетлю не е име на светец, а съответства на указанието за създаването на Цариград (γενέθλιος). Подобни са указанията в Бан: стрѣтъ сѣтго мѣка мокия. генетла, л. 195а, и Кърз: сѣтго мѣка мокиа. генетла, л. 182б. Тези грешки в Остромировото евангелие са отбелязани и от М. Гарзанити [GARZANITI 2007: 102], но той не посочва успоредиците

им в Бан и Кърз. Общите грешки говорят за общ ранен източник на календарите на трите евангелия, който до голяма степен е пазел особеностите на Устава на Великата църква по отношение на репертоара, но в него е имало внесени поправки в съответствие с нов гръцки образец, свързан със студийската богослужебна практика.

26.01. сѣааго зѣноφонта. н жены его. н овою сѣоковъ ен. н оркада. ноана. л. 263б. Указанието е близко до текста в P266, без да съвпада с него: τοῦ ἁγίου Ζενοφῶντος καὶ τῆς συμβίου καὶ τῶν τέκνων αὐτοῦ Ἰακωβίου [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 45].

2.05. стрѣ сѣыхъ мѣкъ. есперню. н зосни. н женѣ его н чалодъ еа. курнака. н ѳеодола. л. 271б–272а. Указанието съвпада с началото на информацията в P266: ἄθλησις τῶν ἁγίων μαρτύρων Ζωῆς καὶ Ἑσπέρου, τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς καὶ τῶν τέκνων αὐτῶν Κυριακοῦ καὶ Θεοδοῦλου ἐπὶ Ἀδριανοῦ βασιλέως [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 67].

Както се вижда от приведените примери, кратки информации за светците или дори цели кратки жития има и в други славянски ръкописи: апостоли (или апостоли с евангелия) и двата минея. Най-много общи места има между Остромировото евангелие и ръкопис НБКМ508, който съдържа апостол с евангелие. Календарите на двата ръкописа може би нямат непосредствен общ протограф, но произлизат от общ източник.

Ето още два примера за кратки жития, характерни за Устава на Великата църква, в състава на апостолите:

12.09. Ен: стрѣтъ сѣго мѣка актонома. епѣкоупа. вывѣша къ пронетѣ. нта-лна. при дѣвклантанѣ црѣ. н сѣго мѣка корната. епѣкоупа. нконѣска. старѣнша къ ... рекомыа. оурсала. вывѣ при ... перни кназ ... В Ен се пази цялото кратко житие, същото като в P266: ἄθλησις τοῦ ἁγίου μάρτυρος Αὐτονόμου ἐπισκόπου Πρεναίστου ἐπὶ Διοκλητιανοῦ βασιλέως καὶ τοῦ ἁγίου μάρτυρος Κουρνούτου ἐκ πόλεως Ἰκονίου πρεσβύτερος γενόμενος χωρίου Συράλου ἐπὶ Περνίου ἡγεμόνος [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895:4]. Части от това житие са запазени в още два апостола: Охр: стрѣ сѣгомоу афѣтономоу еѣпа вывѣша къ преѣнѣ. Д: сѣаго авѣтома нталнж.

30.09. Ен: стрѣтъ сѣаго глнгорѣ архнепнскѣпа. велнкыа арменна. н рнмпсна. н дружны еа. при дноклнтнѣнѣ црѣ. н при црн перстѣ. артаванѣ. сѣѣ. аласѣрн братоу сжшнѣ. кюрѣ цроу арменѣскоу. лѣстнж оубненѣ выстѣ. В Ен е запазено началото на краткото житие и то е много близко до житието в P266: ἄθλησις τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος Γρηγορίου ἀρχιεπισκόπου τῆς μεγάλης Ἀρμενίας καὶ Γαϊανῆς καὶ Ῥιφιμίας καὶ τῶν σὺν αὐταῖς ἐπὶ Διοκλητιανοῦ βασιλέως, κρατοῦντος τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς, καὶ βασιλεύοντος τῶν Παρθῶν Ἀρταβάνου τοῦ υἱοῦ Ἀσοῦρ, ἀδελφοῦ ὑπάρχοντος Κουσαρῶ βασιλέως Ἀρμενίας. Δολοφονεῖται καὶ ἀποκτείνεται ὁ αὐτὸς Ἀρταβάνος, ἀδελφὸς Κουσαρῶ βασιλέως Ἀρμενίας παρὰ Ἀρτασήρ υἱοῦ τῆς τῶν Παρθῶν ἐπαρχίας,

βουλῆ δὲ καὶ συνέδει τῶν ἐν Περσίδι στρατοπεδάρχων ἐλομένων ἐπ' αὐτοὺς βασιλεύσεν αὐτὸν [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 10]. Част от това житие се намира и в Охр: *стра сѣомоуѣ ѡцѣѣ нашѣмоуѣ. епѣѣѣ ѡѡѡѡѣѣ к' ѡелнѣѣѣн ар'меннн. мѣѣѣѣѣ гргнгорннѣ.*

Повече примери за такива кратки жития и информации вж. в [ХРИСТОВА-ШОМОВА 2010], а всички такива случаи вж. в [ХРИСТОВА-ШОМОВА 2012].

Още преди време Е. Коцева обърна внимание на наличието на кратки жития в състава на Енинския апостол: “Трябва да се отбележат и твърде пространните житийни данни, дадени в Енинския апостол, които също говорят за особенния византийски образец, послужил на преводачите” [КОЦЕВА 1985: 105]. По-нататък тя посочва: “Най-съществена отлика на Енинския апостол е “проложният” тип житийни данни в синаксара” [КОЦЕВА 1985: 106]. Въз основа на тези и други особености на синаксара на Енинския апостол изследователката посочва връзката му с Устава на Великата църква. Но данните от Енинския апостол оставаха изолирани и не привлякоха вниманието на други учени. Едва съпоставката на пълните календарни указания с още 32 други апостола, с множество евангелия и с двата минея показаха ясно и недвусмислено присъствието на такива кратки житийни данни в редица ранни славянски ръкописи, преди всичко среднобългарски. Тук Остромировото евангелие заема важно място, защото другите ръкописи, в които се откриват следи от кратки жития и информации, са апостоли и двата минея. Все пак сред евангелията има и други ръкописи, които пазят следи от този ранен състав на календарите. В Ас също се откриват такива кратки фрагменти (вж. 5 декември). Но измежду евангелията те са най-много в Остромировото и по недвусмислен начин показват, че в основата на календарите на най-ранните апостоли и евангелия стои един общ архетип, преведен от Устава на Великата църква. Трябва да се отбележи, че във византийското катедрално богослужение Апостолът е можел да играе и ролята на устав, т. е. неговите минеен и триоден синаксар са можели да съдържат всички указания от Устава на Великата църква⁹. Така че наличието на ясни следи от Устава на Великата църква в синаксарите на славянски апостоли не е изненадващо. Твърде важно е, обаче, че такива ясни следи се откриват и в евангелия, на първо място в Остромировото. Същевременно трябва да се отбележи, че в Остромировото евангелие личи редакторска намеса по отстраняване на кратките жития и са останали само следи от тях, само най-кратки информации, които засягат преди всичко времето и мястото на подвига на светеца без повече подробности. Вероятно заради това изследователите досега са ги оставяли без внимание.

⁹ Дмитриевский дава примери за най-малко осем такива апостола [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 5, 55, 57–59, 78–79, 83, 101 и др.; ДМИТРИЕВСКИЙ 1907: 262 и сл.].

4. Други особености на календара на Остромировото евангелие и паралелите им в други славянски ръкописи

Календарът на Остромировото евангелие се отличава и с наличието на западни паметни в него, т. е. паметни на западни светци или честване на общохристиянски светци на западни дати. Тази негова особеност отдавна е отбелязана от изследователите. Във връзка със западните паметни в календара Е. Крушельницкая изказва следната донякъде романтична мисъл: “Такой синтез агиологических традиций в сочетании с фактом создания рукописи в 1057 г. наводит на мысль о том, что Остромирово Евангелие является, быть может, последним сохранившимся до наших дней литургическим памятником, отразившим единство христианской Церкви (как известно, процесс разделения единой Церкви прослеживается начиная с середины V в. и завершается «великой схизмой» в 1054 г.)” [Крушельницкая 2010: 16–17]. По-нататък тя допълва, че разбира се календарът на паметника пресъздава преди всичко своя протограф, но все пак е възможно в западните паметни да е отразено интензивното общуване на руските князе със западноевропейските държави. О. Лосева пък направо предполага, че западните паметни в славянските ръкописи са внесени на руска почва [Лосева 2001а: 72–75], макар и от нейните данни да се вижда, че западни паметни се откриват предивсичко в южнославянски ръкописи, а от руските – главно в Архангелското евангелие и по-малко в Остромировото. Давам списък на западните паметни в Остромировото евангелие, като при всяка отбелязвам в кои други славянски евангелия, апостоли и минеи е поместена.

21.11. *Св. Юлиания*. В евангелия: Бан, Кърз, Тип8; в апостоли: Охр, Кп, Д (на 22.11), НБКМ882 (на 23.11); в апостоли с евангелия: Хл31.

31.12. *Св. папа Силвестър* (вместо на 2 януари). В евангелие: Тип7; в апостоли: Охр; в апостоли с евангелия: НБКМ508; в минеи: Драг, Ф.п.1.72.

10.01. *Св. Йоан Златоуст*. В апостоли: Охр, НБКМ881; в апостоли с евангелия: НБКМ508.

26.01. *Св. Поликарп Смирненски*. В евангелия: Бан, Кърз; в апостоли: Охр, Синай39; в апостоли с евангелия: НБКМ508.

15.06. *Св. Вит, Модест и Крискенция*. В евангелия: Ас, Архангелско, Бан, Кърз, Погодин 11, още много южнославянски; в апостоли: Кп, Ц, НБКМ882, НБКМ883, Хл35; в апостоли с евангелия: НБКМ508, Хл31; в минеи: Драг, Ф.п.1.72. Паметта добива много голямо разпространение на Балканите.

Броят на западните паметни в Остромировото евангелие не е голям. В други ранни ръкописи, преди всичко апостоли, са включени много повече западни паметни. Ето списък на западните паметни, които се откриват в ранни славянски евангелия, апостоли и минеи.

- 1.09. *Св. папа Целестин I*. В апостоли: Ен.
 21.09. *Св. евангелист Матей*. В евангелия: Арх; в минеи: Драг, Ф.п.1.72.
 27.09. *Св. Козма и Дамян от Арабия*. В евангелия: Арх.
 29.09. *Освещаване храма на архангел Михаил в Рим*. В евангелия: Арх; в минеи: Драг, Ф.п.1.72.
 31.10. *Св. Герман Капуански*. В евангелия: Бан, Кърз, Q.п.1.59; в апостоли: Охр, П, НБКМ882; в апостоли с евангелия: НБКМ508.
 3.11. *Св. Перпетуа и Викторина*¹⁰. В евангелия: Бан, Кърз; в апостоли: Охр, НБКМ882; в апостоли с евангелия: НБКМ508.
 23.11. *Св. Климент Римски* (вместо на 25.11). В евангелия: Арх, Бан, Кърз; в апостоли: Охр; в минеи: Драг, Ф.п.1.72.
 24.11. *Св. Хрисогон*. В апостол: НБКМ882.
 1.12. *Св. Кандида*. В апостоли: Охр, НБКМ882.
 10.12. *Св. Евлалия*. В апостоли: Охр.
 11.12. *Св. папа Дамас*. В апостоли: Охр, НБКМ882.
 15.12. *Св. Матрона*. В апостоли: Охр, НБКМ882; в минеи: Драг, Ф.п.1.72.
 23.12. *Св. Виктория*. В апостоли: НБКМ882.
 2.01. *Св. Модест*. В апостоли: Охр.
 22.01. *Св. Виктор в Галия*. В евангелия: Мст; в минеи: Драг, Ф.п.1.72.
 28.01. *Св. Агния Дева* (вместо на 21.01). В апостоли: Охр.
 7.02. *Св. Вигилий (св. Авгулий?)*. В апостоли: Охр, НБКМ882.
 8.02. *Св. Дионисий и Павел*. В апостоли: Охр.
 15.02. *Св. Йоан Милостиви* (вместо на 12.11). В апостоли: Охр; в минеи: Драг, БАН 24.4.11 (откъснатата част от Ф.п.1.72).
 1.03. *Св. Донат Картагенски*. В апостоли: Охр.
 8.03. *Св. Перпетуа*. В апостоли: Охр; в минеи: Драг, Ф.п.1.72.
 17.03. *Св. Кириак Римски*. В апостоли: Охр, НБКМ882; в апостоли с евангелия: НБКМ508.
 18.03. *Св. Патрик*. В минеи: Драг, Ф.п.1.72.
 20.03. *Св. Кутберт*. В апостоли: Охр.
 21.03. *Св. Бенедикт Нурсийски*. В апостоли: Охр; в апостоли с евангелия: НБКМ508 (на 20.03); в минеи: Ф.п.1.72.
 2.04. *Св. Анастасий*. В апостоли: Охр.
 4.04. *Св. Амвросий Медиолански*. В апостоли: Охр, Сл (5.04), Ц (5.04), Хлудов33.
 4.04. *Св. Адриан*. В апостоли: Охр, Сл (5.04), Ц (5.04).

¹⁰ На някои места дават името като Викторин (вж. [Лосева 2001а: 72]), но не намерих сведения, от които да става ясно дали това е мъченик или мъченица, а във всички апостоли името е дадено като женско.

13.04. *Св. Евтимия Халкидонска*. В евангелия: Бан; в минеи: Драг, Ф.п.І.72.

27.04. *Св. Христофор*. В евангелия: Бан (28.04), Деч (28.04); в апостоли: Ц.

3.05. *Намирането на св. Кръст*. В евангелия: Деч; в минеи: Драг, Ф.п.І.72.

14.05. *Св. Виктор Мавър*. В апостоли: Кп, НБКМ882; в апостоли с евангелия: Хл31.

31.05. *Св. Петронила*. В апостоли: Ц, НБКМ882; в минеи: Драг, Ф.п.І.72.

19.06. *Св. Гервасий*. В апостоли: НБКМ882; в минеи: Драг, Ф.п.І.72.

18.07. *Св. Арнулф*. В евангелия: Бан, Кърз; в апостоли: НБКМ882.

19.07. *Св. Арсений Велики*. В апостоли: Ц, НБКМ882; в минеи: Драг.

23.08. *Св. преподобен Евтихий*. В апостоли: НБКМ882.

28.08. *Св. Ермет (Хермес)*. В евангелия: Кърз; в апостоли: Стр, НБКМ882.

28.08. *Св. Сабина* (отбелязана е като Савин). В евангелия: Кърз; в апостоли: Стр.

Както се вижда от приведените данни, най-много западни памети има в Охридския апостол, следван от апостол НБКМ882 и апостол с евангелие НБКМ508, от Архангелското евангелие и двете евангелия-близнаци: Банишкото и Кързъновото, както и от минеите-близнаци: Драгановия и Ф.п.І.72. Това са същите ръкописи, в които има голям брой редки памети от Устава на Великата църква и следи от кратки информации и кратки жития за светците, характерни също за Устава на Великата църква. И по отношение на западните памети в Остромировото евангелие личат само следи от един по-ранен състав, който по-късно е бил съкращаван, при това вероятно не един път.

5. Изводи

Очевидно в основата на календарите на всички тези разнородни и по съдържание, и по произход ръкописи стои един общ архетип, който е бил редактиран по различно време и на различни места, за да бъде приведен в съответствие със Студийския устав. Въпросът е: кога, къде и от кого е съставен този архетип?

А. Алексеев предполага, че прототипът на Остромировото евангелие е бил изготвен в България в началото на Х в., по времето на цар Симеон, когато отношенията с Византия са били най-подходящи да бъде преведен Уставът на Великата църква [АЛЕКСЕЕВ 2010: 52]. Но той не отчита данните от другите паметници, които имат сродни календари с Остромировото евангелие. Мисля, че данните от апостоли и евангелия, взети

в съвкупност, показват друго: този месечен синаксар, който следва точно Устава на Великата църква и лежи в основата на календарите на всички посочени тук ръкописи, е бил преведен не в България, а във Византия, и не в началото на Х в., а половин век по-рано, през 60-те години на IX в. При това можем да назовем точно неговите преводачи: това са нашите първоучители, светите братя Кирил и Методий. Този синаксар е влизал в състава на първата богослужебна книга, изготвена от тях, в съответствие с византийската практика, при която двата синаксара на Устава на Великата църква са били включвани в състава на Апостола. По време на моравската мисия този синаксар е бил попълнен със значителен брой западни паметни. Именно този календар, който съответства на Устава на Великата църква, допълнен със западни паметни, е бил донесен в България от Кирило-Методиевите ученици и стои в основата практически на всички ранни ръкописи с календари: апостоли, евангелия, апостоли с евангелия, както и на двата минея. В България този календар е бил редактиран според актуалния вече Студийски устав, на различни места и по различно време, но следите от първоначалния календар са се запазили в ръкописите: някъде съвсем осезателно, а някъде едва личат.

Защо смятам, че този календар не е съставен в България, а е бил донесен готов от учениците на Кирил и Методий? Първо, защото върху него личат следи от множество различни редактирания, така че са останали само отделни фрагменти, които трябва да бъдат събрани парче по парче и тогава може да се слобли част от мозайката и да се добие приблизителна представа за архетипа. Второ, защото следи от този ранен календар личат практически във всички ранни славянски календари. Те са най-ясно изразени в група ръкописи, преди всичко в апостоли Енински, Охридски и НБКМ882 и в апостола с евангелие НБКМ508, но се откриват и в редица други ръкописи – както апостоли, включително в Слепенския, Струмишкия и Драготиния, така и евангелия, сред които е на първо място Остромировото, но също Асеманиевото, Ватиканското, Архангелското, Банишкото и Кързъновото, а също и в двата разглеждани тук минея. Не може да се мисли за единствен книжовен център, за който да са характерни тези особености. Ако този архетип беше съставен в България в един или друг книжовен център, той едва ли би бил отразен във всички ръкописи. Трето, заради езика на календарните бележки, в който се виждат Кирило-Методиеви особености. Ще посоча употребата на отокъ в бележката в Остромировото евангелие за св. Йоан Богослов на 26 септември. Четвърто, заради западните паметни. Няма логика да се предполага, че те са били внесени в календара в България, много по-вероятно е това да е станало по време на моравската мисия. Разбира се, още по-малко основание има тезата, че западните паметни са били внесени в Русия и оттам са проникнали в България. Не може да има съмнение, че календарът, който

съчетава особеностите на Устава на Великата църква със западните паметни, представен в Остромировото евангелие и донякъде в Архангелското, е проникнал в Русия от България. Но и България не е мястото, където той е съставен, а само първата спирка от дългото пътуване на богослужебните книги, запазени и пренесени от Кирило-Методиевите ученици. В действителност в романтичното предположение на Е. Крушелницкая има много истина: наистина календарът на Остромировото евангелие показва единството на християнската църква отпреди схизмата, но той е съставен не в средата на XI в., а почти два века по-рано, и не от руски книжовници, а от апостолите Кирил и Методий, чиято мисия сред славяните е и мисия на обединение между християнския Изток и християнския Запад.

Наличните и представени тук данни са свидетелство и за това какъв е бил съставът на първата славянска богослужебна книга. Очевидно тя е съдържала двата синаксара (месечния и триодния) на Устава на Великата църква. Според византийската практика те се поместват в състава на Апостола. И сред славянските ръкописи най-много са апостолите, които съдържат ясни следи от този устав. Но такива следи, както редки паметни и специфични дати, така и кратки агиографски информации, се откриват и в книги, които съдържат Апостол с Евангелие: НБКМ508 и донякъде Хл31, както и в някои евангелия и сред тях на първо място е Остромировото. Мисля, че въз основа на цялата налична информация може да се направи изводът, че първата славянска богослужебна книга, съставена от светите братя, е съдържала Апостол с Евангелие, заедно с двата синаксара на Устава на Великата църква. Тя е била от типа на ръкопис НБКМ508, но в него календарът вече е редуциран и значително редактиран според Студийския устав. Във Велика Моравия календарът е бил попълнен и със западни паметни. По-късно от тази първа книга са отделени Апостол и Евангелие. Тук е съществената роля на Остромировото евангелие като свързващо звено, последна брънка от веригата, незаменимо свидетелство за историята на славянските богослужебни книги.

Съкратени названия на книгохранилища и фондове

БАН	Библиотека на Академията на науките
ГИМ	Държавен исторически музей в Москва
Зограф	Сбирка на Зографския манастир на Света гора
НБКМ	Национална библиотека "Св. св. Кирил и Методий" в София
РГАДА	Руски държавен архив на древните актове
РГБ	Руска държавна библиотека в Москва
РНБ	Руска национална библиотека в Санкт-Петербург
Син.	Синодална сбирка (в ГИМ)

Синай	Сбирка на Синайския манастир "Св. Екатерина"
Соф.	Сбирка на Софийския събор (в РНБ)
Тип.	Сбирка на Синодалната типография (в РГАДА)
ТСЛ	Сбирка на Троицко-Сергиевата Лавра (в РГБ)
Хлудов	Сбирка на Алексей Хлудов (в ГИМ)

Източници, използвани в изследването

Славянски ръкописи

Евангелия

Ас

"Асеманиево евангелие". Ватикана, Slav. 3. Старобългарски ръкопис от края на Х в., писан с глаголица. Съдържа евангелие кратък апракос, 158 л. пергамент. Използвано е по изданието [Kurз 1955].

Ват

"Ватиканско евангелие". Ватикана, Gr. 2502, в палимпсеста. Старобългарски ръкопис от втората половина на Х в. Съдържа евангелие кратък апракос, 135 л. пергамент. Използвано е по изданието [Кръстанов, Тотоманова, Добрев 1996].

Арх

"Архангелско евангелие". РГБ, М. 1666. Руски ръкопис от 1092 г. Съдържа евангелие кратък апракос, 178 л. пергамент. Използвано е по изданието [Жуковская, Миронова 1997].

Мст

"Мстиславово евангелие". ГИМ, Син. 1203. Руски ръкопис от края на XI или началото на XII в. (не по-късен от 1117 г.). Съдържа евангелие пълен апракос, 213 л. пергамент. Използвано е по изданието [Жуковская, Владимирова, Панкратова 1983].

Мир

"Мирославово евангелие". Народен музей в Белград, № 1536. Сръбски ръкопис от последната четвърт на XII в. Съдържа евангелие пълен апракос, 181 л. пергамент. Използвано е по изданието [Родић, Јовановић 1986].

Тин1

РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 1. Руски ръкопис от XII в. Съдържа четириевангелие, 193 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [Лосева 2001А].

Пог11

РНБ, Погодин, № 11. Руски ръкопис от края на XII – началото на XIII в. Съдържа евангелие кратък апракос, 264 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [Лосева 2001А].

Карп

"Карпинско евангелие". ГИМ, Хлудов 28. Български ръкопис от XIV в. Съдържа евангелие и апостол пълен апракос с отделни месецослови, 313 л. пергамент. Използвано е по микрофилм.

НБКМ26

НБКМ, № 26. Български ръкопис от XIII в. Съдържа 2 л. пергамент, част от месецослов. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [Дограмаджиева 2010].

Пловдив9

Пловдивска народна библиотека, № 9. Български ръкопис от XIII в. Съдържа евангелие кратък апракос, 91 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [Дограмаджиева 2010].

Q.n.I.59

РНБ, Q.n.I.59. Български ръкопис от началото на XIV в. Съдържа евангелие кратък апракос, 137 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ДОГРАМАДЖИЕВА 2010].

Деч

“Дечанско евангелие”. РНБ, Гилфердинг № 4. Български ръкопис от XIII в. Съдържа четириевангелие, 209 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ДОГРАМАДЖИЕВА 2010].

Орш

“Оршанско евангелие”. Централна научна библиотека на Украинската академия на науките в Киев, ДА/П. 555. Руско евангелие пълен апракос от средата на XIII в. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Тип7

РГАДА, ф. 381 (Тип.). № 7. Руско евангелие пълен апракос от XIII в. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Ф.п.I.118

РНБ, Ф.п.I.118. Руски ръкопис от XIII в. Съдържа евангелие пълен апракос, 144 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Верк

“Верковичево евангелие”. РНБ, Ф.п.I.99. Руски ръкопис от края на XIII в. Съдържа евангелие кратък апракос, 154 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Врач

“Врачанско евангелие”. НБКМ, № 19. Български ръкопис от края на XIII – началото на XIV в. Съдържа евангелие кратък апракос, 201 л. пергамент. Използвано е по изданието [ЦОНЕВ 1914].

Лавр

“Лаврашевско евангелие”. Музей Чарториски в Краков, № 2097. Руски ръкопис от края на XIII – началото на XIV в. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Гал

“Галичко евангелие”. РНБ, F.I.64. Руско евангелие пълен апракос от 1266–1301 г. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Бан

“Банишко евангелие”. НБКМ, № 847. Български ръкопис от края на XIII в. Съдържа четириевангелие, 205 л. пергамент. Използвано е по изданието [ДОГРАМАДЖИЕВА, РАЙКОВ 1981].

Кърз

“Кързъново евангелие”. Британски музей, Add Mss 39628. Български ръкопис от 1354 г. Съдържа четириевангелие, 198 л. пергамент. Използвано е по изданието [ВАКАРЕЉСКА 2008].

Зограф20

Зограф, № 20 (I.e.10). Български ръкопис от началото на XIV в. Съдържа четириевангелие, 175 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ДОГРАМАДЖИЕВА 2010].

Пант

“Пантелеймоново евангелие”. Манастир “Св. Пантелеймон” на Света гора, № XXXVII 2/2. Български ръкопис от XIV в. Съдържа евангелие кратък апракос. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ДОГРАМАДЖИЕВА 2010].

Луц

“Луцко евангелие”. РГБ, Румянцев, № 112. Руски ръкопис от втората половина на XIV в. Съдържа евангелие пълен апракос, 262 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Тин8

РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 8. Руски ръкопис от 1359 г. Съдържа евангелие пълен апракос, 165 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Сийско

“Сийско евангелие”. Археографска комисия, БАН в Санкт-Петербург, № 189. Руски ръкопис от 1339 г. Съдържа евангелие пълен апракос, 216 л. пергамент. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Соф7

РНБ, Соф. № 7. Руски ръкопис от началото на XV в. Съдържа четириевангелие. Не е издадено. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Апостоли

Ен

“Енински апостол”. НБКМ, № 1144. Старобългарски апостол кратък апракос от XI в., писан с кирилица. Съдържа 39 листа пергамент. Използван е по изданието [Мирчев, Кодов 1965].

Сл

“Слепченски апостол”. РНБ, Ф.п.І.101 и Ф.п.І.101а. (130+6 листа). Останалите листове са разпръснати в хранилища в Москва, Киев и Пловдив. Среднобългарски апостол пълен апракос от XII в. Съдържа 157 листа пергамент. Използван е по изданието [Ильинский 1912].

Охр

“Охридски апостол”. РГБ, Григ. 13. Среднобългарски апостол кратък апракос от XII в. Съдържа 112 листа пергамент. Има отделни думи и дори цели редове, писани на глаголица. Използван е по изданието [Кульбакин 1907].

Д

“Драготин апостол”. НБКМ, № 880. Среднобългарски апостол кратък апракос от втората половина на XII в. Съдържа 159 листа пергамент. На л. 153а има бележка от книжовника: Драгота писахъ та ми срѣце полемисаше и ѿмъ ми сж мжтѣ... По името на книжовника Драгота е наречен Драготин апостол. Не е издаден. Използван е de visu.

Стр

“Струмишки апостол”. Народен музей в Прага, IX Е 25. Среднобългарски апостол кратък апракос от XIII в. Съдържа 88 листа пергамент. Използван е по изданието: [Блахова, Хауптова 1990].

Ки

“Карпински апостол”. ГИМ, Хлудов № 28. Български ръкопис от XIV в. Съдържа евангелие и апостол пълен апракос с отделни месецослови. Съдържа 313 листа пергамент. Издаден е апостолският текст [Амфилохий 1885–1888], без месецослова. Използван е по микрофилм.

П

“Пирдопски апостол”. НБКМ, № 497. Среднобългарски последователен апостол от XIII в. Съдържа 129 листа пергамент. Не е издаден. Използван е de visu.

Ц

“Църколезки апостол”. Дечански манастир, № 2. Намерен е в сръбското село Църколез. Среднобългарски последователен апостол от края на XIII в. Съдържа 238 л. пергамент. Използван е по микрофишовете от изданието: [Богданович, Велчева, Наумов 1986].

НБКМ881

НБКМ, № 881. Малък откъслек от среднобългарски изборен апостол от XIII в. Съдържа 6 листа пергамент, част от календара. Не е издаден. Използван е *de visu*.

НБКМ882

НБКМ, № 882. Среднобългарски апостол кратък апракос от началото на XIV в. Съдържа 151 листа пергамент. Не е издаден. Използван е *de visu*.

НБКМ883

НБКМ, № 883. Сръбски апостол кратък апракос от началото на XIV в. Съдържа 171 листа пергамент. Не е издаден. Използван е *de visu*.

Ш

“Шишатовачки апостол”. Библиотека на Сръбската патриаршия в Белград. По-рано е бил в Шишатовачкия манастир до Нови Сад. Сръбски апостол пълен апракос от 1324 г. Съдържа 226 листа пергамент. Използван е по изданието [STEFANOVIĆ 1989].

НБКМ502

НБКМ, № 502. Среднобългарски последователен апостол от 60-те години на XIV в. Съдържа 209 листа хартия. Не е издаден. Използван е *de visu*.

Хл35

ГИМ, Хлудов 35. Среднобългарски апостол пълен апракос от края на XIII – началото на XIV в. Съдържа 193 листа пергамент. Не е издаден. Използван е *de visu*.

Хл39

ГИМ, Хлудов 39. Последователен апостол от първата половина на XIV в. Съдържа 273 листа пергамент. Не е издаден. Използван е по фотокопия.

Тип23

РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 23. Руски апостол кратък апракос от XIV в. Съдържа 105 листа пергамент, писани в две колони. Не е издаден. Използван е *de visu*.

Синай39

Синай, № 39. Руски апостол от XIII–XIV в. Не е издаден. Данните от календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Муз3452

ГИМ, Муз. 3452. Руски апостол от началото на XV в. Не е издаден. Данните от календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Фад56

РГБ, Фад. 56. Руски апостол от началото на XV в. Не е издаден. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Апостоли с евангелия

НБКМ508

НБКМ, № 508. Среднобългарски апостол и евангелие кратък апракос от края на XIII в. Имат общ календар. Съдържа 144 листа пергамент. Не е издаден. Използван е *de visu*.

Хл31

ГИМ, Хлудов 31. Среднобългарски апостол и евангелие кратък апракос от началото на XIV в. Имат общ календар. Съдържа 270 листа пергамент. Не е издаден. Използван е по фотокопия.

СГ

Апостол и евангелие на Симеон Горди. РГБ, ф. 304 (ТСЛ), ризница № 1. Руски ръкопис от 1343 г. Съдържа апостол и евангелие пълен апракос, 266 л. пергамент. Не е издаден. Данните за календара му са взети от [ЛОСЕВА 2001А].

Минеи

Драг

Драганов миней. Зограф, № 54 (I.e.9). Среднобългарски ръкопис от края на XIII в. Съдържа 219 л. пергамент. Не е издаден. Използван е по микрофилм.

Ф.п.I.72

РНБ, Ф.п.I.72. Част от него се пази в БАН в Санкт-Петербург, № 24.4.11. Среднобългарски ръкопис от XIII–XIV в. Съдържа 247 л. пергамент. Не е издаден. Използван е de visu и по микрофилм.

Гръцки източници

P266

Манастир “Св. Йоан Богослов” на остров Патмос, № 266. Ръкопис от IX–X в., съдържа Устав на Великата църква. Използван е по изданието [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 1–152].

H40

Гръцка православна патриаршия в Йерусалим, сбирка на манастира “Св. Кръст”, № 40. Ръкопис от X в., съдържа Устав на Великата църква. Използван е по изданието [МАТЕОС 1962, 1963].

Литература

АЛЕКСЕЕВ 2010

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Остромирово евангелие и византийско-славянская традиция священного писания”, в: *Остромирово евангелие и современные исследования новозаветных текстов*, Санкт-Петербург, 2010, 41–59.

АМФИЛОХИЙ 1885–1888

АРХИМАНДРИТ АМФИЛОХИЙ, *Древлеславянский Карпинский Апостол XIII в. с греческим текстом 1072 года, сличенный по древним памятникам славянским XI–XVII в. с различиями греческими, заимствованными из Нового завета, издания Рейнекция 1747 года*, 1–4, Москва, 1885–1888.

БЛАХОВА, ХАУПТОВА 1990

БЛАХОВА Е., ХАУПТОВА З. (изд.), *Струмички (Македонски) апостол. Кирилски споменик од XIII век*. Скопје, 1990.

БОГДАНОВИЧ, ВЕЛЧЕВА, НАУМОВ 1986

БОГДАНОВИЧ Д., ВЕЛЧЕВА Б., НАУМОВ А. (изд.), *Болгарский Апостол XIII века: рукопись Дечани-Црколез 2*, София, 1986.

ВОСТОКОВ 1843

ВОСТОКОВ А. Х. (изд.), *Остромирово евангелие 1056–1057 г. с приложением греческого текста евангелий и грамматическими объяснениями*, Санкт-Петербург, 1843.

ДМИТРИЕВСКИЙ 1895

ДМИТРИЕВСКИЙ А., *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, 1, Твляга, Часть первая, Памятники патриарших уставов и ктиторийские монастырские Типиконы*, Киев, 1895.

ДМИТРИЕВСКИЙ 1907

ДМИТРИЕВСКИЙ А., *Древнейшие патриаршие типиконы: Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской церкви*, Киев, 1907.

ДОГРАМАДЖИЕВА 2010

ДОГРАМАДЖИЕВА Е., *Месеословните четива в славянските ръкописни евангелия (X–XVII в.)* (= Кирило-Методиевски студии, 19), София, 2010.

ДОГРАМАДЖИЕВА, РАЙКОВ 1981

ДОГРАМАДЖИЕВА Е., РАЙКОВ Б. (изд.), *Банишко евангелие. Среднобългарски паметник от XIII век*, София, 1981.

ЖУКОВСКАЯ, ВЛАДИМИРОВА, ПАНКРАТОВА 1983

ЖУКОВСКАЯ Л. П., ВЛАДИМИРОВА Л. А., ПАНКРАТОВА Н. П. (изд.), *Апракос Мстислава Великого*, Москва, 1983.

ЖУКОВСКАЯ, МИРОНОВА 1997

ЖУКОВСКАЯ Л. П., МИРОНОВА Т. Л. (изд.), *Архангельское евангелие 1092 года. Исследование. Древнерусский текст. Словоуказатели*, Москва, 1997.

ИЛЬИНСКИЙ 1912

Ильинский Г. А. (изд.), *Слепченский апостол XII века*, Москва, 1912.

КОЦЕВА 1985

КОЦЕВА Е., “Особенности в календара на Енинския апостол”, *Palaeobulgarica*, IX, 1985, 1, 104–110.

КРУШЕЛЬНИЦКАЯ 2010

КРУШЕЛЬНИЦКАЯ Е. В., “Остромирово евангелие и Российская национальная библиотека: хранение и изучение памятника”, в: *Остромирово евангелие и современные исследования новозаветных текстов*, Санкт-Петербург, 2010, 15–40.

КРЪСТАНОВ, ТОТОМАНОВА, ДОБРЕВ 1996

КРЪСТАНОВ Т., ТОТОМАНОВА А., ДОБРЕВ И. (изд.), *Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. Gr. 2502*, София, 1996.

КУЛЬБАКИН 1907

КУЛЬБАКИН С. М. (изд.), *Охридская рукопись Апостола конца XII в.*, Български старини, кн. 3, София, 1907.

ЛОСЕВА 2001А

ЛОСЕВА О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

ЛОСЕВА 2001В

ЛОСЕВА О. В., “Периодизация древнерусских месяцесловов XI–XIV в.”, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 2/4, 2001, 15–36.

ЛЬВОВ 1966

ЛЬВОВ А. С., *Очерки по лексике памятников старославянской письменности*, Москва, 1966.

МИРЧЕВ, КОДОВ 1965

МИРЧЕВ К., КОДОВ Хр., *Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в.*, София, 1965.

ПОПОВА 2010

ПОПОВА О. С., “Остромирово евангелие. Миниатюры и орнаменты”, в: *Остромирово евангелие и современные исследования новозаветных текстов*, Санкт-Петербург, 2010, 60–84.

РОДИЋ, ЈОВАНОВИЋ 1986

РОДИЋ Н., ЈОВАНОВИЋ Г. (изд.), *Мирославјево јеванђеље. Критичко издање*, Београд, 1986.

СВИРИН 1958

СВИРИН А. Н., “Остромирово евангелие как памятник искусства”, в: *Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*, V (8), Ленинград, 1958, 47–55.

ХРИСТОВА-ШОМОВА 2010

ХРИСТОВА-ШОМОВА И., "Византийските синаксари и календарите на славянските апостоли", *Palaeobulgarica*, XXXIV, 2010, 2, 5–41.

ХРИСТОВА-ШОМОВА 2012

ХРИСТОВА-ШОМОВА И., *Службеният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. II. Изследване на синаксарите*, София, 2012.

ЦОНЕВ 1914

ЦОНЕВ Б., "Брачанско евангелие", в: *Български старини*, 4, София, 1914.

BAUMSTARK 1926

BAUMSTARK A., "Das Typikon der Patmos-Handschrift 266 und die altkonstantinopolitanische Gottesdienstordnung", *Jahrbuch für Liturgiewissenschaft*, 6, 1926, 98–111.

GARZANITI 1992–1993

GARZANITI M., "La struttura di un aprakos breve. L'Ostromorovo Evangelie", *Ricerche Slavistiche*, 39–40, 1992–1993, 1, 171–207.

GARZANITI 2001

GARZANITI M., *Die altslavische Version der Evangelien, Forschungsgeschichte und zeigenössische Forschung*, Köln–Weimar–Wien, 2001.

GARZANITI 2007

GARZANITI M., "Il culto dei santi nella Slavia Ortodossa alla luce dei libri del Vangelo e dell' Apostolo. Prima parte", in: *Liturgia e agiografia tra Roma e Costantinopoli. Atti del I e II Seminario di studi*. Roma – Grottaferrata 2000–2001, Grottaferrata, 2007, 89–108.

KURZ 1955

KURZ J. (изд.), *Evangeliarium Assemani. Codex vaticanus 3. Slavicus glagoliticus*, 2, Prague, 1955.

MATEOS 1962

MATEOS J. (изд.), *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte-Croix no 40, Xe siècle, 1, Le cycle des douze mois*, Roma, 1962.

MATEOS 1963

MATEOS J. (изд.), *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte-Croix no 40, Xe siècle, 1, Le cycle des fêtes mobiles*, Roma, 1963.

MOSZYŃSKI 2001

MOSZYŃSKI L., "O pewnej osobliwej zbieżności kalendarza liturgicznego apostoła Enińskiego i ewangeliarza Ostromira", в: *Кирило-Методиевски студии*, 14, 2001, 15–21.

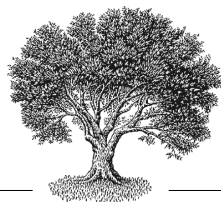
STEFANOVIĆ 1989

STEFANOVIĆ D. (изд.), *Apostolus Šišatovacensis anni 1324*, Wien, 1989.

VAKARELIJSKA 2008

VAKARELIJSKA C. M. (изд.), *The Curzon Gospel, I: An Annotated Edition, II: A Linguistic and Textual Introduction*, Oxford, 2008.

Проф. **Искра Христова-Шомова**, д. ф. н.
Катедра по кирилometодиевистика
Факултет Славянски филологии
Софийски университет "Св. Климент Охридски"
София 1504, бул. Цар Освободител 15
Bulgaria / България
iskrashomova@gmail.com

Über den Silbenakzent in Juraj Križanićs Dialekt¹

О СЛОГОВЫХ ИНТОНАЦИЯХ В диалекте Юрия Крижанича

Michail Oslon

Institut für Slavistik
der Russischen Akademie der Wissenschaften,
Moskau

Михаил Ослон

Институт славяноведения РАН,
Москва

Résumé

In diesem Beitrag werden die Silbenintonationen des den Texten Križanićs zugrunde liegenden Dialekts rekonstruiert. Das wichtigste Ergebnis der Rekonstruktion ist, dass in seinem Akzentsystem zwei kurzen Intonationen vorkommen, von denen eine vermutlich aus dem urslavischen kurzen Neoakut stammt. Bisher wurde angenommen, dass dieser keine direkten Spuren in den Folgesprachen hinterlassen hat.

Schlüsselwörter

Križanić, Serbokroatisch, Čakavisch, Akzentologie, Neoakut

Резюме²

В статье реконструируются слоговые интонации диалекта, на котором основаны тексты Крижанича. Главным выводом является наличие в его акцентной системе двух кратких интонаций, одна из которых скорее всего восходит к праславянскому краткому новому акуту, который, как считалось до сих пор, прямо не отразился ни в одном славянском языке.

Ключевые слова

Крижанич, сербохорватский язык, чакавское наречие, акцентология, новый акут

¹ Der Text dieses Artikels wurde bereits veröffentlicht [OSLON 2011]; wegen der vielen Druckfehler ist er aber praktisch unlesbar. Hier wird er veröffentlicht mit einigen kleinen Änderungen.

² Der Autor dankt Florian Wandl und Roland Marti für einige Beobachtungen und die sprachliche Korrektur.

Juraj Križanićs Texte, die auf seinem čakavisch-kajkavischen Dialekt des 17. Jahrhunderts beruhen, sind bereits mehrmals in die Rekonstruktion des urslavischen Akzents miteinbezogen worden, da das in ihnen reflektierte Akzentsystem äußerst archaische Züge trägt. Die eigentlichen prosodischen Merkmale dieses Dialektes sind aber bisher noch nicht befriedigend untersucht worden. Das von Križanić verwendete komplizierte System von Akzentzeichen besaß lange keine eindeutige Interpretation, wodurch eine genauere Einsicht in die prosodischen Erscheinungen, die sich hinter diesen Zeichen verstecken, verhindert wurde. Die vorhandenen Studien kommen häufig zu widersprüchlichen Ergebnissen, was teilweise auf deren beschränkte Berücksichtigung der vorhandenen Daten zurückgeführt werden kann. Wir haben nun eine durchgängige Untersuchung von Križanićs Hauptwerken (*Izkazanje* [GI], *Objasnjenje* [OV], *Politika*) durchgeführt und können somit eine vollständige Rekonstruktion vorlegen.

Bei der Rekonstruktion des Silbenakzentsystems Križanićs verfolgen wir folgende Ziele:

- 1) klarzustellen, wie viele phonologische Silbenakzente es hatte;
- 2) einen Eindruck davon zu gewinnen, welche phonetische Realisierung (Kontur) diese aufwiesen;
- 3) das syntagmatische Verhalten der Silbenakzente festzustellen, d. h. ob sie in gewissen Kontexten variieren konnten.

All dies wäre ohne Križanićs eigene Bemerkungen kaum möglich. In *Izkazanje* und *Objasnjenje* werden vier prosodische Zeichen benutzt, die er wie folgt erklärt [OV: 57]:

1. $\hat{\ } : \textbf{Висѡкиѣ}$ *влâк гласниѣцу подвѣгает на високѡ: и провлâчит на дълго; кâкот, Бѡг, Прâвда, Господâр;*
2. $\bar{\ } : \textbf{Дѡлгиѣ}$ *провлâчит на дълго: али неподвѣгает на високѡ; кâкот, Глубѣна, Зеленѣна, Нâрод ;*
3. $\acute{\ } : \textbf{Скѡриѣ}$ *подвѣгает на високѡ: али непровлâчит на дълго; кâкот, Чѣдо, Велико, Прâвити;*
4. $\`{\ } : \textbf{Једнâкиѣ}$ *нити подвѣгает, нити провлâчит. Зачѣм и нѣ по властѣности почитаетсе бити влâком; него пâче знâком небѣтѣя трих ѣстинних влакѡв: и знâчит, же она рѣчи, над којеју он јест написан, нѣмает ниједного влâка: и же всѣ нѣе склâди једнâкѣм и нѣ рâзличним провлѣченѣм јмајут бѣт изречени; кâкот, Слободâ, Беретѣ, Ногâ, Водâ.*

Über die Stellung und Distribution der Zeichen schreibt Križanić [OV: 58]:

1. *Једнâкиѣ влâк на једѣном крâжном склâдѣ мѡжет бѣт постâвљен. [...] не знâчит јно, неже остâлих влакѡв небѣтѣя. А то ѡ без всâкого влâка*

мóжетсе разумѣт. Рáзвѣ въ нѣкоих Двојезнáчних рѣчѣх, ради разлúченја, нѣ бездѣлно мóжет се пúсáт се влáк једнáкиъ; кáкот, Мѣсто, Мѣстò : кáко, кáкò : Тíми, Тимì : Мíмо, Мимò : Рáди, Радì

(dasselbe in *Izkazanje* [GI: 194]:

А тó и без всáкого знáмена мóжетсе разумѣт. Рáзви въ нíких двојерáзумних ричѣх, зарад разлúченја, нѣ бездýлно мóжетсе напúсáт сѣв Једнáкиъ влáк. Кáкот, Locus мúсто, Pro, uel Loco : мистò : Quomodo, Кáко, Sicut Кáкò : Istis Тíми, Quidem Тимì);

2. Дóлгий влáк, аще јест сáм једíн на једноу рѣчи: лúше на Прикрáжном склáдѣ јмает мѣсто; кáкот, Зеленина;

3. Аще бýдут двá дóлгаја: на крајном и Прикрáжном склáдѣ стојат; кáкот, Једнáкíм, чѣрнíм;

4. Ащели будет Дóлгий и Скòриъ: на всáком мѣстѣ мóгут стојат; кáкот, Зáбáва, Прíличними;

5. Висòкиъ и Скòриъ вѣздѣ јмајут мѣсто.

In den Definitionen der Akzente lassen sich mehrere Besonderheiten beobachten. Erstens, unterscheidet Križanić zwei dichotomische Merkmale „*подвúгает на високó*“ (also Höhe) und „*провлáчит на дóлго*“ (Länge), die vorhanden sein (+) oder fehlen (–) können (s. Tabelle 1).

Tabelle 1

Zeichen		Höhe	Länge
^	<i>visokij</i>	+	+
–	<i>dolgij</i>	–	+
'	<i>skorij</i>	+	–
`	<i>jednakij</i>	–	–

		Länge	
		–	+
Höhe	+	'	^
	–	`	–

Zweitens, teilt er uns nichts über die prosodischen Eigenschaften selbst, d. h. über deren Phonetik, mit. Während die Beschreibung „*подвúгает на високó*“ keineswegs buchstäblich (als eine Kontur) verstanden werden muss, bezeichnet das zweite Merkmal (Länge) zweifellos lange Vokale.

Drittens, ist zu berücksichtigen, dass diese Definitionen lediglich Križanićs akustische Eindrücke und nicht irgendein phonologisches Verhalten wiedergeben. Dies folgt aus der Beschreibung des *jednakij*-Akzents, welcher durch das Fehlen der beiden eben besprochenen Merkmale definiert ist, was als phonologische Unbetontheit interpretiert werden kann. Diese Interpretation muss aber nicht die einzig mögliche sein: Beispiele wie „*слободà, беретè, ногà, водà*“ sind ganz offensichtlich nicht phonologisch unbetont. Was soll nun also die Phrase „*нúмает нíједного влáка*“ eigentlich bedeuten? Križanić selbst gibt uns die Antwort darauf: „*всú нѣе склáди једнáкíм и нѣ рáзлúчним про-*

влѣчѣнјем јмајут бѣт изречени“. Unsere Schlüsse vorwegnehmend, können wir dies mit anderen Worten folgendermaßen wiedergeben: *keine der Silben tritt als der einzige Akzentgipfel hervor*. Unserer Meinung nach ist es möglich, dass Križanić mit diesem Zeichen Wörter kennzeichnete, in denen, zumindest seinem subjektiven Empfinden nach, mehrere Silben prosodisch gleich ausgesprochen wurden und er es daher als *jednakij* bezeichnete. Trotzdem kann man eine echte (phonologische) Unbetontheit in einigen Fällen nicht ausschließen. So zum Beispiel in zweideutigen Wörtern wie *місто* ‘locus’ ~ *мистò* ‘pro, uel loco’ (vgl. „Крòв, мѣстò Кòрв“). Dies bedeutet, dass die jeweiligen Klitika im Redestrom keinen Akzent tragen.

In *Izkazanje* und *Objasnjenje* fällt sofort auf, dass das *jednakij*-Zeichen sich mit dem *skorij* und dem Fehlen eines Zeichens abwechselt, und zwar nur auf der letzten Silbe (*jednakij* kann übrigens anderswo nicht stehen). Bezüglich des Fehlens des *jednakij* auf der letzten Silbe erklärt Križanić: „и без всàкого влàка мòжетсе разумѣт“ [OV: 58°], d. h. die Variation *jednakij* ~ [kein Zeichen] ist keine echte Alternation, sondern kennzeichnet dieselbe Erscheinung³. Praktisch wird aber dieser Endakzent nur dann graphisch ausgelassen, wenn die vorletzte Silbe ein *dolgij* trägt⁴. Die Distribution *jednakij* ~ *skorij* scheint auf den ersten Blick zwar zufällig aufzutreten, doch zeigt eine eingehendere Analyse, dass sie unter gewissen Bedingungen ganz regelmäßig ist. Um diese Regelmäßigkeit zu ermitteln, muss man mehrere Parameter einführen:

1) die Anzahl der Silben eines Wortes: (a) Einsilbigkeit bzw. (b) Mehrsilbigkeit,

2) die Quantität der vorletzten, d. h. in diesem Fall vortonigen, Silbe (bei mehrsilbigen Wörtern): ob diese (a) kurz oder (b) lang ist,

3) der reflektierte urslavische Akzent: (a) der alte Akut, (b) der kurze Neoakut, (c) der kurze Akzent (aus verschobenem Akzent im AP b oder aus verkürztem Endungsakzent entstanden),

4) die Stellung im Satz: (a) isoliert, d. h. vor einer Pause (darunter in Wortliste), (b) vor einem anderen Wort (d. h. im Redestrom).

³ Im oben angeführten Zitat hat das Wort *разумѣт* auch kein Akzentzeichen (wohl aber *разумѣт* mit *skorij* [GI: 194]).

⁴ A. Peco blieb diese Tatsache noch verborgen. Er vergleicht die verschiedenen Akzentzeichen Križanićs mit denjenigen der Serbokroatischen (neoštokavischen) Schriftsprache, was ihn zu keinen neuen Schlüssen führt und aus unerfindlichen Gründen dazu zwingt, der von Belić bereits 1914 geäußerten Meinung [BELIĆ 1914: 26], dass Križanićs System eine „štokavska akcentuacija koja je poprimila odlike najprogresivnijih štokavskih govora“ darstelle, beizupflichten [PECO 1971: 114]. Diese Idee, die später von anderen Forschern als nicht sehr wahrscheinlich angesehen wurde, scheint ihren Ursprung im Unverständnis der durch Križanićs Akzentzeichen wiedergegebenen phonologischen Erscheinungen zu haben. Insbesondere, gelingt es Peco nicht, in Križanićs *dolgij*-Zeichen (vgl. Pecos Beispiele *rùka*, *jednàko*) eine alte vortonige, für die Mundarten mit „alter Akzentuierung“ typische, Länge zu erkennen. Später besteht A. Peco nicht mehr auf dieser Meinung ohne darauf offenbar zu verzichten [PECO 1982: 73].

Mehrsilbige Wörter mit langer vorletzter Silbe verhalten sich wie folgt:

aus kurzem Akzent: **xъrvāti*:

vor einer Pause:

...*Русјани, Болгари, Хервāti, Сѣрби, Греки*... [GI: 20],

...*Болгари, Сѣрбљани, и Хервāti : и овí трoвí*... [GI: 4],

aber auch (selten; logische Hervorhebung):

...*изглашáње : и сáце говорѣт Хервāti*. Али по небрижѣњу... [GI: 22];

nicht vor einer Pause:

in der Regel, vor einer betonungslosen Silbe:

...*въ онíх мíстех : гди Хервāti на кончíне*... [GI: 21],

Јóш Хервāti велѣт и сáце... [GI: 193],

А Хервāti би рѣкли на ЕЦ... [GI: 59],

während vor einer betonten Silbe:

...*А Сѣрбљани нáк и Хервāti тáко сут изгубíли*... [GI: 6],

...*Русјани нáк, и Хервāti лъубет рíзво*... [GI: 156],

...*Хервāti мáло знадúт об тíх*... [GI: 106],

aber auch (selten) vor einer betonungslosen Silbe:

Русјани чáсто, а Хервāti всегдá, творѣт... [GI: 18],

Въ јменнíку Хервāti велѣт... [GI: 21],

...*кѣт, Хервāti би рѣкли, От горѣ мáле*... [GI: 52];

aus altem Akut: **pīšǎľ*:

vor einer Pause:

и óн неби крíво пīсал. [GI: 147],

nicht vor einer Pause:

А ктo би вездí пīсал *Јхoтa*. [GI: 147].

Obwohl diese Distribution nicht sehr deutlich ist, lässt sich hier eine Tendenz zur Verwendung des *skorij* vor einer betonungslosen Silbe (also nicht vor einer Pause), besonders vor einem Klitikon, beobachten. Vor einer Pause fehlt das Akzentzeichen praktisch immer, was wir so interpretieren, dass es sich in dieser Stellung einfach um eine Variante des *jednakij* handelt, da, wie oben bereits erwähnt, die Variation *jednakij* ~ [kein Zeichen] keine echte Alternation darstellt. Betrachtet man nun das *skorij* als Grundzeichen, so ist dieser Endakzent einer phonetischen Veränderung unterworfen, was als eine volle Neutralisierung in der Stellung nach einer langen vorletzten Silbe aufgefasst werden kann.

Mehrsilbige Wörter mit kurzer vorletzter Silbe können sowohl ein *skorij* als auch ein *jednakij* tragen:

aus kurzem Akzent: **lakomòstь*:

vor einer Pause:

Но прáво рецú, [...] Лaкoмòст, Скúпoст... [GI: 57],

Гoлeмòст. Знaкoмòст. Лaкoмòст, Нимoтa. [GI: 66],

nicht vor einer Pause:

Лакомѡст, и гнѣив, бѣше въ нѣм велик. [GI: 178],

Кѡкот, Гнѣив и Лакомѡст бѣху въ нѣм велика. [GI: 177];

aus kurzem Neoakut: *živòť:vor einer Pause:

Ов грѣд. Живѡт, Мѣр. [GI: 42],

Чловѣцкѣ живѡт : вно́жих чловѣков живѡт. [GI: 67],

Чрез вѣс живѡт. [GI: 182],

nicht vor einer Pause:

Рецѣ, Живѡт прише́стного, или гредущего вѣка. [GI: 110],

Рецѣ, Жѡана живѡт болѣт. [GI: 170].

Wie die angeführten Beispiele bezeugen, tragen diese Wörter im Redestrom lediglich das *skorij* und vor einer Pause am häufigsten das *jednakij*. Es handelt sich also um einen syntaktischen Akzentwechsel, oder, genauer gesagt, um eine Veränderung des Endakzents einer Taktgruppe (Akzentwort). Wenn unsere Interpretation des *jednakij*-Zeichens, die auf Križanićs Erklärung beruht, dass er damit das Fehlen eines einzigen Akzentgipfels kennzeichnete, richtig ist, können wir daraus schließen, dass phonologisch endbetonte Wörter mit kurzer betonter Silbe im Redestrom (d. h. auch vor Klitika) den Akzentgipfel auf der letzten Silbe tragen, während in isolierter Stellung oder vor einer Pause ein Wechsel, der wahrscheinlich in einer Umverteilung des Akzentgipfels über die letzten beiden Silben besteht, stattfindet. Weiters lässt sich beobachten, dass diese Umverteilung bei langen vorletzten Silben häufiger geschieht, d. h. dass lange Silben den ersten Teil des Akzentgipfels „lieber“ hinüberziehen, weshalb wir diesen Wechsel als „teilweise Zurückziehung“ bezeichnen können. Offensichtlich ist dabei, dass die Umverteilung (oder der Verlust) des Akzentgipfels nur in mehrsilbigen Wörtern möglich ist. Andere Beispiele (vor einer Pause): Substantive mit flüchtigem Vokal: *отѡц, ловѣц, конѣц*; andere Substantive: *облѡст, големѡст, питомѡст*; Adjektive: *ширѡк, далѣк, висѡк*; passive Partizipien: *творѣн, говорѣн, прочтѣн*. Aber:

aus altem Akut: *jězŭkъ:vor einer Pause:

...кѡкот, Јѡрост, Јѣ-|зеро, Јѡкѡти, Јутро, Јѡзѣк. [OV: 13],

...по прѡвде звѡт се [...] Дрѣвнѣи језѣк, Пѣрво тѣм: жеже... [GI: 5],

...и тѣм различно и мѣрзко казѣт језѣк. Ктѣ... [GI: 171],

und auch (häufiger):

...напѡче се чинѣт по обзѡру на Грѣцкѣи језѣк. [GI: 161],

...јѡзѣци; кѡкот, Грѣческѣи језѣк, Жидѡвскѣи језѣк. [OV: 5°],

...незнѡжет чѣст Словѣнскѣи језѣк. [GI: 111],

nicht vor einer Pause:

...бо јест учиньено да јези́к на́ш сѣь... [GI: 4],

...јеже сѣь кнѣйжнѣь јези́к вно́го подобнѣь јест... [GI: 5],

...же сѣьм Рѹскиѣь јязи́к на трѹ́ј јест раздѣльен. [OV: 2].

Auf dieselbe Weise verhalten sich *вели́к* ~ *велѣ́к*, *чловѣ́к* ~ *чловѣ́к* und andere Wörter mit altem Akut: sie können fakultativ das *skorij* behalten. Suffixableitungen mit altem Akut im Suffix erscheinen im Satzzusammenhang vor einer Pause oder in Wortlisten in der Regel mit dem *skorij*, vgl. Substantive: *роджа́ь*, *держа́ь*, *дити́ц* (neben *дити́ц*, *кнежи́ц*); Adjektive: *брада́т*, *глава́т*, *бога́т*; *бата́ст*, *трака́ст*; *бледи́в*, *ложльив* (neben *ложив*); *серди́т*, *очи́т*; Infinitive: *води́т*, *говори́т* (neben *смотри́т*); *l*-Partizipien: *води́л* (aber auch häufig *водил*).

Einsilbige Wörter vor einer Pause kennen diese Neutralisierung nicht: in dieser Stellung (z. B. in Wortlisten) treten sie nur entweder mit dem einem oder mit dem anderen Akzentzeichen auf, vgl. *сѣ́н*, *крѹ́в*, *вѹ́л*, *сѹ́м*, *дѹ́ждь*, *кѹ́нь*, *кѹ́ш*, bzw. *бра́т*, *мра́з*, *бѣ́ч*, *ра́ј*, *пти́ц*, *зми́*, *хли́б*, *ма́л*, *вла́х*, *лѣ́х*, *ца́р*⁵. Es ist leicht zu erkennen, dass die Wörter mit *jednakij* zum AP *b* (**sǫmъ*, **somǫ*), während die mit *skorij* zum AP *a* (**rǫjъ*, **rǫja*) gehören. Die Vermutung, dass Križanić auf diese Weise auf die Stellung des Akzents in den obliquen Kasus hindeuten wollte (vgl. *кѹньа* aber *бра́та*), bestätigt sich nicht, da es sich hierbei um eine Erscheinung handelt, bei der sich einsilbige bzw. mehrsilbige Wörter voneinander unterscheiden: mehrsilbige Wörter mit altem Akut (wie *јези́к* ~ *јези́к*) können das *jednakij* tragen (besonders vor einer Pause), einsilbige (wie *бра́т*) jedoch nicht. In diesen einsilbigen Wörtern findet naturgemäß keine Akzentzurückziehung statt, da keine vorletzte Silbe vorhanden ist, auf die der Akzent fallen könnte.

Beispiele für einsilbige Wörter:

aus altem Akut: **xlěbъ*, **brátъ*, **býti*:

vor einer Pause:

На всѣ́ дѣсет мужѣь јест да́л једен хли́б. [GI: 133],

...на негласни́ци тонкѣь : кѣь Бра́т. [GI: 12],

Сѣьце ја процѣньахи годно бѣ́т. [GI: 3],

nicht vor einer Pause:

Кнѣ́йги пѣсца : Хли́б тѹ́гѣь : Удѹ́лје сѹ́лз... [GI: 180],

Ѳв бра́т мѹ́в дра́г. [GI: 11],

...и пѣшет, ка́ко ли́плѣь бѣ́т сѹ́дит... [GI: 3].

So verhalten sich alle einsilbigen Wörter mit altem Akut, während die Wörter mit kurzem Neoakut den vorher erwähnten Akzentwechsel aufweisen:

⁵ Darauf weist W.A. Dybo hin [Дыбо 1968: 221].

aus kurzem Neoakut: *zǝlǝ > [zàl]:

vor einer Pause:

Зòл: Горши, и Гóри. [GI: 64],

nicht vor einer Pause:

...нара́в дóбер и́лти зòл она́ стојѐт во Ѓзкернику. [GI: 181].

Zu beobachten ist weiters, dass Križanić in den wenigen Fällen, in denen einsilbige Wörter einen urslavischen kurzen, durch Verschiebung von einem schwachen Jer entstandenen Akzent im AP *b* tragen, nur das *skorij* schreibt, vgl. *злòст* < *zǝlǝstʹ (vor einer Pause: „*На злòст. Нà срамоту*“ [GI: 125]). Dies zeugt, unserer Meinung nach, davon, dass dieser verschobene Akzent mit dem alten Akut identisch ist, während der Reflex des kurzen Neoakuts eine andere Kontur trägt.

Die Benutzung des *skorij* bzw. des *jednakij*-Zeichens ist sowohl von der Qualität des Vokals, vgl. *брáт, брáта*, aber *сáн, снà* (solche Beispiele sind natürlich nicht sehr zahlreich), als auch vom Akzentparadigma, vgl. *мáл, мáла* (AP *a*), aber *нòв, нòва* und *лòш, лòше*, unabhängig. Diese kurzen Adjektive sind sekundär vom AP *b* zum AP *a* übergegangen, ohne den alten Akzent zu ändern (s. weiter [КАРОВИЋ 2011: 107, 122]).

Unsere Analyse zeigt, dass Križanićs Mundart „teilweise“ Zurückziehungen kannte, die mehrsilbige Wörter vor einer Pause betrafen, während einsilbige Wörter in dieser Stellung alten Akut und verschobenen kurzen Akzent (als *skorij* reflektiert) bzw. kurzen Neoakut (*jednakij*) ganz gut unterschieden⁶.

Wenden wir uns nun den übrigen Akzentzeichen, *visokij* und *dolgij*, zu, die an keinen syntaktischen Wechseln teilnehmen. Wie oben bereits erwähnt, kann dem *dolgij*, unter gewissen syntaktische Bedingungen, ein Endakzent (*skorij*) folgen, was bedeutet, dass das *dolgij* keinen phonologischen Akzent kennzeichnet, sondern lediglich phonetisch als Betonung anklingen kann, wenn die nächste Silbe ihren Akzentgipfel verliert. Das ganze Zeichensystem gestaltet sich demgemäß wie folgt (s. Tabelle 2).

Diese Interpretation stößt jedoch auf eine Schwierigkeit. Im Lichte unserer Überlegungen erscheint Križanićs Beurteilung russischer Aussprache sehr merkwürdig [OV: 56]: „*Татарскиѣ бо и Турскиѣ јазык чясто ужывает Влака Тяжкого или Једнакого на послѣднем склѣдѣ: и тоже обрѣтаетсе и въ рускоѣ бесѣдѣ; какот, Москва, Ока, Глава, Рукѣ: мѣстѣ, Мòсква, Ока, Глава,*

⁶ J. Hamm sagt nichts über den Wechsel der kurzen Akzentzeichen und vermutet, dass das *skorij* einen Akzent kennzeichnete, der „moglo biti ` ili `, koji su se u Gramatici (i, prethodno, u Križanićevu govoru) bili slili u jedno“ [HAMM 1974: 224]. Diese Ansicht vertraten alle jugoslavischen Forscher, obgleich sie, wie unserer Meinung nach klar zu ersehen ist, durch die Vernachlässigung der Akzentuierung einsilbiger Wörter zustande kam. Umso merkwürdiger ist diese Tatsache, da W. A. Dybo diesen Wechsel bereits 1968 beobachtet hat.

Tabelle 2: Die Distribution der Akzentzeichen

Silbe ↓		Silbe bei Križanić ⇔		kurze			lange	
		urslav. Akzent ⇔		alter Akut	kurzer	kurzer Neoakut	Zirkumflex	langer Neoakut
		Stellung ↓						
betonte	nicht letzte			skorij			visokij	
	letzte in mehrsilbigem Wort	nach Kürze	nicht vor Pause	skorij				
			vor Pause	skorij (jednakij) ~ jednakij				
		nach Länge	vor Unbetontheit	skorij (kein Zeichen)				
	vor Betonung vor Pause		kein Zeichen					
einsilbiges Wort			skorij	skorij				
				jednakij				
Unbetonte							dolgij	

*Рѣка*⁷. Es ist nicht klar, warum Križanić der Endakzent in diesen russischen (kurzsilbigen) Ortsnamen nicht gefiel, umso mehr, da er, wie wir gezeigt haben, mit *jednakij* eine „teilweise“ Zurückziehung kennzeichnete. Hierin lassen sich möglicherweise falsche etymologische Annahmen erkennen⁸. Andererseits, können uns die angeführten „unrichtig“ ausgesprochenen, da für Križanić langsilbigen, Gattungswörter *глава*, *рука* bei der Rekonstruktion behilflich sein. Neben der isolierten Betonung *глава*, *рука* behalten diese Wörter den Endakzent im Redestrom, vgl. „*Плѣшым Глава, Горѣ*“ [GI: 135]. Es ist möglich, dass Križanić die russische endbetonte Aussprache (*глава*) gerade in isolierter Stellung zuwider war, da in dem von ihm gesprochenen Dialekt hier ein doppelgipfelter Akzent auftrat, d. h. eine Zurückziehung (*глава*). Daraus lässt sich schließen, dass Križanić den durch *dolgij* gekennzeichneten Ton in isolierter Stellung als einen selbständigen Akzent auf der vorletzten Silbe und nicht als eine Variante von *dolgij* plus *skorij* wahrnahm. Er verstand wahrscheinlich nicht, dass diese Varianten syntaktisch verteilt waren, und der Akzent der isolierten Form muss daher für ihn der Grundakzent gewesen sein. All dies lässt uns vermuten, dass das *dolgij* ohne *skorij* eine eigene ausgeprägte Kontur hatte, die diesen Akzent vom anderen langen Akzent, dem *visokij*, klar unterschied (eine Schreibung wie **глава* war daher sicherlich ausgeschlossen). Križanićs Dialekt hatte also zwei lange Akzente, von denen einer seine alte Stelle behielt und der andere zurückgezogen, also nicht phonologisch, war.

⁷ Doch in *Izkazanje* schreibt er nur *Москва* [GI: 28]. Dort aber ist dieses Wort beweglich: *Москва, Москвѣ, Москву*.

⁸ Dies kann vielleicht durch den Unterschied zwischen der Kontur des russischen und Križanićs eigenem Endakzent erklärt werden (W.A. Dybos mündliche Mitteilung). Dennoch ist es unklar, warum Križanić diesen russischen Akzent *jednakij* (auch *tjažkij*) nannte.

Was den durch *visokij* bezeichneten Akzent betrifft, so ist dessen phonetische Interpretation naturgemäß schwierig, da uns Križanić nichts Konkretes über ihn mitteilt (abgesehen davon, dass er lang ist). Die Grundfrage, die sich die Erforscher des Akzentsystems von Križanić stellten, ist, wie viele Intonationen – eine oder zwei – hinter dem *visokij* steckten⁹. Einige von ihnen neigten zu der Annahme, dass Križanić seinen eigenen steigenden „čakavischen Akut“ bzw. fallenden „Zirkumflex“, absichtlich oder nicht, in den Texten vereinigte¹⁰.

⁹ M. Moguš schreibt: „...da li se >visokij vlak< odnosio na starohrvatski akut (˘) ili na dugosilazni naglasak (˘), teško je decidirano reći. Mislim da je taj naglasak mogao značiti ili ˘ ili ˆ jer i kod jednog i kod drugog treba [sic] «glasnicu vzdvigájet na visokó ... i provlâčit na dólgo», nedoduše jednako, ali dosta slično...“ [Moguš 1974: 242]. Er vermutet, dass dieses Zeichen sowohl in *bôg*, *mûž*, *grâd*, *sîn*, als auch in *krâlj*, *grîh*, *prâvda*, *gospodâr* eine Aussprache „s dugosilaznim naglaskom“ wiedergibt, und dass sich folglich der „čakavische Akut“ im betreffenden Dialekt mit dem langen fallenden Akzent vereinigt hat. Umso merkwürdiger ist es dann, dass Moguš dem *dolġij* zwei (!) phonologische Werte zuschreibt. Er führt hier: „*knêže* (pored *knêže*), *mômče* (pored *mômče*)“, wo das *dolġij* (*knêže*) „izuzetno“ eine fallende Intonation wiedergeben soll (neben dem gewöhnlicheren *knêže*), an. Moguš hat hier jedoch übersehen, dass diese Formen zu zwei verschiedenen Wörtern gehören, vgl.: „*Ko nêтому узору пристóјет ђмена ниједáйна* [...] *Ј која се кончѣт на Е* [im Nominativ!]: *а в ђзернику* [d. h. im Genitiv] *ђмају прђрâсток ТА: кт, Брâвче, брâвчѣта; Дђжле, Гђсе, Дђте, [...] Кнѣже, Козлѣ, Коньчѣ, Кђре, Мђмче, Ослѣ*“ [GI: 32], usw., wo Križanić über Substantive auf *-ġ (zur Bezeichnung von Jungtieren usw.) spricht, während *knêže* der Vokativ von *knêž* ist, vgl.: „*По Рђску, и по Хервâтску, ђменђк мђжет стојат вђ мисто зовника: кт, ђ кнѣз Богдâн бђди милостив: вђ мисто: ђ кнѣже Богдâне*“ [GI: 15]. Was die Form *mômče* betrifft, ist sie unseres Wissens in Križanićs Texte überhaupt nicht vorhanden.

J. Hamm vermutet im Gegensatz zu Moguš, dass das *visokij* (˘) eine Intonation bezeichnete, die „artikulacijski jamačno nije bilo jednako štokavskom ˆ nego više čakavskom (ili staroštokavskom) ˘ ili ˘“, was ihn dazu veranlasst, die Aussprache *prâvda*, *gospodâr* und „u enklizi“ *bôg*, *ženē* zu rekonstruieren. Das *dolġij* (–) bezeichnet für Hamm eine betonungslose Länge, d. h. „u enklizi“: *rûka*, *nârôd*, doch rekonstruiert er hier in isolierter Stellung einen fallenden Ton: *rûka*, *nârôd* [HAMM 1974: 224]. Diese phonetische Interpretation der Kontur ist natürlich arbiträr und wird durch seine folgende Bemerkung, dass „već iz njegove se stilizacije može nazreti da mu je bila misao da ad usum lectoris svoj politonijski sistem zamijeni pozicionim i kvantitativnim i da – ostajući na troakcenatskoj osnovi – sva razlikovanja prenese na bazu kvantiteta i samo *jedne* (silazne, dugosilazne) intonacije“ (gibt es also drei phonetisch lange Intonationen?), noch nebelhafter. Auch S. Težak [TEŽAK 1996] vertritt diese merkwürdige Ansicht.

¹⁰ S. Težak spricht von Zurückziehungen von der letzten Silbe, die in Križanićs Zeit begonnen hätten und schon damals „zbunjivati onoga tko želi odrediti taj sustav [der Silbenakzente]“ könnten, was Križanić, „kome je uho bilo naviknuto na silaznu intonaciju“ (warum?) angeblich dazu zwingen musste, alle Intonationsunterschiede unberücksichtigt zu lassen [TEŽAK 1996: 93]. Diese Überlegung ist, sagt Težak selbst, dass unklar, da Križanić gerade zwei lange phonetische Intonationen beschreibt: *visokij* „*glasnicu podvġaet na visokó: и провлâчит на дълго; кâкот, Бђг, Прâвда, Господâр*“, *dolġij* „*провлâчит на дълго: али неподвġает на visokó; кâкот, Глубђна, Зеленина, Нâрод*“ [OV: 57]. Was aber noch merkwürdiger ist, sagt Težak selbst, dass „stari akut (*sûša*, *mlâtim*) [...] već u Križanićevo vrijeme na dijelu DOR [Dubrovnik–Ozalj–Ribnik] zamijenjen dugosilaznim naglaskom“, also ist der Vorwurf, dass Križanić seine zwei langen Intonationen nicht unterschieden habe, nicht nur unbegründet, sondern auch ganz und gar unlogisch.

Dass Križanić die betonten langen Intonationen sehr gut unterscheiden konnte, folgt aus seinen „serbischen“, d. h. aus irgendwelchen (neo)štokavischen Dialekten stammenden, Beispielen, vgl. „По Сѣрбску, вножѣнниѣ јзкерник во вногих јменех, всѣх прѣтворѣов (:оприч четвѣртого:) творѣтсе на А, зѣ Дѣлгим зѣвлѣком: сѣце, от овѣх Брѣта, овѣх Крѣља, овѣх Кѣња, овѣх рѣба, овѣх овѣца, овѣх кѣза, овѣх лѣта, овѣх лѣца, овѣх врѣмѣна: тих кнѣза, тих господѣра, тих мисѣца. А нѣкогда и на ОВА, или ЕВА : тих волѣва, друѣвова: тих врачѣва, сужнѣва. Али сѣцево изрикѣнје јест скѣзно, и негодно наслидовѣанју“ [GI: 24]. Diese zweifellos betonten Silben (*рѣба*, *кѣза*) mussten eine besondere Intonation aufweisen, wofür Križanić gerade das *dolgij* Zeichen gewählt hat. Unterschied er die langen betonten Intonationen nicht, so hätte er ganz gewiss das andere Zeichen, das *visokij*, benutzt. Diese „serbische“ Intonation muss natürlich seinem eigenen *dolgij* nicht identisch gewesen sein, das, wie oben bereits erwähnt, nur die erste Hälfte des zweigipfeligen Akzents trug. Ebenso ist es bemerkenswert, dass die Akzente von *кѣња*, *врѣмѣна* bzw. *рѣба* mit demselben Zeichen bezeichnet werden, vgl. hierzu das heutige schriftsprachliche Skr. *kónjā*, *vreménā* mit neuer steigenden Intonation, aber *rĭbā* mit dem Reflex des Neozirkumflex. Dies könnte bedeuten, dass sich in diesem neoštokavischen Dialekt die Intonationen von *ribā* bzw. *konjā* nicht voneinander unterscheiden.

Ein anderes Argument gegen die Nichtunterscheidung der langen betonten Intonationen bei Križanić ist, dass, wie bereits gezeigt wurde, Križanić die kurzen Intonationen unterschied, was Hamm und Mogoš nicht bemerkten. Phonologisch gesehen hätte Križanićs Dialekt, nach unserer Interpretation, also zwei kurze und eine lange Intonation.

Ein besonderes Problem stellt weiters Križanićs Gebrauch von zwei *dolgij* Zeichen nacheinander dar. Er selbst teilt uns mit, dass dies lediglich auf den letzten zwei Silben eines Wortes möglich ist. Dies kommt nur in vier oder fünf morphologischen Stellungen vor, in denen, wenn die vorletzte Silbe kurz ist oder wenn es sich dabei um einsilbige Wörter handelt, immer das *visokij* verwendet wird (s. Tabelle 3). Dies sind die einzigen Stellungen, in denen zwei lange Silben überhaupt möglich sind. In allen anderen Positionen ist diese Situation durch das Gesetz von Križanić geregelt [ОСЛОИ 2011]. Das *visokij* Zeichen ist offenbar nach einer Länge unzulässig, woraus sich eine tonale Veränderung ergibt, die wieder als eine Umverteilung der Akzentgipfels verstanden werden kann.

Križanićs prosodisches System kann also wie folgt repräsentiert werden (s. Tabelle 4; phonologisch bedeutungstragende Akzente sind durch Fettdruck hervorgehoben).

Tabelle 3: Zwei Längen nacheinander

Form	Wortart	Länge	Kürze/Einsilbigkeit
gen. sg. f. ¹¹	Sub. auf -a-	<i>ру̑кѣ</i>	<i>женѣ</i>
	Adj.	<i>дра̑гѣ</i>	<i>добрѣ</i>
gen. pl. f.	Sub. auf -a-	<i>пр̑ич̑йн¹²</i>	<i>черт̑йн в̑йн</i>
instr. sg. f. ¹¹	Sub. auf -a-	<i>гла̑вѣм ру̑кѹ</i>	<i>земльѣм земльѹ</i>
	Pron. (Adj.?)	?	<i>сво̑јѹ всѹ</i>
instr. sg. m.	Adj.	<i>чѣрн̑им</i>	<i>добр̑им зл̑им</i>

Tabelle 4: Die phonetischen und phonologischen Akzente

Zeichen	phonetische Kontur vor einer Pause		phonologischer Wert	unser Kennzeichen
<i>skorij</i>	kurzsteigend (?)		kurzsteigend (?)	ó
<i>jednakij</i>	mehrsilbige Wörter	die zweite Hälfte des zweigipfeligen Akzents		
	einsilbige Wörter	kurzfallend (?)		
	Klitika	unbetonte Kürze	–	σ
<i>visokij</i>	langfallend (oder eben?)		betonte Länge	õ
<i>dolgij</i>	vor einem <i>skorij</i>	unbetonte Länge	unbetonte Länge	ō
	vor einem <i>jednakij</i> oder keinem Zeichen	langsteigend – die erste Hälfte des zweigipfeligen Akzents		

¹¹ Diese Beispiele werden nur als Illustration „kroatischer“ Formen angeführt und kommen nie in der Autorensprache vor.

¹² Es gibt nur zwei solche Fälle (und zwar nur mit der Form *пр̑ич̑йн*), die beide in *Objasnjenje* vorkommen, während in *Izkazanje* nur die Schreibung *пр̑ич̑йн* vorhanden ist. Die Länge des Präfixes ist auch instabil, vgl. *пр̑ич̑іна* (*Objasnjenje*) bzw. *пр̑ич̑іна* (*Izkazanje*). Davon schließen wir, dass dieses Wort für Križanić wahrscheinlich nicht gebräuchlich war und dass dessen Schreibung das Ergebnis einer bewussten Entscheidung war.

Es gab demzufolge vier phonetische Intonationen (zwei kurze und zwei lange, die Križanićs Diakritika entsprechen), die drei phonologische Akzente realisierten, deren Alternationen sich auf einfache Regeln zurückführen lassen (s. Tabelle 5; zwei Akzentzeichen stellen zweigipfelige Akzente dar).

Tabelle 5: Wechselregeln im Redestrom

Wort	vor einer Pause		nicht vor einer Pause ¹³	
ó →	ó	<i>brát</i>	ó	<i>brát</i>
ò →	ò	<i>zól</i>		<i>zól</i>
śó →	śó	<i>bośát</i>	śó	<i>bośát</i>
śò →	śò	<i>človík</i>		<i>človík</i>
šó →	šó	<i>živót</i>	šó	<i>živót</i>
šò →	šò	<i>nīsal</i>		<i>nāpīśál</i>
šš →	šš	<i>glāvōm</i>	šš	<i>rūkū</i>

Allem Anschein nach befand sich die in Križanićs Texten wiedergegebene Mundart im Anfangsstadium einer Zurückziehung des Endakzents in Akzentwörtern. Man kann vermuten, dass zuallererst die Zurückziehung auf die langen vorletzten Silben vor einer Pause stattfand (→ *nīsal*), da in dieser Position fast keine Abweichungen bestehen. Im Redestrom haben kurze Endakzente ihre Stelle beibehalten, wurden aber völlig neutralisiert (*brát* wie *zól*, *človík* wie *živót*). Lange Endakzente ändern sich nach kurzer Silbe (*ženê*) nicht, und nach langen Silben findet eine teilweise Umverteilung des Akzentgipfels statt (*rūkū*).

Wir kommen also zu einem interessanten Ergebnis: die Akzentneutralisierungen finden sowohl vor einer Pause, als auch im Redestrom statt. Die Resultate sind hierbei jedoch in einigen Fällen verschieden, d. h. sie verändern auf verschiedene Weise das, was wir als „phonologischen Akzent“ bezeichnet haben, der ein früheres Stadium (vor Zurückziehungen und Neutralisierungen kurzer Endakzente im Redestrom) widerspiegelt. Eine solche Lage scheint instabil gewesen zu sein und führte daher später zu einer Vereinfachung des Akzentsystems.

Die heutigen čakavisch-kajkavischen Mundarten auf dem Gebiet des von Križanić gesprochenen Dialekts folgen in vieler Hinsicht dem in seinen Texten wiedergegebenen Zustand. S. Težak [TEŽAK 1996: 92] kommt zum Schluss, dass Križanićs Mundart den heutigen Mundarten von Ozalj („osobito govorima Husja i Kobilica“) am ähnlichsten ist. Dort existieren drei Akzente

¹³ Für Wörter mit langer vorletzter Silbe: auch (häufig) vor unbetonter Silbe.

(langsteigender, kurzfallender und langfallender). Der langfallende Akzent ist nach einer Zurückziehung des kurzen Endakzents entstanden, vgl. *ótac*, *vóda* (mit Verlängerung), *glubína*, wobei jedoch in Kobilić keine Zurückziehung stattfand, vgl. *otáč*, *ocá*. Die übrigen Akzente behalten deren alte Stelle, vgl. *kolěno*, *kopāli*, *vodê*, *kopām*. In einigen Mundarten (Kamanje) ist auch vortonige Länge sporadisch zu hören, vgl. *zāstōra*, *pokāzāla*. Die Zurückziehungen in ozaljischen Mundarten finden normalerweise nur dann statt, wenn dem Wort keine Klitika folgen, vgl. *kúpil*, aber *kupil bi*; *bérem*, aber *berëm ju*; *kósmat*, aber *kosmät je*, was Križanićs Alternationen sehr ähnelt (wenn man die Längung außer Acht lässt).

Das wichtigste Ergebnis unserer Untersuchung ist das Vorhandensein zweier verschiedener kurzer Akzente bei Križanić, eine Vermutung, die auf W.A. Dybo zurückgeht. Die komplizierte phonetische Situation, die durch die Zurückziehungen und teilweise Neutralisierung der nichtzurückgezogenen Akzente entstanden ist, hat frühere Forscher an einer richtigen Interpretation des vorliegenden Materials gehindert. Unsere Schlüsse stehen im Widerspruch zur in der Serbokroistik vorherrschenden Meinung, dass sich die alten kurzen Akzente in allen Dialekten mit „alter Akzentuierung“ vereinigt haben, die offenbar revidiert werden muss. Der rekonstruierte urslavische kurze Neoakut spiegelt sich also unmittelbar in Križanićs Texten wider.

Bibliographie

ДЫБО 1968

ДЫБО В. А., „Акцентология и словообразование в славянском“, в: *Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации*, Москва, 1968, 148–224.

ОСЛОН 2011

Ослон М. В., „Закон Крижанича: доводы против теории «правостороннего дрейфа»“, в: E. STADNIK-HOLZER (Hrsg.), *Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic accentology*, IV (Scheibbs, 2.–4. Juli 2008), *Scheibbser Internationale Sprachhistorische Tage*, I, Frankfurt am Main, 2011, 99–131.

ПЕЦО 1982

ПЕЦО А., „Јурај Крижанић као акцентолог“, *Јужнословенски филолог*, XXXVIII, 1982, 63–78.

ВЕЛИЋ 1914

ВЕЛИЋ А., *Akcenatske studije*, I, Beograd, 1914.

НАММ 1974

НАММ Ј., „Prosodijski sistem Križanićeva govora“, u: *Život i djelo Jurja Križanića*, Zagreb, 1974, 212–238.

КАРОВИЋ 2011

КАРОВИЋ М., “Historical Development of Adjective Accentuation in Croatian (suffixless, *-ьпъ and *-ъкъ adjectives)”, u: RINKVIČIUS V. (Hrsg.), *Baltistica VII priedas 2011. Proceedings of the 6th International Workshop on Balto-Slavic Accentology / Akten der 6. internationalen Arbeitstagung zur balto-slavischen Akzentologie / Доклады VI Международного семинара по балто-славянской акцентологии / VI Tarptautinio baltų ir slavų kalbų akcentologijos seminaro straipsnių rinkinys*, Vilnius, 2011, 103–128, 339–448.

МОГУŠ 1974

МОГУŠ М., “Križanićevi naglasci”, u: *Život i djelo Jurja Križanića*, Zagreb, 1974, 239–246.

OSLON 2011

OSLON M., “Über den Silbenakzent in Juraj Križanićs Dialekt”, in: SUKAČ R. (ed.), *From present to past and back. Papers on Baltic and Slavic accentology*, Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2011, 111–124 (diese Publikazion ist wegen der vielen Druckfehler unbenutzbar).

РЕСО 1971

РЕСО А., *Osnovi akcentologije srpskohrvatskog jezika*, Beograd, 1971.

ТЕЖАК 1996

ТЕЖАК S., “Naglasci Jurja Križanića i današni naglasni odnosi na području Ribnika, Ozlja i Dubovca”, *Filologija*, 26, Zagreb, 1996, 85–94.

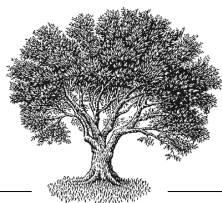
GI (“Исказание”)

Бодянский О. (изд.), *Грамматично изказанје об руском језику попа Јурка Крижаница*, Москва, 1859.

OV (“Объяснение”)

KRIŽANIĆ J. *Objasneње vividno*, priredio i uvodnu raspravu napisao J. НАММ, Zagreb, 1983.

Михаил Владимирович Ослон
 Институт славяноведения РАН
 119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А
 Russia / Россия
 neoakut@gmail.com

Word Order in Adjective- Noun Pairs Inside and Outside the Prepositional Phrase

A contribution to the
15th International
Congress of Slavists
(Minsk, 2013)

Philip R. Minlos

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences, Moscow

Порядок слов в сочетаниях существительного с прилагательным в предложных и беспредложных группах

Доклад к XV
Международному съезду
славистов (Минск, 2013 г.)

**Филипп Робертович
Минлос**

Институт славяноведения РАН,
Москва

Abstract

This paper discusses a statistical correlation between possessive pronominal placement and the presence of a preposition. The data from mediaeval Russian, Czech, and Croatian are validated against standard statistical measures (chi-square (X^2) test and phi (ϕ) coefficient). Different explanations for the correlation are proposed; the most natural and simple one links the syntactic feature with the phonetic chunking of preposition and adjacent possessive, strengthened by their frequent co-occurrence.

Keywords

syntax, statistical analysis, noun phrase, word order

Резюме

В статье обсуждается статистическая корреляция между препозицией притяжательных местоимений и наличием предлога. Данные средневековых русских, чешских и хорватских памятников оцениваются по стандартным статистическим процедурам (критерий χ^2 и ϕ -коэффициент). В статье предложено несколько различных объяснений для этой корреляции; самое естественное и простое объяснение связывает эту синтаксическую особенность с фонетической: предлог со смежным притяжательным местоимением образуют единое фонетическое слово, причем это единство усиливается частым повторением этой пары в текстах.

Ключевые слова

синтаксис, статистический анализ, именная группа, порядок слов

0. Introductory notes. The present contribution discusses a syntactic feature found in mediaeval Slavic languages: the presence of a preposition mostly triggers (or, to put it another way, statistically correlates with) the prenominal placement of a single adjective attribute (as in Old Russian *въ svoem gorode* 'in (his) own town' in the Smolensk treaty of 1229), whereas if no preposition is present, the adjective is free to be postposed (e.g., *domъ svoi* in the same treaty). Old Russian data laid out here have already been presented in a series of articles, most notably [MINLOS 2008, MINLOS 2011, MINLOS 2012]; here, some Old Russian data are repeated, coupled with standard statistical analysis (chi-square test and phi coefficient). The new data from mediaeval Czech and Croatian texts introduced in the present article provide evidence that the same correlation is in effect in other Slavic languages. Furthermore, after broadening the empirical base it becomes more evident that it is the correlation that should be accounted for, not the specific manifestations of the correlation (e.g., "in prepositional phrases, adjectives follow the noun very rarely"). The discussion section will offer a clearer understanding of the problem as a whole. A variety of interpretations are offered for this correlation. My preferred explanation states that the preposition and the following adjective/possessive, although unrelated structurally, merge into a unit, as if some force of gravity binds them together. What is the reason for this? First, they clearly form a phonetic unit, and second, the phonetic chunking is most likely strengthened by frequent co-occurrence¹.

1. Statistical analysis of Old Russian data. The correlation between adjective placement and prepositional phrase was observed by Dean Worth in [WORTH 1985], where the analyzed data set consisted of phrases with the adjective *novъgorodъskyi* 'Novgorodian' in a selection of Novgorodian parchment docu-

¹ I am much obliged to those who read the versions of the paper and commented on it: Peter Arkadjev, Claudia Jensen, Viktor Zhivov, and especially the anonymous reviewer.

ments. His findings may be summarized as follows: Suppose we have picked up a set of noun-adjective pairs (clear results are obtained from “simple” noun phrases containing no elements other than these two). Presumably, the sample is defined on some independent and solid grounds, that is, it consists of some structurally similar pairs² from a single text or from a group of similar texts. There are two independent two-value parameters which may be applied to the pairs: 1) the relative ordering of noun and adjective: [adjective noun] and [noun adjective] (here abbreviated as AN ~ NA), and 2) whether the noun phrase is governed (or accompanied, depending on the model) by a preposition (hereafter –prep ~ +prep). Thus, the frequency distribution of two variables forms a 2×2 contingency table such as Table 1:

Table 1. Contingency table for two variables
(+/-prep and AN~NA order variation)

	N_{AN}	N_{NA}
N_{-prep}	$N_{AN, -prep}$	$N_{NA, -prep}$
N_{+prep}	$N_{AN, +prep}$	$N_{NA, +prep}$

The four types may be illustrated by four examples with the collocation *novgorod'skaja volost'* ‘Novgorodian region’ in Worth’s material:

AN, –prep Acc. Sg. *novgorod'skaja volost'* (N° 8);

NA, –prep Acc. Pl. *volosti novgorod'ski* (N° 18);

AN, +prep Loc. Sg. *po novgorod'skoi volosti* (N° 63);

NA, +prep Loc. Pl. *po volostem po novgorodskim* (N° 23).

(A careful reader might notice the differences in the examples: postnominal placement with plural nouns, prenominal placement with singular nouns; this is not a mere chance, as discussed in [MINLOS 2011: 55].)

The main result presented in [WORTH 1985] was that the number $N_{NA, +prep}$ is the smallest one. The exact statements made in that article were more complicated, as the author introduced an additional parameter, that is, animacy. This additional parameter is rather controversial; the relevant discussion can be found in [MINLOS 2010B] and [MINLOS 2011].

As I carried on the work Worth had begun, I focused primarily on a single group of frequent phrases, that is, nouns with agreeing possessives and with no extra modifiers (“simple NPs”), such as *moi smolnjane* ‘my Smolensk people’ [MINLOS 2011, MINLOS 2012]. The data were mostly taken from Old Russian texts (birchbark letters, chronicles, legal texts, testaments, treaties, and hagiographic texts).

² That is, pairs including only a specific group of adjectives or even also specific pairs (e. g., [MINLOS 2012] deals at length with *kn'az' velikij* ‘grand duke’).

The present article repeats some tables from [MINLOS 2012], providing a basic statistical analysis for them. Table 2 summarizes the data from the Smolensk agreements³. Table 3 summarizes the data from the Old Russian legal code *Pravda ruskaja* according to the Troitsky manuscript (15th century).

Table 2. Placement of agreeing possessive in Smolensk agreements (13–14th centuries)

	AN	NA	Totals
–prep	12	7	19
+prep	17	1	18
Totals	29	8	37

Table 3. Placement of agreeing possessives in *Pravda ruskaja* with totals

	AN	NA	Totals
–prep	16	5	21
+prep	5	0	5
Totals	21	5	26

The most visible feature of Tables 2 and 3 is the almost complete absence of examples with postposed possessives in prepositional phrases (the relevant cells are shaded gray). Though the numbers, informally speaking, do not seem to be convincing (see below for a more formal perspective), this tiny data set clearly illustrates an interesting distribution pattern. What is evident from this table is that the overall number of prepositional phrases is smaller than that of phrases without prepositions ($N_{-prep} > N_{+prep}$, and that is typical at least for Slavic) and that noun phrases with preposed possessive outnumber those with postposed possessive ($N_{AN} > N_{NA}$, and that is typical for Slavic secular legal texts). So, intuitively, we do not expect the $N_{NA, +prep}$ to be a big number.

As some Slavists may not have sufficient background in statistics, the following section is devoted to recapitulating the basic statistical notions of **null hypothesis**, **expected values**, **chi-square (X^2) test**, and **phi (φ) coefficient**.

³ Agreements of Smolensk princes with their Western counterparts are analyzed on the basis of the [SUMNIKOVA, LOPATIN 1963] publication, and include: 1) the agreement of an unknown Smolensk prince with Riga and Gotland (1220s) (pp. 11–13); and 2) the agreement of Smolensk with Riga and Gotland (with six texts grouped in two versions and dated between the 13th and the 14th centuries) (pp. 18–52). The Smolensk-German agreements are a collection of nearly identical documents; the numbers presented in the paper refer to the union (set-theoretical sum) of the texts. This means that each fragment that recurs in identical texts is counted only once.

The essence of our study lies in the idea that one categorical variable (adjective placement) is determined by another categorical variable (presence / absence of preposition). The only way of testing this hypothesis (technically, an **alternative hypothesis**) is through constructing and testing the **null hypothesis**. In our case, the null hypothesis predicts that the variables (adjective placement and presence of preposition) are independent.

The data from Table 2 will serve as a model example. The respective sample numbers 37 outcomes. We measure the probability of the specific values (for example, NA word order) with the formula:

$$\text{probability of the event} = \frac{\text{number of outcomes giving this event}}{\text{total number of outcomes}} \quad (1)$$

Thus, the probability of AN word order is estimated by dividing the total of the respective column by the overall total:

$$p(\text{AN}) = 29/37 \approx 0.78 \quad (2)$$

Each cell of the table relates to a joint event (for example, NA word order +prep). Assuming null hypothesis (= that presence of the preposition has no effect), joint probability is obtained simply by multiplying two respective probabilities:

$$p(\text{NA, +prep}) = (8/37)(18/37) \quad (3)$$

The expected value of the event is its probability multiplied by the total number of outcomes:

$$p(\text{NA, +prep}) = (8/37)(18/37)37 = 3.89 \quad (4)$$

So, the actual value 1 is somewhat less than the value expected according to the null hypothesis, which indicates that a deviation from the null hypothesis does exist. Table 4 presents the expected values.

Table 4. The expected values for Table 2

	N_{AN}	N_{NA}
$N_{+\text{prep}}$	14.89	4.11
$N_{-\text{prep}}$	14.11	3.89

The **amount of deviation**, or error, is obtained by subtracting the expected values (E) from the observed ones (O). This amount of deviation for the cells in our table takes two values: 2.89 and -2.89. The next step is to square the difference, which results (with approximation) in $(O-E)^2 = 8.35$. Then, for each cell the squared difference is divided by the expected cell frequency, which results in Table 5.

Table 5. $(O-E)^2/E$ values, based on Tables 2 and 4

	N_{AN}	N_{NA}
$N_{+\text{prep}}$	0.56	2.03
$N_{-\text{prep}}$	0.59	2.15

The sum of the four cells is $0.5 + 0.59 + 2.03 + 2.15 = 5.33$, which is the **chi-square value**.

First, the chi-square value is used in **Pearson's test** to calculate the **p-value**, which is the probability of obtaining the observed results assuming that the null hypothesis is true. The p-value is calculated from the chi-square and **the degrees of freedom**⁴ (in our case, 1); usually special software such as R or look-up tables are used to determine the value. In our case, the p-value is 0.0104 (when "one-tailed" calculation is used, which means that we conjecture the direction of the correlation before the test). The null hypothesis is rejected if the p-value is less than the **significance level** 0.05 or 0.01 (the significance level 0.05 means that we are willing to take a 5% chance of making a mistake by rejecting the null hypothesis). As the p-value is indeed less than the significance level 0.05 (but not 0.01), the association between the variables in Table 2 (the Smolensk agreements) is considered to be statistically significant (but not extremely significant).

Second, the chi-square value is used to calculate the phi coefficient φ , which is used to compare the measure of association of two binary variables. By definition,

$$\varphi^2 = X^2 / N \quad (5)$$

From this, we obtain $\varphi = 0.38$ for Table 2 (the Smolensk agreements). As a rule of thumb, a phi coefficient of more than 0.30 is usually interpreted as indicating significant evidence; a coefficient of less than 0.30 is usually interpreted as evidence that the association is too weak. It confirms that the data from the Smolensk agreements are significant.

Now we are in a position to revisit the Old Russian data from [MINLOS 2010A] and [MINLOS 2012] (the exact description of the samples can be found in the cited articles) and estimate their statistical reliability.

Table 6. Statistical estimates for the placement of agreeing possessives
in Old Russian sources

	chi square value	p value	Total number of examples	phi coefficient
Smolensk agreements	5.33	0.01	37	0.38
<i>Pravda ruskaja</i>	1.47	0.11	26	0.24
birchbark letters	13.68	0.001	121	0.34
Life of St. Andrey the Fool	6.94	0.004	100	0.26
First Novgorod Chronicle	13.07	0.002	161	0.28
Kiev Chronicle (a sample)	3.9	0.02	211	0.14
Pskov Court Charter	2.49	0.06	61	0.20
Novgorod parchment documents	23.75	< 0.0001	267	0.30

⁴ For our current purposes, the very informal definition from [GRIES 2009: 47] suffices: "Degrees of freedom are the way in which sample sizes and the amount of information you squeeze out of a sample are integrated into the significance test." The more parameters we take into account, the higher the degrees of freedom.

Pearson's chi-square test depends heavily on the size of the data set; for that reason the First Novgorod Chronicle and the Life of St. Andrey the Fool show rather good p values, whereas the phi coefficient is below the 0.3 threshold. The Kiev Chronicle, *Pravda ruskaja*, and Pskov Court Charter show rather poor results for both measures. Thus, two Old Russian texts providing clear evidence that the possessive placement depends on the presence of the preposition are the corpus of birchbark letters and the Smolensk agreements. The Novgorod parchment documents are also an important source.

2. Data from outside Old Russian. From the descriptive perspective, additional data are always welcomed; it is important that the correlation can now be extrapolated from Old Russian to Slavic languages in general. But what is more, the data from Czech and Croatian texts presented here are crucial for the choice of interpretation. In Old Russian texts, the correlation mostly surfaces as a small number of NA phrases after a preposition. In Tables 7, 9, and 10, the correlation is most visible in the small numbers of AN phrases without preposition.

Here we present the data from some mediaeval Czech and Croatian texts in tabular form. The *Chronicle of the Priest of Duklja* (we used the edition provided in [KUKULEVIĆ 1851]) dates from the 16th century, but the original text may well be much older. The notarial records signed by the notary public Mikula Krstinić were written in glagolitic script on the island of Lošinj at the end of the 16th century and published in [KOŠUTA 1988] (texts 1–170). The chronicle of the clerk Bartoš [ERBEN 1851] describes events that took place in Prague at the beginning of the 16th century (and of which the author was a witness), and was presumably composed in the first half of the century. The present paper uses the data from chapters 1–20 of Book 1. The huge historical work *Historie církevní* (Church History) is actually by no means restricted to ecclesiastical events. It was written by Pavel Skála ze Zhoře in the first half of the 17th century. The examined sample is published in [JANÁČEK 1984: 25–48]. The archive of Olřich (Ulrich) from Rosenberg (Rosenberg is now a district of the city of Brno) dates from the first half of the 15th century. The archive consists of the correspondence of Olřich with various members of the nobility, including Elizabeth (Alžbeta) of Luxemburg, queen of Hungary and Bohemia. The examined sample is limited to the text numbers 1–42 (from the period 1420–1445) from the edition [PALACKÝ 1844]. Two frequently recurring phrases were removed from the data as they are used invariably: *služba naše* and TM (standing for *Tvá Milost*).

Table 7. Agreeing possessive placement
in the *Chronicle of the Priest of Duklja* (Croatia)

	AN	NA
– prep	3	52
+ prep	16	31

Table 8. Agreeing possessive placement
in the records of Mikula Krstinić (Croatia)

	AN	NA
– prep	63	53
+ prep	69	27

Table 9. Agreeing possessive placement in a sample
from the chronicle of the clerk Bartoš (Bohemia)

	AN	NA
– prep	12	71
+ prep	42	31

Table 10. Agreeing possessive pronouns in a sample from *Historie církevní*
by Pavel Skála ze Zhoře (17th century)

	AN	NA
– prep	2	39
+ prep	15	24

Table 11. Agreeing possessive pronouns in a sample from the archive
of Olřich (Ulrich) from Rosenberg (Bohemia)

	AN	NA
– prep	36	52
+ prep	40	7

The quantitative distribution in the historical works (Tables 7, 9, and 10) differs from that in the legal documents and official communications: in the chronicles, the fraction N_{AN}/N is rather small. As already noted above, the data with a small fraction of N_{AN}/N is crucial for the general discussion.

The statistical evaluation of the data is presented in Table 12.

Table 12. Statistical estimates for the placement of agreeing possessives in mediaeval Croatian and Czech texts

	chi square value	p value	Total number of examples	phi coefficient
The Chronicle of the Priest of Duklja	13.66	0.0001	102	0.37
The records of Mikula Krstinić	6.9	0.004	212	0.18
The chronicle of the clerk Bartoš	31.84	<0.001	156	0.45
<i>Church History</i>	13.47	0.0001	80	0.41
The archive of Olřich	24.32	<0.001	135	0.42

The most significant correlation between two variables is observed in Table 9 (in the chronicle of the clerk Bartoš).

3. Discussion. Two different ways of interpreting the distribution are considered:

(a) in the prepositional phrase, the adjective is preferably placed before the noun;

(b) in the noun phrases void of preposition, the noun is preferably placed before the adjective.

Theoretically, proposals (a) and (b) do not contradict each other; both forces may be in effect. The discussion of the choice of interpretation follows the presentation of these proposals.

Proposal (a) comes in three different varieties, a1–a3:

(a1) From a structural point of view, at least some postnominal placements are induced by sentence-level rules. The clearest case of such a rule is the NA order in sentence-initial thematic position (some considerations regarding this placement can be found in [BONNOT 2008], [BONNOT 2009], [MINLOS 2012]). Noun phrases without preposition are free to be conditioned by some other rules, as they are not dominated by a prepositional phrase. Prepositional phrases may be simply inaccessible for such rules. The absence of a preposition, according to this version, does not force postnominal placement, but allows it to take place (for example, due to some information structure rules). To

summarize, the preposition blocks the external rules and retains the AN order (which is viewed as the basic order, in this case).

(a2) Perhaps the preposition forms a unit of some kind with the neighboring adjective, irrespective of the fact that they do not form a conventional syntactic constituent. Indeed, the preposition does form a phonological unit with the leftmost wordform of the noun phrase; in the case of the AN phrase, it is the adjective that occupies this position. The rest of the phrase may be separated from the preposition-adjective pair by a phrasal clitic or by some other external material, but the preposition cannot be left alone. The relevant examples are (1) and (2) below.

(1) Ukrainian *U **jake** vin pojide **misto**?* [FÉRY, PASLAWSKA, FANSELOW 2007: 5]
in which he will.go town
'To which town will he go?'

(2) Serbian *U **koji** je stigao **grad**?* [PENN 1999: 158]
in which _{CL-3_{SG}} arrived city
'In which city has he arrived?'

An additional hypothetical reason is more subtle: as many noun modifiers (first of all possessives, demonstratives, and indefinites) are much more frequent than common nouns, the specific preposition-modifier pairs (such as Old Russian [*na, svoi*]) are also more frequent than the specific preposition-noun pairs (such as [*na, podvorje*]). While mainstream linguistics is more concerned with structural dependencies, much research has been done in the frequently co-occurring wordforms which do not correspond to any structural constituent (called *chunks* in works by J. Bybee [BYBEE 2010]), and *n-grams* in natural language processing [JURAFSKY, MARTIN 2008]). Such sequences seem to matter a lot for speech production and parsing. At the extreme, such frequent pairs clearly merge into a new unit, such as the Italian preposition-article units *del, al*, etc.

(a3) The explanation proposed by D. Worth should be classified as a separate point of view. To quote: “inanimates⁵ are forced into the order pAN by the obligatory syntactic coherence of the prepositional phrase, the opening of which is signaled by prepositional phrase and the closure of which is signaled by the governed noun (note the tendency to mark the continuation of the phrase by prepositional repetition in the rare cases where inanimates occur in the order pNA” [WORTH 1985: 543]. His interpretation (“preposition-adjective-noun” as a settled sequence of words) lies somewhere in between our (a1) and (a2).

The alternative idea (b) states that in the noun phrases without preposition, the noun is preferably placed phrase-initially, that is, before the adjective. Essentially, this idea links the Slavic NP-syntax with the well-known facts from German grammar: in dependent clauses governed by a complementizer

⁵ The reasons Worth limited the interpretation to inanimates does not concern us here; see [MINLOS 2011] for details.

or a subordinating conjunction, the finite verb form is placed at the end (*Maria glaubt, dass Hans den Mann sah*), otherwise, both in main and in dependent clauses, the finite verb form occupies the second position in the clause (*Hans sah den Mann; Marie glaubt, Hans sah den Mann*). These facts received some attention from specialists in transformational syntax (the second position was claimed to instantiate “head movement”). Another approach is a constraint requiring that a prepositional / noun phrase begin with a head — either with a preposition or a noun, accordingly. I proceed from the assumptions stated in the research of J. Hawkins, for example in [HAWKINS 1994] and [HAWKINS 2004]: as the human processor parses the linear sequence of forms and properties, it works more efficiently as more properties are assigned earlier; the linguistic structures are evolving to meet the processing requirements. In our case, the heads are sufficient to detect the corresponding phrase (the preposition *constructs* the prepositional phrase, the noun *constructs* the noun phrase). Adjectives, however, may occur outside NP boundaries (first of all, in predicative constructions), and are therefore not sufficient to detect the NP.

Which of the proposed interpretations should we prefer? Proposal (b) does not fit very well with the data in which AN groups, even without preposition, are the predominant pattern (such as the data from *Pravda ruskaja*, Table 3). Conversely, the proposals of the (a) group do not clearly explain the picture in the language varieties where NA groups, even with preposition, abound (such as the sample from the chronicle of the clerk Bartoš, table 9). In the most general terms, (a) and (b) are mirror images of each other and the difficulties accompanying the approaches are the same.

But upon closer scrutiny a difference does appear. Proposal (a1) says that NA order results from sentence-level rules, but when nested within the prepositional phrase, the AN phrase is inaccessible to these external rules. This proposal does presuppose that the AN order is the unmarked / basic one, which is problematic for many language varieties (for example, Tables 7, 9, and 10), if we judge from a quantitative point of view. But proposal (a2)—a preposition forms a unit with an adjective — does not rely on any vague presuppositions, as they clearly do form a phonetic unit.

Thus, the general conclusion is that the “chunk” hypothesis gets the best score.

4. Concluding remarks.

In this paper, we tacitly assumed that it is word order that can depend on the preposition, not the other way round. That is, in designing her utterance, the speaker chooses the construction first and then chooses the word order in the NPs in question that best fits the construction. But perhaps the speaker's choice can also proceed the other way round. Why can a (preferable) position

of the attribute affect the choice of the construction (that is, the presence or absence of the preposition)? Such dependence (word order → construction) obviously contradicts both the linear realization of speech (left to right) and the established linguistic levels. But such dependence fits well with the view that speech to some extent consists of surface sequences (chunks or n-grams, as discussed above).

The technical focus here on a single formal parameter determining word order in mediaeval Slavic noun phrases does not presuppose that this is the mainstream line of further research. On the contrary, I am confident that word order is determined by a host of factors, among which are clause-level constructions, semantics of the noun-adjective pair, and last but not least, grammatical number of the noun (some considerations on these parameters can be found in [MINLOS 2011] and [MINLOS 2012]). We cannot even completely rule out the possibility that the impact of the preposition on word order is only an epiphenomenon. But the goal of this technical report is to point to the texts which exhibit the correlation relatively clearly (luckily, there are huge texts of this kind, such as the chronicle of the clerk Bartoš) and thus can shed more light on the nature of the parameter.

References

BONNOT 2008

BONNOT CHR., “Otoždestvlenie čerez proekciju: o postpozicii bezudarnyx opredelenij v atributivnyx sintagmax”, in: A. V. ARKHIPOV, L. M. ZAKHAROV et al. (eds.) *Fonetika i nefonetika: k 70-letiju Sandro V. Kodzasova*, Moskva, 2008, 457–468.

BONNOT 2009

BONNOT CHR., “Du syntagme au texte à propos d’une variation de l’ordre des mots dans le syntagme nominal en russe moderne”, *Revue des études slaves*, LXXX/1–2, 2009, 161–173.

BYBEE 2010

BYBEE J., *Language, Usage and Cognition*, Cambridge, 2010.

DRYER 1992

DRYER M. S., “The Greenbergian word order correlations”, *Language*, 68/1, 1992, 80–138.

ERBEN 1851

ERBEN K. J. (publ.), *Bartošova Kronika pražská, od léta páně 1524 až do kónce leta 1530*, Praha, 1851.

FÉRY, PASLAWSKA, FANSELOW 2007

FÉRY C., PASLAWSKA A., FANSELOW G., “Nominal Split Constructions in Ukrainian”, *Journal of Slavic Linguistics*, 15/1, 2007, 3–48.

GREENBERG 1963

GREENBERG J. H., “Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements”, in: J. H. GREENBERG (ed.), *Universals of Language*, London, 1963, 110–113.

GRIES 2009

GRIES S. TH., *Statistics for Linguistics with R. A practical introduction*, Berlin, 2009.

HAWKINS 1994

HAWKINS J., *A Performance Theory of Order and Constituency*, Cambridge, 1994.

HAWKINS 2004

HAWKINS J., *Efficiency and Complexity in Grammars*, Oxford, 2004.

JANÁČEK 1984

JANÁČEK J. (publ.), *Pavel Skála ze Zhoře, Historie česká od defenestrace k Bíle Hoře*, Praha, 1984.

JURAFSKY, MARTIN 2008

JURAFSKY D., MARTIN J. M., *Speech and language processing*, Upper Saddle River, New Jersey, 2008.

KOŠUTA 1988

KOŠUTA L., "Glagoljski Lošinski protokoli notara Mikule Krstinića i Ivana Božičevića", *Radovi Staroslavenskog instituta*, 9, Zagreb, 1988.

KUKULEVIĆ 1851

KUKULEVIĆ I. S., "Kronika hrvatska iz XII. vjeka", *Arhiv za povjestnicu jugoslavensku*, I, 1851, 1–37.

HAWKINS 1994

HAWKINS J., *A Performance Theory of Order and Constituency*, Cambridge, 1994.

HAWKINS 2004

HAWKINS J., *Efficiency and Complexity in Grammars*, Oxford, 2004.

MINLOS 2008

MINLOS F. R., "Pozicija atributov vnuri imennoj gruppy v jazyke Pskovskoj letopisi", *Russkij jazyk v naučnom osvješčenii*, 2 (16), 2008, 203–216.

MINLOS 2010A

MINLOS F. R., "Čto pritjagivaet pritjažatel'nye mestoimenija? Ili linejnaja pozicija atributov", in: M. L. REMNEVA & S. S. KNJAZEV (eds.), *Fonetika i grammatika. Nastojaščee, prošedšee, buduščee* (= Voprosy russkogo jazykoznanija, 13), Moskva, 2010, 279–290.

MINLOS 2010B

MINLOS F. R., "Linejnoje položenije prilagatel'nyx v drevnerusskom: vozvražčas' k statje D. Wort'a", *Russkij jazyk v naučnom osvješčenii*, 2 (20), 2010, 287–296.

MINLOS 2011

MINLOS PH., "Some controversies concerning possessive pronoun placement in Old Russian", *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*, LIV/2, 2011, 53–58.

MINLOS 2012

MINLOS PH., "Prenominal and postnominal position of adjective attributes in Old Russian", *Russian Linguistics*, 36/1, 2012, 21–40.

NOHA 1971

NOHA M., "Poloha posesív v staroslověštíně", in: B. HAVRÁNEK (ed.), *Studia paleoslovenica*, Praha, 1971, 265–275.

PALACKÝ 1844

PALACKÝ FR. (publ.), "Rozličné dopisy pana Olřich z Rosenberka od r. 1420 do 1453", *Archiv český čili staré písemné památky české a moravske*, 3/1, 1844, 3–64.

PENN 1999

PENN G., "Linearization and WH-Extraction in HPSG", in: R. BORSLEY, A. PRZEPIÓRKOWSKI (eds.), *Slavic in Head-Driven Phrase Structure Grammar*, Stanford, 1999, 149–182.

STARČEVIĆ 1852

STARČEVIĆ A., "Razvod istrianski od god. 1325", *Arkiv za povēstnicu jugoslavensku*, II, 1852, 227–275.

ŠTEFANIĆ 1969

ŠTEFANIĆ V. (publ.), *Hrvatska književnost srednjega vijeka*, Zagreb, 1969.

SUMNIKOVA, LOPATIN 1963

Smolenskie gramoty XIII–XIV vekov, podgotovili k pečati T. A. SUMNIKOVA, V. V. LOPATIN, Moskva, 1963.

VEČERKA 1989

VEČERKA R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax, I. Die lineare Satzorganisation* (= Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, XVII), Freiburg i. Br., 1989.

VEČERKA 2006

VEČERKA R., *Staroslověština v kontextu slovanských jazyků*, Olomouc, Praha, 2006.

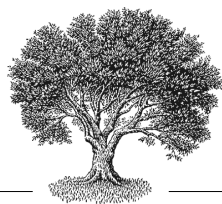
WORTH 1985

WORTH D. S., "Animacy and adjective order: the case of новъгородскъ. An explanatory microanalysis", in: M. S. FLIER & D. S. WORTH (eds.), *Slavic linguistics, poetics, cultural history. In honor of Henrik Birnbaum on his sixtieth birthday 13 December 1985* (= International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 31/32), Columbus, 1985, 533–554.

ZALIZNJAK 2004

ZALIZNJAK A.A., *Drevnenovgorodskij dialekt*, Moskva, 2004.

Филипп Робертович Минлос, к. ф. н.
Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Russia / Россия
f.minlos@gmail.com

Славянские
приключения
греческого Кеѓата:
О происхождении
названия
древнерусской
“Книги Кааф”¹

The Slavic
Adventures of
Greek Kohath:
On the Origin
of the Title
of the Old Russian
Book of Kaaf

**Александр Игоревич
Грищенко**

Московский педагогический
государственный университет

Alexander I. Grishchenko

Moscow State Pedagogical University

Резюме

Статья посвящена проблеме происхождения названия славянорусской “Книги Кааф”, которое до сих пор связывается с неким туманным еврейским источником. В действительности же имя второго сына Левия — Каафа / Кеѓата (קאפ) — совершенно случайно оказалось в заглавии этой книги, которое восходит к греческой глоссе “Καὰθ ἐκκλησιαστῆς” из ономастиконов, содержащих толкования библейских имён. Сама же глосса, по-видимому, связана с соответствующим местом из “Завещания Левия” апокрифических “Завещаний двенадцати патриархов”. Кроме того, приводятся сопоставительные данные

¹ Автор сердечно благодарит А. А. Турилова, привлечшего его внимание к *Кашинскому Каафу*, а также выражает признательность за многочисленные советы и оперативную библиографическую помощь А. Ю. Виноградову и иерусалимским коллегам М. Шнайдеру и С. Минову.

о написании имени Каафа в славянских переводах Пятикнижия и в Палее Толковой, в последней – не только в составе “Завещания Левия”, но и в основном тексте. Приключения слова *Кааѡѡ / Каафѡ* в средневековой русской письменности оказываются целиком книжными, лишёнными связей с гипотетической устной традицией, которую в данном случае было бы весьма соблазнительно измыслить.

Ключевые слова

древнерусская литература, славянские переводы с греческого, Книга Кааф, библеистика, имена собственные, гебраизмы, орфография

Abstract

The article deals with the origin of the title of the Slavonic-Russian Book of Kaaf which has been still attributed to a hazy Hebrew source. In fact, the name of the second son of Levi, Kohath (קֹהַת), appeared in the title absolutely accidentally, and the title came from from the Greek gloss *Καὰθ ἐκκλησιαστῆς* included in the explanatory onomasticons of Biblical names. This gloss is, perhaps, connected with the corresponding passage in the *Testament of Levi* from the apocryphal *Testaments of the Twelve Patriarchs*. Moreover, the article contains comparative data of the spelling of Kohath's name in Church Slavonic translations of the Pentateuch and in the *Palaea Interpretata*, in the latter not only in the Testament of Levi, but also in its main text. The adventures of the word *Кааѡѡ / Каафѡ* in medieval Russian writing turn out to be entirely literary, and not connected with any hypothetical verbal tradition, which might have proved to have been a tempting explanation for this word.

Key words

Old Russian literature, translation from Greek into Old Church Slavonic, Book of Kaaf, Biblical studies, proper names, Hebraisms, orthography

Одно из самых загадочных заглавий в средневековой русской книжности – “Книга Кааф”, точнее (если следовать изданной В. М. Истриным рукописи): *Книга нарицаемыа Кааѡѡ сирѣчь съборникъ понеже соутъ мнози толковѣ събрани в на ѿ сѣхъ книгъ, первое начало положено ѿ толковыѣ Палеѣ* [Истринъ 1897в: 83]. Под этим именем некогда был известен только один сравнительно небольшой текст (условно его можно назвать “Малым Каафом”) в трёх сборниках XV–XVI вв.: *Сол807*, *Волок432* и *МДА215*. Если для Истрина только “Малый Кааф” и был собственно “Книгой Кааф”, то В. Н. Мочульский под последним именем объединил целых 43 сборника XIII–XIX вв. более-менее схожего содержания [Мочульский 1893: 113–134]: открывал этот список *Изборник XIII в.* Условно сборник данного типа можно назвать “Большим Каафом”, хотя ни Мочульскому, ни Истрину ещё не был известен сборник, целиком озаглавленный “Книга Кааф”, теперь же мы знаем по крайней мере одну

такую рукопись — *Кашинский Кааф* 1414/1415 г. Кроме перечисленных Мочульским рукописей, несомненно, к “Большому Каафу” следует отнести также четвертую часть *Мелецкого сборника* кон. XVI в. (Киев, НБУ, Мел. м./п. 119; о нём: [ФЕДЕР 1982]).

Каким образом название “Малого Каафа” было перенесено на “Большой” (или наоборот), в целом понятно: так, *Кашинский Кааф* открывается “Малым Каафом” (первые листы, с заглавием, утрачены; имеющаяся рукопись начинается, по нумерации Истрина, с восьмого вопроса: **Что ксть сказаникъ блгословенныкъ | имъже блгви нсакъ нѣакова**, ср. [ИСТРИНЪ 1897в: 84]), а “Малый Кааф” представляет собой, как выяснил Мочульский, эротапокритические толкования на Книгу Бытия преимущественно Феодорита Кирского, причём после славянского заглавия **Кааѳъ сирѣчь съборникъ понеже соутъ мнози толкове събрани в на ѿ стѣхъ книгъ** следует подзаголовок **ѿ толковыѣ Палеѣ**, переведённый с греческого (Ἐκ τοῦ παλαιοῦ διάφορα ἐρμηνεῖαι — встречается, например, в Вопросах Псевдо-Афанасия [PSEUDO-ATHANASIOS 1857: 729]), а затем идёт 23-й вопрос-ответ Феодорита на Бытие: “Εἰ ἐκ τοῦ θεοῦ ἐμφυσήματος γέγονεν ἡ ψυχὴ ἐκ τῆς οὐσίας ἄρα τοῦ θεοῦ ἐστὶν ἡ ψυχὴ;” etc. [THEODORETUS 1864: 121] — **Аще ѿ бжїа доуновенїа есть дша, то оубо бжїа соустства есть** [ИСТРИНЪ 1897в: 83], то же и в *Изборнике XIII в.* (л. 131₁₁₋₁₂, здесь: **въдоуновеньа**).

Источник самого названия **Кааѳъ** (или правильнее: **Кааѳъ**) Мочульский вполне справедливо увидел в одной из статей *Изборника XIII в.*: “Позднѣйшїй русскїй грамотей, вычитавъ, по всей вѣроятности, изъ статьи: **«А се имена жидовскаа. роуьскы тѣлкована»**, которая помѣщалась въ тѣхъ же толковыхъ сборникахъ (См. напр. л. 43 сборника XIII в. Импер. Публ. библиотеки № Q—п1—18), что еврейское слово **«Кааѳъ»** значить по русски *собрание*¹, видоизмѣнилъ заглавіе сборника такимъ образомъ: **«Книга нарицѣмыа Кааѳъ. сирѣч съборникъ. понеже соутъ мнози толкове събрани в на. отъ свѣтыхъ книгъ»**. Но такъ какъ еврейское названїе онъ счелъ неудобнымъ примѣнять ко всему сборнику, заключавшему въ себѣ толкованїя и на книги новаго завѣта, то онъ перенесъ это заглавіе лишь на толкованїя книгъ ветхаго завѣта, прибавивъ отъ себя: **«первое начало положено отъ толковыѣ Палеѣ»**. Что нашъ взглядъ на болѣе позднюю и искусственную постановку имени **«Кааѳъ»** близокъ къ истинѣ, подтверждаетъ тотъ фактъ, что русскїй грамотей въ данномъ случаѣ пожертвовалъ даже истиной въ угоду своему мнимо ученому

¹ На самом деле толкование **кааѳъ** ∴ | Т[ѣлкъ] ∙ съборникъ ∴ (л. 170об.₉₋₁₀) находится в другом ономастиконе *Изборника XIII в.* — **Ѡ именьхъ ѿ глѣмъхъ жидовьскы | мѣ ѡзъкъмъ ∙ сказано ∙ ѿ преложе | но неразоумноу на разоумъ ∴** (лл. 169об.₁₁–172об.₃₀).

тщеславію. Тѣ вопросы, которые онъ въ своемъ заглавіи относитъ къ Толковой Палей, въ сущности ничего общаго съ Толковой Палеей не имѣютъ, а относятся по преимуществу къ вопросамъ Θεοδωριτα на Пятюкнижіе Моисея” [Мочульскій 1893: 134–135].

Истрин некритически принял на веру толкование слова **Каафъ** из *Изборника XIII в.*: “По словопроизводству съ еврейскаго языка «Каафъ» и значит, дѣйствительно, «сборникъ» [Истринъ 1897в: 66], — при этомъ собственно еврейская форма им не приводится. Откуда же в *Изборник XIII в.* попало толкование **каафъ** — **сборникъ** и на чём оно основано? И что это за странное “еврейское” слово **каафъ**?”

Источник ономастикона “Оименех, глаголемыхъ жидовскимъ языкомъ” былъ найден и опубликованъ вместе с последнимъ ещё Н. К. Никольскимъ: это греческій словарь Ἑρμηνεία ὀνομάτων καὶ λέξεων ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς ἐμφερομένων τῇ ἐβραϊδὶ διαλέκτῳ [Никольскій 1896: 69–77], входящий в целый сборник греческихъ ономастиконъ, перепечатанный П. де Лагардомъ изъ изданий трудовъ блаж. Иеронима Жана Марсьяне и Доменико Валларси [ОНОМАСТИКА 1870: 172–205]. Никольскій подобрал не все греческіе соответствія статьямъ славянскаго ономастикона, с дополненной греческой частью его переиздалъ уже Ф. Вутц [ОНОМАСТИКА 1914–1915: 1040–1046]. Такъ вот, если изъ текста *Изборника XIII в.*, где толкуемые имена идутъ другъ за другомъ, безъ всякой “сюжетной” связи между собой, не очень ясно, что **Каафъ** — это второй сынъ Левія (Κααθ̄ в Септуагинтѣ, קַהַת̄ qəhāt̄ в Масоретской Библии)², то в греческомъ ономастиконѣ это поясняется: “Υἱοὶ Λευεὶ. Λευεὶ αἰτός. Γῆρσάν πάροικος. Κααθ̄ ἐκκλησιαστής. Μεραρὶ πικραίνόμενος” [ОНОМАСТИКА 1870: 178]. Более точные соответствія славянскому ряду имёнъ пытался подобрать Никольскій: “Левги:Ⓣ Помнѣнъкѣ:Ⓣ — Λευὶ ὑπὲρ ἐμοῦ μνησθήσει. <...> гирсамъ:Ⓣ . обитьць:Ⓣ — Γῆρσάν πάροικός. | каафъ:Ⓣ . сборникъ:Ⓣ — Κααθ̄ ἐκκλησιαστής” [Никольскій 1896: 71]; тогда какъ Вутц ихъ реконструировалъ: “Λ ε υ ι · μ ν η μ ε · <...> — Γ η ρ σ α μ · πα ρ ο ι κ ο ς · — Κ α α θ̄ · ἐ κ κ λ η σ ι α σ τ ῆ ς” [ОНОМАСТИКА 1914–1915: 1041].

Теперь становится совершенно ясно, какъ славянскій (русскій?) книжникъ додумался использовать имя **Каафъ** в качестве синонима для слова *сборникъ*. Сначала греческое ἐκκλησιαστής (собственно Екклесиастъ ‘проповедникъ (въ собрании)’ — название библейской книги) было передано славянскимъ **сѣборникъ**, т. е. при помощи производнаго отъ **сѣборъ**, которое часто передавало греческое ἐκκλησία, ср. [SJS IV: 217–219]:

² Впервые Каафъ упомянутъ среди сыновей Левія в Быт 46.11, всего же в Ветхомъ Заветѣ его имя (в т. ч. и в качестве родоначальника подразделения левитовъ) встречается более сорока разъ. В русскоязычной иудейской средѣ (например, в современныхъ раввинистическихъ переводахъ ТаНаХа на русскій) имя Каафа передается в соответствии с сефардскимъ произношениемъ какъ *Кеѣат* или *Кыат*.

именно так Екклесиаст именуется в Супрасльском кодексе, а также в Изборнике Святослава 1073 г. и в Геннадиевской Библии 1499 г. [Сл. РЯ 11–17 вв. 23: 83]. Затем, в качестве толкования имени малоизвестного ветхозаветного персонажа, **сѣборьникъ** было понято в значении ‘книга, собранная из разных произведений’, т. е. стало синонимом слова **изборьникъ** [Сл. РЯ 11–17 вв. 6: 101]. Естественно, исходное греческое толкование личного имени *Καάθ* подобного семантического сдвига никак не предусматривало, и он остаётся целиком на совести славянского книжника, не опознавшего в этом слове имя библейского героя, что в общем неудивительно. Удивительно, что ту же ошибку совершил такой знаток славяно-русской книжности, как Истрин³, когда засомневался в том, что *Καάθ* — личное имя: “...нельзя совершенно отрицать, что въ византийской литературѣ существовала какая-то книга съ именемъ «Каафъ». Въ недавно найденной первой книгѣ хроники Иоанна Малалы въ рукописи. Париж. Націон. Библ. du sup. grec № 682, въ предисловіи, среди тѣхъ писателей, которыми пользовался Иоаннъ Малала, находится *Καάθ*: Δίκαιον ἡγησάμην μετὰ τὸ ἀκροτηριάσαι τινὰ ἐκ τῶν ἑβραϊκῶν κεφαλαίων ὑπὸ Μωϋσέως χρονογράφων Ἀφρικανοῦ καὶ Εὐσεβίου... καὶ *Καάθ* καὶ ἄλλων πολλῶν φιλοπόνων χρονογράφων ἐκδέσεσιν.... Здѣсь *Καάθ* является какъ имя лица, но, очевидно, это недоразумѣніе Малалы или его переписчика, принявшаго названіе какой-то исторической книги за имя автора: *Καάθ*, какъ имя, едва ли существовало у византийцевъ. Въ славянскомъ переводѣ въ соотвѣтствіи *Καάθ* стоитъ «Еоустафиемъ», что указываетъ на то, что въ оригиналѣ славянскаго перевода непонятное *Καάθ* было замѣнено чрезъ *Εὐσταφίου*” [Истринъ 1897в: 67]. Из контекста, в котором *Καάθ* стоит в ряду писателей-хронистов (начиная с Моисея!) [Истринъ 1897а: 5], следует, что и сам *Καάθ* был неким хронистом, и поэтому предположение Истрина о том, что имя *Καάθ* обозначает скорее не автора, а название книги, не лишено оснований, однако это гипотетическое название могло восходить (а применительно к славянской “Книге Каафа” — определѣнно восходило) к имени библейского персонажа. Кроме того, кажется неслучайным, что список Малалы открывается Моисеем, а завершается Каафом, который был дедом последнего (см. Исх 6.18, 20).

³ Более того, Истрин ссылается на библиографическую заметку П. Владимировой, где тот совершенно верно связывает славянское толкование **каафъ** – **сборникъ** в *Изборнике XIII в.* с еврейским именем Екклесиаста – *Κοζελετ*, ссылаясь, кроме того, на соответствующее толкование имени *Κεζат* в словаре Гезениуса (до греческих ономастикон он, увы, не добрался) [Владимировъ 1893: 4], — и это непосредственное указание на источник названия “Книги Кааф” оставлено Истриным без должного внимания.

Малоизвестность Каафа древнерусским книжникам вполне объяснима: его имя встречается в тех фрагментах библейских книг, которые не использовались в богослужении, а потому появились лишь в четвѣм тексте Восьмикнижия, переведѣнном к нач. Х в., но до XV в. практически неизвестном на Руси в качестве отдельной книги: Восьмикнижие и последующие ветхозаветные книги послужили источником для Толковой Палеи и Иудейского хронографа 1262 г., дошедшего в Архивском, Виленском и Варшавском списках [АЛЕКСЕЕВ 1999: 32–33, 167–169; ПИЧХАДЗЕ 2004: 7]. В Иудейском хронографе Восьмикнижие, вперемежку с другими текстами, было представлено почти полностью, однако он вряд ли был особенно популярным памятником, в отличие от Палеи, ставшей для древнерусского книжника основным источником ветхозаветных сюжетов и имѣн. Но и в Толковой Палее (в отличие от Хронографической) Каафу не повезло: он упомянут в ней лишь в связи с родословием Моисея (с апокрифической хронологией), причѣм в нестандартном для греческого *Καάθ* славянском написании **Кааѣтъ**, ср.: **лѣвгій же оубо | бѣвь лѣ̄ · мѣ̄ · роди каа|та · кааѣтъ бѣвь лѣ̄ · ѡ̄ · ро|ди ѡмѣбрама · ѡмѣбра|мъ бѣвь лѣ̄ · ѡ̄ · роди мой|сѣѡ̄** (*Палея 1406*, л. 162В_{27–Г4})⁴.

Если же обратиться к критическому изданию Книги Бытия по спискам четвѣй редакции, подготовленному А. В. Михайловым, то во взятом им за основу Восьмикнижии В. М. Ундольского (РГБ, ф. 310, № 1, XVI в.⁵) в Быт 46.11 (первое в Библии и единственное в Книге Бытия упоминание Каафа) стоит **Кааѡѣтъ**; в разночтениях указаны следующие написания: **каавъ** в Архивском хронографе кон. XV в., в Восьмикнижии (с добавлением Царств) В. М. Григоровича (РГБ, ф. 87, № 1/М. 1684, 1523–1543 гг.) пер. пол. XVI в., в Пятикнижии (с прибавлением других книг) Крушедольского монастыря (Сербия) XVI в., в Восьмикнижии А. Михановича (Загреб) втор. пол. XV в., в Восьмикнижиях из собрания Н. П. Румянцева (РГБ, ф. 256, № 29) 1537 г., из собрания П. И. Севастьянова (РГБ, ф. 270, II, № 1/М. 1431) XV в.; **кааѡѣтъ** в Соловецком Пятикнижии (РНБ, ф. 717, № 74/74) XV–XVI вв.; **кааѡѣ** в ветхозаветной рукописи из собрания Н. П. Румянцева (РГБ, ф. 256, № 28)

⁴ Разночтений к этому имени в издании *Палеи 1406* не приводится. По-видимому, именно в такой форме оно представлено в данном месте Палеи по крайней мере двух типов – толкового и переходного между толковым и хронографическим: то же, например, читаем в *Костр320* (л. 147а) и *Волок549* (л. 224г). В нескольких списках Хронографической Палеи (*Барс619*, *Син210*, *Унд719*) и в одной промежуточного типа (*Барс620*) родословие Моисея в том же месте отсутствует. Выбор списков случаен и обусловлен удобством доступа к ним.

⁵ Здесь и далее датировка и шифры списков Восьмикнижия, хранящихся в России и Литве, по [Пичхадзе 1996: 21], в [Михайловъ 1912: I] данная рукопись датирована втор. пол. XV в.

XVI в.; каѡѣтъ в Виленском Пятикнижии (Центральная библиотека Академии наук Литвы в Вильнюсе, F 19–51) 1514 г. [Михайловъ 1908: 403].

В библейских рукописях с глоссами и исправлениями по Масоретскому тексту [Пичхадзе 1996: 21] встречается примерно тот же, в целом объяснимый посредством греческих форм, набор написаний имени Каафа, причём даже в тех случаях, когда рядом стоят другие личные имена в формах, явно заимствованных из еврейского текста, ср. выборочно:

Волок8 Быт 46.11 каѡѣтъ л. 88, Исх 6.16 каѡтъ л. 109₃, Исх 6.18 сѡѡѡе же каѡтовн л. 109₆, житѣѡ каѡтова л. 109₈, Числ 3.17 каѡтъ л. 239₁₃, хотя перед ним и ниже гершонъ и проч. гебраизмы; Числ 3.27 каѡѡтъ л. 239об.₁₃, Числ 3.27 каѡѡн л. 239об.₁₆, Числ 3.29 каѡѡфль л. 239об.₁₉, Числ 3.30 каѡѡфл л. 239об.₂₂, Числ 4.4 каѡѡовъ л. 241об.₁, Числ 4.34 каѡѡтовъ л. 243об. – и другие производные от тех же написаний;

Тих453 Быт 46.11 каѡѡтъ л. 107об.₈, Числ 3.17 каѡтъ л. 290₁₅, Числ 3.19 каѡѡовн л. 290₁₇, Числ 3.27 каѡѡфтъ л. 290об.₁₆, каѡѡфти л. 290об.₁₉, Числ 3.29 каѡѡфъ л. 291₂, Числ 3.30 каѡѡфл л. 291₅, Числ 4.2 каѡѡфвъ л. 292об.₄, Числ 4.4 каѡѡвъ л. 292об.₉;

Рум27 Быт 46.11 каѡѡфъ л. 99об.₁₉, Исх 6.16 каѡтъ л. 120₁₂₋₁₃, Исх 6.18 каѡтовн л. 120₁₆, каѡтова л. 120₁₈, Числ 3.17 каѡѡтъ л. 251об.₁₁, Числ 3.19 каѡѡтовн л. 251об.₁₄;

Волок7 – каѡтъ, каѡѡѡ и производные от них.

Поскольку никакой корреляции между имеющимися написаниями, датировкой и происхождением рукописей и принадлежностью их к определённой группе (по типологии Пичхадзе) установить пока не представляется возможным, то орфографический разноречивый (как между разными списками, так и внутри одного) приходится признать случайным, и тогда, суммируя все приведённые формы, орфографический облик имени Каафа (точнее – корня этого имени, представленного также и в дериватах) в славянских четых ветхозаветных текстах я предлагаю свести к следующей схеме, учитывающей как реально встречающиеся, так и потенциальные написания (без учёта диакритики, кроме паерка):

$$\begin{array}{c}
 \phi \\
 \hline
 \frac{\alpha}{\sigma} \frac{\phi}{\tau} \\
 \hline
 \frac{\omega}{\lambda} \frac{\tau}{\phi\tau} \\
 \hline
 \text{В}
 \end{array}$$

Лишь выделенные графемы представлены в известных нам заглавиях “Книги Кааф”, сочетания же остальных графем – в Палее и четъем Восьмикнижии. Последних получается значительно больше, так

что вряд ли славянский книжник, пусть даже и хорошо знакомый с Каафом по библейским текстам и их пересказам, как-то соотносил его имя с названием “Книги Кааф”, да и для переписчика *Изборника XIII в.* и писцов более поздних азбуковников, куда могли входить подобные словарики библейских имён, слово *каафъ* также с трудом связывалось с родословием левитов. При этом ни в одном из возможных вариантов написания этого имени не прослеживается непосредственная, без опоры на греческие формы, связь с евр. לְחֵזֶרֶץ *qəhāṣ̄*, так что напрямую из еврейских текстов, минуя греч. Καάθ, загадочное “еврейское” слово ни книжным, ни тем более устным путём попасть в славянские книги не могло, а все графические его трансформации вполне объяснимы на славянской почве.

Однако Кааф как библейский персонаж мог быть известен древнерусскому книжнику не только из ветхозаветных текстов или основанной на них Толковой Палеи, но и из такого важного апокрифа, как “Завещание двенадцати патриархов”, точнее — из “Завещания Левия”, в котором упоминается рождение Каафа (XI.4–6) и, что для нас ещё более интересно, даёт толкование его имени, повлиявшее, вероятно, и на греческие ономастиконы:

“4. καὶ ὁ Καάθ ἐγεννήθη τριακοστῷ πέμπτῳ ἔτει, πρὸς ἀνατολὰς ἡλίου. 5. εἶδον δὲ ἐν ὀράματι ὅτι μέσος ἐν ὑψηλοῖς ἴστατο πάσης τῆς συναγωγῆς· 6. διὰ τοῦτο ἐκάλεσα τὸ ὄνομα αὐτοῦ Καάθ, ὃ ἐστὶν ἀρχὴ μεγαλείου [*ἐρμηνεία μεγαλείου* в разночтениях по нескольким спискам. — А. Г.] καὶ συμβιβασμός” [TESTAMENTS 1978: 38]⁶.

⁶ Новый русский перевод выполнен с более раннего критического издания “Завещаний”, ср.: “4. Кааф же родился в тридцать пятый год жизни моей, и было то при восходе солнца. 5. И узрел я в видении: стоял он в вышних посреди собрания. 6. Оттого нарек я ему имя Кааф, [что значит начало великих дел и наставление]” [Апокрифические Апокалипсисы 2001: 64]. — “4. Καὶ ὁ Καάθ ἐγεννήθη ἐν τῷ τριακοστῷ πέμπτῳ ἔτει [τῆς ζωῆς μου] πρὸς ἀνατολὰς ἡλίου. 5. Καὶ εἶδον ἐν ὀράματι· ἐν ὑψηλοῖς ἴστατο μεσῶν τῆς συναγωγῆς. 6. Διὰ τοῦτο ἐκάλεσα τὸ ὄνομα αὐτοῦ Καάθ, [ὃ ἐστὶν ἀρχὴ μεγαλείου καὶ συμβιβασμός]” [Testaments 1908: 50]. Р. Чарльз, издатель процитированного греческого текста, заключил последнюю часть приведённого пассажа в скобки только потому, что она носит глоссирующий характер, хотя и представлена в основных рукописях: “...it cannot be given as an explanation of the name. It may, however, be a corrupt survival of the text which may be more truly handed down in the Gr.Frag. καὶ ὅτι αὐτὸς ἔσται ἡ ἀρχιερσύνη ἢ μεγάλη· αὐτὸς καὶ τὸ σπέρμα αὐτοῦ ἔσονται ἀρχὴ βασιλείων ἱεράτευμα τῷ Ἰσραήλ” [ibid.]. Под Greek Fragment Чарльз имеет в виду вписанные между строк стандартного греческого текста “Завещания Левия” добавления в обнаруженной им афонской рукописи X в., которые соответствуют арамейским фрагментам из кембриджского собрания документов Каирской генизы и позднее найденным фрагментам из Бодлеанской библиотеки [ibid.: LIII–LVII]: ныне же, после открытия ещё нескольких их списков среди кумранских свитков и также так наз. *Damascus Document*, в целом этот текст принято называть *Aramaic Levi Document* во избежание жёсткой терминологической привязки к “Завещанию Левия” [ALD 2004: 1].

Хотя в качестве непосредственного толкования имени Καάθ здесь приводятся слова (ἀρχή) μεγαλείου και συμβιβασμός, обращает на себя внимание также и слово συναγωγή — синоним к ἐκκλησία, от которого производно ἐκκλησιαστής. Связь между именем Καάθ и словом συναγωγή, встречающемся в этом месте и в *Greek Fragment* (см. сноску 7), — связь, которая обнаруживается лишь на уровне семитского оригинала, — отметил ещё Р. Чарльз: “With our text we should compare the Gr.Frag. Ἐώρακα ὅτι ἐπ’ αὐτῷ ἔσται ἡ συναγωγή παντὸς τοῦ λαοῦ⁷. There may be a *ragonomasia* in חקק and חקק = συναγωγή” [TESTAMENTS 1908: 50]. Греч. слово συναγωγή действительно достаточно часто, например в Септуагинте, соответствует евр. חֻקֵּק *qāhāl* (Исх 16.3, Лев 4.14, 16.17, Числ 10.7, 16.47/17.12, 20.4, 10, Иер 26.17, Иез 38.15 и др.; стандартное евр. соответствие — חֻקֵּק *‘ēdā*). С другой стороны, еврейскому חֻקֵּק *qāhāl* Масоретского текста в Септуагинте может соответствовать также и греч. ἐκκλησία (напр., Втор 31.30, 3Цар 8.14, 22, 55, 65, 1Пар 13.2 и др.). В арамейском же “Документе Левия” греческому συναγωγή соответствует постбиблейское арам. חֻקֵּק (евр. חֻקֵּק, также позднее)⁸. Комментаторы связывают такое толкование имени Каафа с мессианским пророчеством в Быт 49.10⁹:

“Why was Kohath called «assembly of all [the people]»? Greenfield and Stone observed that *ALD* [Aramaic Levi Document – A.L.] is exegeting the name Kohath using the verb חקק from Genesis 49:10, where it occurs in Jacob’s blessing of Judah: «The scepter shall not depart from Judah, nor the ruler’s staff from between his feet, until tribute (הַשִּׁבְיָה) comes to him; and the obedience of the peoples is his (לוֹ יִקְהָ עַמִּים)». The Hebrew of the last phrase has been taken differently in the past and many sources understand חקק as a verb, meaning «gather, assemble» or a noun meaning «gathering» or «assembly». So Aquila to Genesis 49:10 who translates σύστημα λαῶν «assembly of nations»: cf. 4QCommGen A (4Q252) 5:6 which reads:] כנסת אנשי «assembly of men[». In Genesis rabba 99:8 we read: מי שאומות העולם מתקהלין עליו «the one to whom the nations of the world (i.e., the Gentiles) assemble». This interpretation of חקק depends on a popular etymology deriving from the roots חקק or חקק <...> This etymological tradition was ancient, since it is witnessed not only by Aquila, but by *ALD* which is of the third century BCE” [ALD 2004: 184–185].

⁷ “Увидел я, что он [Кааф] будет собранием всего народа”.

⁸ Исходные глаголы арам. חֻקֵּק и евр. חֻקֵּק встречаются в Библии: первому соответствует греч. ἐπισυνάγω (Дан 3.2), второму — греч. ἐκκλησιάζω (Есф 4.16) и συναγω (1Пар 22.2, Неем 12.44, Пс 32.7, Еккл 2.8, 26, 3.5, Ис 28.20), ἐπισυνάγω (Пс 146.2).

⁹ Здесь Иаков благословляет Иуду, но в “Завещании Левия” и в арамейском “Документе Левия” последовательно проводится мысль, что Мессия будет происходить именно из левитов, а не из Иудина колена.

Славянский перевод “Завещаний (или Заветов) двенадцати патриархов”, в т. ч. “Завещания (Завета) Левия”, вошёл в состав палей различного типа, будучи снабжён обширными толкованиями: в Толковую Палею — в сокращённой редакции¹⁰, в Хронографическую — в более полной [Турилов 2006: 231]. При этом рассказ Левия о своей семье (главы XI–XII), где находится интересующий нас фрагмент (XI.4–6), не попал в Толковую Палею, а также в самый ранний список Полной Хронографической — *Барсовскую Палею* (*Барс619*): в ней представлена, по-видимому, та же редакция “Завещаний”, что и в Толковой Палее, но полностью очищенная от толкований¹¹. В более поздних списках Хронографической Палеи появляются главы XI–XII “Завещания Левия”, однако вставлены они не на своё место, а между другими главами, порядок коих также оказался перепутан: после XIX.1, но перед XIII.1, тогда как в Толковой Палее XIII глава шла сразу после XIX.1, и только после неё следовало завершение XIX.2–5¹². Кроме того, существует ещё более исправная редакция славянского перевода “Завещаний”, бытовавшая отдельно от Палеи: ещё относительно недавно был известен только один её список — в составе Архивского хронографа кон. XV в. [TURDEANU 1970: 150–152]. При этом “<т>екстология самостоятельных (вне Палеи) списков памятника изучена недостаточно, однако для большинства из них можно предполагать вторичный по отношению к Палеям характер. Поскольку в Палее Д<венадцати> п<атриархов> з<авещания> помещены после рассказа о смерти Иосифа Прекрасного, то последовательность их изменена: цикл начинается с Завещания Иосифа. Эта структурная особенность характерна для большинства рус<ских> списков памятника” [Турилов 2006: 231]. Так, *Тр730*, фигурируя в описании как “Палея съ прибавлениями” [ОПИСАНИЕ 1878: 119], настоящей Палеей не является: это именно сборник, куда вошли в т. ч. и “Завещания двенадцати патриархов”, причём “Завещание Иосифа” стоит здесь на законном одиннадцатом месте, да и сам текст, по-видимому, представляет собой отдельную, наиболее исправную, редакцию славянского перевода, независимую от Палеи. Именно в *Тр730* последовательность глав в “Завещании Левия” не нарушена, по крайней мере положение XII–XIII глав

¹⁰ Та же редакция в палейх промежуточного типа (*Барс620*, *Волок549*, *Унд718*).

¹¹ В этой связи гипотеза А. А. Алексеева о том, что *Барс619* представляет собой наиболее близкую к первоначальной редакцию Палеи [АЛЕКСЕЕВ 1993: 64–70; АЛЕКСЕЕВ 2006: 29, 32; АЛЕКСЕЕВ 2007: 42], может быть в очередной раз подвергнута сомнению. Применительно к “Завещаниям двенадцати патриархов” совершенно очевидно, что в *Барсовскую Палею* вошёл сильно урезанный (за счёт сокращения толкований) текст из Толковой Палеи.

¹² Это свидетельствует о том, что в Полной Хронографической Палее текст краткой редакцией восполнялся по более полному переводу, но так и не был полностью выправлен.

ὑπομένων, ὑπομονή (πῆρ, »warten«, γομφιασμός (πῆρ <...>) Καὰθ γομφιάσις¹⁴ ἢ ἐκκλησιαστῆς <...> Καὰθ γομφρίασμα (»Abstumpfung« der Zähne = γομφιάζειν) [ΟΝΟΜΑΣΤΙΚΑ 1914–1915: 247]. Что же касается современной научной этимологии имени Каафа, то надёжно она не устанавливается, разве что предложено сравнение с араб. *wakīha* ‘повиноваться’ [Енс. Вив. II: 2685].

Итак, славянские приключения второго сына патриарха Леви и деда пророка Моше — Кефата, принявшего облик греческого Каафа-Екклесиаста, оказались весьма поучительны: слово **каафъ**, оторвавшись от своего библейского истока, чуть было не пополнило ряды гебраизмов древнерусской книжности, в которой загадочным образом, видимо, ещё задолго до XV в. оказались еврейские Мессия — **машинка** или **машнаакъ** (*Изборник XIII в.*, л. 194об.^{6, 11}, позже в форме **машлахъ** во многих списках Палеи) и Царица Савская — **малкатъшка** или **малкатошва** (во многих списках “Судов царя Соломона”, старший: *Барс619*, 241a₄₋₅, 241b₁₇, 242a₃), требующие особого внимания исследователей.

Источники

Рукописные

Барс619

ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 619, Палея нач. XV в.¹⁵; типология по: [Мильков, Полянский 2002: 610].

Барс620

ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 620, Палея XV в.; типология и датировка по: [Мильков, Полянский 2002: 610].

Волок7

РГБ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 7, Пятикнижие (неполное, без двух последних книг) пер. трети XVI в.¹⁶

Волок8

РГБ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 8, Пятикнижие 1493 г., писец Павел Васильев (лл. 1–376, далее пер. пол. XVI в.); описание: [Юсифъ 1882: 2].

¹⁴ Γομφιάσις — то же, что γομφιασμός ‘the having the teeth in edge’ (оба производны от γομφίος ‘коренной зуб’) [SOPHOCLES 1914: 336]; γομφιασμός ‘toothache’, Ам 4.6 [МУРАОКА 2009: 135], в Елисаветинской Библии — **ѡскѡмѡна**; ср. в постбиблейском иврите: прил. **qēhe** ‘(of teeth) blunt and loose’, глаг. **qahē** ‘to blunt a person’s teeth’, сущ. **qahāyūt** ‘bluntness of teeth (= old age)’ [JASTROW II: 1321, 1322].

¹⁵ Датировка по [Алексеев 2006: 32], здесь в шифре опечатка: должно быть “Барс. 619” вместо “Барс. 609”; в [Мильков, Полянский 2002: 610] — кон. XIV в.

¹⁶ Уточнённая датировка по машинописной дополнительной описи 1972 г., хранящейся в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ. В [Юсифъ 1882: 2]: XV в.

Волок549

РГБ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 549, Паляя сер. XV в.¹⁷; типология по: [Мильков, Полянский 2002: 610].

Кашинский Кааф

ГИМ, Музейское собр., № 4034, Книги, нарѣцаемыя Каафъ, 1414/1415 г., г. Кашин, писец свящ. Иоанн, клирик церкви Рождества Христова [Вздорнов 1980: Кат. 25].

Костр320

РГБ, ф. 138 (собр. Костромской библиотеки), № 320/1, Паляя кон. XIV – нач. XV вв.; типология и датировка по: [Мильков, Полянский 2002: 610].

Рум27

РГБ, собр. Н.П. Румянцева, ф. 256, № 27, Пятикнижие XVI в.

Сол807

РНБ, Соловецкое собр., № 807/917, Сборник XV или XVI в., *Книга Кааф* – начиная с л. 145об. [Мочульский 1893: 116]; см. также о нём в [АЛЕКСЕЕВ 2002: 41–42].

Тих453

РГБ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 453, Пятикнижие пер. пол. XVI в.

Унд718

РГБ, собр. В. М. Ундольского, № 718, Паляя кон. XV – нач. XVI в.; типология по: [Мильков, Полянский 2002: 610].

Унд719

РГБ, собр. В. М. Ундольского, № 719, Паляя 1517 г., Псков; типология по: [там же].

*Издания***АПОКРИФИЧЕСКИЕ АПОКАЛИПСИСЫ 2001**

Витковская М. Г., Витковский В. Е. (пер., сост., вступ. статья), Апокрифические апокалипсисы, С.-Петербург, 2001.

Волок432

РГБ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 432, Сборник нач. XVI в.¹⁸, *Книга Кааф* – на лл. 192–200 [Иосифъ 1882: 61]; по изд.: [Истринъ 1897в: 83–95].

Изборник XIII в.

РНБ, Q.p.I.18, XIII в., Книги нарицаемыя Изборник и от мног отец тълкованы [Каталог 1984: 278–279]; цитаты по изданию: WĄTRÓWSKA H., “The Izbornik of the XIIIth Century (Cod. Leningrad, GPB, Q.p.I.18)”, *Polata knigopis'naja*, No 19–20, Nijmegen, 1987.

МДА215

РГБ, ф. 173.I (собр. Московской духовной академии, фундаментальное), № 215, Сборник XVI в., *Книга Кааф* – на лл. 178–300 [Леонидъ 1887: 96–98]; электронная публикация рукописи в виде фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://www.stsl.ru/manuscripts/>.

Паляя 1406

РГБ, ф. 304/I (собр. Троице-Сергиевой лавры, основное), № 38, Паляя Толковая (Коломенский список 1406 г.); цит. по изданию: *Паляя Толковая по списку, сдѣланному въ г. Коломнь въ 1406 г.*, трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова, I–II, Москва, 1892–1893.

¹⁷ Уточнённая датировка; в [Иосифъ 1882: 195]: кон. XV в.

¹⁸ Уточнённая датировка; в [Иосифъ 1882: 57]: кон. XV или нач. XVI в.

Син210

ГИМ, Синодальное собр., № 210, 1477 г., Псков; по изданию: “Толковая палея 1477 г., Воспроизведение Синодальной рукописи № 210, вып. I”, в: *Изд. Общества любителей древней письменности*, ХСIII, С.-Петербургъ, 1892.

Тр730

РГБ, ф. 304/I (собр. Троице-Сергиевой лавры, основное), № 730, Сборник пер. пол. XVI в. [Описание 1878: 119–122]; электронная публикация рукописи в виде фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://www.stsl.ru/manuscripts/>.

ALD 2004

The Aramaic Levi Document, Edition, Translation, Commentary by J. C. GREENFIELD, M. E. STONE and E. ESHEL, Leiden, Boston, 2004.

ONOMASTICA 1870

DE LAGARDE P. (ed.), *Onomastica sacra*, 1, Gottingae, 1870.

ONOMASTICA 1914–1915

WUTZ F., *Onomastica sacra, Untersuchungen zum Liber interpretationis nominum Hebraicorum des Hl. Hieronymus*, I–III, Leipzig, 1914–1915.

PSEUDO-ATHANASIUS 1857

MIGNE J. P. (ed.), *Patrologiae cursus completus, Series graeca*, 28, S. Athanasius archiepiscopus Alexandrinus, Paris, 1857.

TESTAMENTS 1908

CHARLES R. H. (ed.), *The Greek Versions of the Testaments of the Twelve Patriarchs*, Oxford, 1908.

TESTAMENTS 1978

DE JONGE M. (ed.), *The Testaments of the Twelve Patriarchs, A Critical Edition of the Greek Text*, Leiden, 1978.

THEODORETUS 1864

MIGNE J. P. (ed.), *Patrologiae cursus completus, Series graeca*, 80, Theodoretus Cyrensis episcopus, Paris, 1864.

Литература

АЛЕКСЕЕВ 1993

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Русско-еврейские литературные связи до XV века”, в: *Jews and Slavs*, 1993, vol. I, Jerusalem, St. Petersburg, 44–75.

АЛЕКСЕЕВ 1999

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

АЛЕКСЕЕВ 2002

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Песнь Песней в древней славяно-русской письменности*, С.-Петербург, 2002.

АЛЕКСЕЕВ 2006

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Палея в системе хронографического жанра”, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 57, С.-Петербург, 2006, 25–32.

АЛЕКСЕЕВ 2007

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Апокрифы Толковой Палеи, переведенные с еврейских оригиналов”, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 58, С.-Петербург, 2007, 41–57.

ВЗДОРНОВ 1980

ВЗДОРНОВ Г. И., *Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV вв.*, Москва, 1980.

ВЛАДИМИРОВЪ 1893

Владимировъ П., “Критико-библиографическія замѣтки объ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ по русской словесности за 1892 годъ”, <Кіевскія> университетскія извѣстія, годъ XXXIII, 1893, № 1, ч. II, разд. V.

ИСТРИНЪ 1897А

Истринъ В. М., *Первая книга Хроники Иоанна Малалы*, Записки Императорской Академіи Наукъ, ser. VIII, Историко-филологическое отдѣленіе, т. I, 1897, № 3.

ИСТРИНЪ 1897В

Истринъ В. М., *Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи*, 1, С.-Петербургъ, 1897.

ЮСИФЪ 1882

Юсифъ, геромонахъ, *Опись рукописей, перенесенныхъ изъ бібліотеки Юсифова монастыря въ бібліотеку московской духовной Академіи* (= Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Истории и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1881, 3), Москва, 1882.

КАТАЛОГ 1984

Сводный каталог славяно-русскихъ рукописныхъ книгъ, хранящихся в СССР. XI–XIII вв., Москва, 1984.

ЛЕОНИДЪ 1887

Леонидъ (Кавелинъ), архимандритъ, *Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Св. Троицкой Сергіевой лавры въ бібліотеку Троицкой духовной семинаріи въ 1747 году, (нынѣ находящихся въ бібліотеку Московской духовной академіи)*, Москва, 1887.

МИЛЬКОВ, ПОЛЯНСКИЙ 2002

Мильков В. В., Полянский С., “Палея Толковая: редакция, состав, религиозно-философское и энциклопедическое значение памятника”, в: *Палея Толковая* (подготовка др. рус. текста и перевода на совр. рус. языкъ А. М. Камчатнова, коммент. В. В. Милькова и др.), Москва, 2002, 604–631.

МИХАЙЛОВЪ 1908

Михайловъ А. В., *Книга Бытія пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ*, IV, Варшава, 1908.

МИХАЙЛОВЪ 1912

Михайловъ А. В., *Опытъ изученія текста книги Бытія пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ*, I, Паримейный текстъ, Варшава, 1912.

МОЧУЛЬСКИЙ 1893

Мочульскій В. Н., *Слѣды народной Библии въ славянской и въ древне-русской письменности*, Одесса, 1893.

НИКОЛЬСКИЙ 1896

Никольскій Н. К., *Рѣчь тонкословія греческаго. Русско-греческіе разговоры XV–XVI вѣка*, С.-Петербургъ, 1896.

ОПИСАНІЕ 1878

Описаніе славянскихъ рукописей бібліотеки Свято-Троицкой Сергіевой лавры, Ч. I (= Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Истории и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1878, 2), Москва, 1878.

ПИЧХАДЗЕ 1996

Пичхадзе А. А., “Из истории четъего текста славянского Восьмикнижия”, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 49, С.-Петербург, 1996, 10–21.

Пичхадзе 2004

Пичхадзе А. А., “О славянской версии Истории Иудейской войны. I. Из истории изучения памятника”, в: “*История Иудейской войны*” Иосифа Флавия: Древнерусский перевод, I, Москва, 2004, 7–12.

Сл.РЯ 11–17 вв.

Словарь русского языка 11–17 вв., вып. 1–29–, Москва, 1975–2011–.

ТУРИЛОВ 2006

Турилов А. А., “Славянские переводы [«Завещаний двенадцати патриархов»]”, в: *Православная энциклопедия*, 14, Москва, 2006, 231–232.

ФЕДЕР 1982

Федер У. Р., “Мелецкий сборник и история древнеболгарской литературы”, *Palaeobulgarica / Старобългаристика*, VI (1982), 3, 154–165.

ENC. BIB. II

Encyclopædia Biblica, Ed. by T. K. СНЕУНЕ and J. S. BLACK, II, New York, London, 1901.

JASTROW I–II

JASTROW M., *A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrasic Literature*, vol. I–II, London, New York, 1903.

MURAOKA 2009

MURAOKA T., *A Greek-English Lexicon of the Septuagint*, Louvain, Paris, Walpole, 2009.

SJS I–IV

Slovník jazyka staroslověnského, I–IV, Praha, 1966–1997 (репринт: С.-Петербург, 2006).

SOPHOCLES 1914

SOPHOCLES E. A., *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (from B.C. 146 to A.D. 1100)*, Cambridge (U.S.A.), Leipzig, 1914.

TURDEANU 1970

TURDEANU É., “Les Testaments Des Douze Patriarches En Slave”, *Journal for the Study of Judaism*, I/2, 1970, 148–186.

Александр Игоревич Грищенко, к. ф. н.
Московский педагогический университет,
кафедра русского языка
119991 Москва, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Россия / Russia
alexander@grishchenko.ru

Notes on the
Dialect of Zhèrveni,
Kostur Region,
as Spoken by Their
Descendants in
Mustafapaşa and
Cemilköy, Turkey

Заметки о
диалекте с. Жёрвени
(район Костура)
у переселенцев
в Мустафаше
и Джемилькёй
(Турция)

Larry Labro Koroloff

Independent researcher,
Canada

Ларри Лабро Королов

Независимый исследователь,
Канада

Abstract

The article dwells upon the dialect of the people of Bulgarian origin in Mustafapaşa and Cemilköy, Turkey, descending from the village of Zhèrveni in Kostur region (Aegean Macedonia). The general outline of some peculiarities of the dialect's phonology is presented as well as some lexical differences between the Christian dialect in the neighbouring villages and the Muslim dialect of Zhèrveni. Three songs in Zhèrveni dialect are published for the first time.

Keywords

Slavic dialects in Greece, dialects of Muslim Slavs, South-Slavic dialectal phonology

Резюме

В статье рассматривается диалект болгарских переселенцев в Мустафаше и Джемилькёй (Турция), которые происходят из с. Жервени в районе Костура (Эгейская Македония). Представлен очерк некоторых фонологических особенностей диалекта, а также описание лексических различий между диалектом мусульман из Жервени и христиан из соседних сёл. Впервые публикуются три песни на жервенском диалекте.

Ключевые слова

славянские диалекты в Греции, диалекты славян-мусульман, южнославянская диалектная фонология

The village of Zhèrveni is located in the valley of the Bàbchor River north of Kostur (Καστοριά in Greek) on the eastern edge of the Korèshcha, the district northwest of Kòstur. The villages of Chèrnòvishcha and Drenòveni are found to the southwest of Zhèrveni, Pozdivishcha to the west, and Konòmladi to the north. All of these villages are also in the Korèshcha. To the south lies the village of Shestèvo, to the southwest is Visheni and to the northeast is Babchor. These latter villages belong to the district of the Popòleto. Since 1912, Zhèrveni has been in Greece. In 1927 Zhèrveni was renamed Agios Antonios by the Greek government.

The only linguist who has dealt with the Zhèrveni dialect is André Mazon, who visited Zhèrveni after the end of World War 1 and published some observations and three folk tales [MAZON 1923: 140–148 et passim].

The residents of Zhèrveni converted to Islam in about 1800 [КЪНЧОВ 1970: 342]. Their word for the *Virgin Mary* is *Городица* (< *Богородица*). This one term alone speaks volumes about their Christian origins. While in Zhèrveni, except for some of the men, they did not speak Turkish. In 1924, according to the Lausanne Treaty there was a population exchange between Greece and Turkey. Large groups of Orthodox Christians in Turkey, whether Greek speaking or not were expelled to Greece and large groups of Muslims in Greece, Turkish speaking or not, were expelled to Turkey. Thus the people of Zhèrveni left their native village en masse and began their arduous journey to the village of Sinasos, later renamed Mustafapaşa, four kilometers to the south of the town of Ürgüp in Cappadocia, Turkey. A few Zhèrveni families settled in Cemilköy, eight kilometers to the south of Mustafapaşa.

The younger generation no longer speaks the Zhèrveni dialect. However, an interest has developed in their Zhèrveni heritage and in 2007 the community activist Süreyya Aytaş¹ published the book “Bitmeyen Muhacirlik” (‘Unending Emigration’). In it she records the memories of the older generation about their grueling journey to a place where they did not know the language and received a less than a friendly welcome from the local population. The

¹ Süreyya Aytaş is the first woman of Zhèrveni heritage to receive a university degree.

book is in Turkish, but there are some songs and proverbs in the Zhèrveni dialect transcribed in Turkish orthography. They are heavily influenced by the Turkish language, i. e. lack of agreement of the genders of the nouns and adjectives and the interference in the transcription of the dialect by Turkish vowel harmony. But by their inclusion in the book, they will remain as a memorial of the Zhèrveni folklore which will soon disappear.

The observations below were made during my visit to Mustafapaşa in July of 2007.

I was also able to record two songs from Cevdet Resùlov (Gümüşsoy) of Cemilköy, one of the last living Zhervèntsi. He still has memories of his old neighbourhood in Zhèrveni or as he expressed it: *Ѐа помётвам м̀алата!* 'I remember the neighbourhood!' The songs are at the end of the article along with one sung by the men at the coffeehouse.

In the transcription the use of a colon after a vowel indicates a long vowel, which occurs where the consonant /h/ has been dropped: i. e. *вл̀а:* < *влах*, *сна̀а:* < *снаха*.

In most of its features, the dialect of Zhèrveni agrees with the dialect spoken in the Korèshcha villages to its west. For example like the other Korèshcha villages, the Zhèrveni dialect preserves the older form of the third person singular of the present tense of the verb 'to be' *ести*, the more archaic forms of the clusters /чрь, чръ/, as ч̀орно, чер̀ево, as well as a modified form of the Old Bulgarian nasal vowels in certain circumstances as shown below. It differs from its neighbours in the Popole to the east, whose village dialects all lack the forms *ести* and all use *ц̀орно, цер̀ево*.

However, being located on the eastern edge of the Korèshcha, Zhèrveni speech does show a few features of the neighbouring Popole region. The most recognizable feature is the use of *̀арно* instead of *д̀обре* used by the Korèshcha villages².

With no intermarriages with its neighbouring Christian villages, the dialect of Zhèrveni no longer developed in tandem with that of its Christian neighbours. It has been frozen in time in some respects and has preserved archaic features lost by its neighbours. In other respects, it has diverged from its neighbours by developing a few new features independently.

The most notable differences are the independent developments of the Old Bulgarian back nasal vowel /ɲ/ and the groups /рь, ръ/ and /ль, лъ/.

1. Whereas in all the other Korèshcha and Popole villages /ɲ/ has developed into /ъ/, in the Zhèrveni dialect it has developed into a labial /ò³ or /òн/ be-

2 With the exception of Konòmladi and Stàtitsa, which are also on the periphery of the Korèshcha.

3 The vowel / / is described by Blagoy Shklifov as a "middle vowel, with the lips lightly rounded and the jaw tensed" [Шклифов 1973: 18–19].

fore voiced dental stop /ð/ or /ðm/ before voiced bilabial stop /b/ [Шклифов 1973: 18–19]: *пòт, зòмби, дòмбйа, ке-та испòнда, ке-ме-бие мòжо, шòшто* [‘също’].

Mazon noted both /ɤ/ and /o/ (not /ò/) as developments of the back nasal vowel, with no rule as to when one was used or the other [MAZON 1923: 18]. Even the same root words could use one of these two vowels in the singular and the other in the plural. He also notes that /рь, рɤ/ and /ль, лɤ/ had developed into /op/ and /ol/ and not /òp/ and /òл/. Perhaps at that time of Mazon’s visit, a process of the replacement of the phoneme /ɤ/ by /ò/ was underway and was only completed in their new home in Turkey. An /ap/ instead of /òp/ is noted in in one of Cevdet’s folksongs: *царква* instead of *цòрква*. This suggests that the above hypothesis may be true. But we may not be certain, as folksongs travel from place to place and may contain outside influences. Or perhaps Mazon’s informants who were all men who had more contact with the neighbouring villages had been influenced by their speech.

Zhèrveni is the only village in the entire northern part of the Kostur region to have developed a labial /ò/. However this feature is found in some villages in the southernmost part of the region – Nèstram and the Kosternariya (Èzerets, Snicheni, Zhùzheltsi and others) [Шклифов 1973: 28]. Farther afield, this development occurs in some Dolna Prespa villages (Gèrman, Nìvitsi, Dòlno Dùpeni and others), in the Debar Region as well as in the Rhodopes of southern Bulgaria.

2. The Old Bulgarian front nasal vowel /ɤ/ has developed into /a/ in short form personal pronouns: *Ма фàти, та ўдри, са стòри*.

This is a feature also found in much of the Popole region. But with regard to Zhèrveni’s immediate Popole neighbours, this development is found only in Vìsheni, but not in Shestèvo or Babchor.

In the lexeme *антòрва* (sister-in-law), the front nasal vowel /ɤ/ has changed to /an/. The nasality of the vowel /ɤ/ is preserved, having changed into the phoneme /n/. In the neighbouring Korèshcha villages the nasality of the vowel in this lexeme has been lost and the form is *етòрва*. This is an example of Zhèrveni preserving archaic traits lost by their Christian neighbours.

3. The groups /ль, лɤ/ and /рь, рɤ/ have developed into /òл/ and /òp/: *дòлго, вòлк; сòлза, вòлна; дòрво, вòрни, зòрми, вòрви; чòрно*. Zhèrveni is the only village in southwestern Macedonia to develop /рь, рɤ/ > /òp/. It is only found far to the northwest in certain villages between Struga and Debar in the Republic of Macedonia, in Golo Bordo (most of Golo Bordo is found on Albanian territory), and even farther away, in some Rhodope dialects in southern Bulgaria.

4. The religious separation of Zhèrveni from the neighbouring Christian villages of the Korèshcha has caused Zhèrveni to develop a number of lexical differences unique to that village. The chart below shows some lexical differences between Zhèrveni and the neighbouring Korèshcha villages.

In Ottoman Turkish times, most children of Zhèrveni's neighbouring villages attended Bulgarian schools. Before Bulgarian schools opened, education was in Greek, although education in Greek affected relatively few students. It is not unusual that the Bulgarians of the Kostur region adopted a few loanwords from literary Bulgarian, as well as earlier loanwords dealing with education from Greek. These loanwords are missing in the Zhèrveni dialect:

Zhèrveni	Korèshcha	
<i>кòмпир</i>	<i>къртùльа</i>	'potato'
<i>шефтелія</i>	<i>пràска</i>	'peach'
<i>бїрян</i>	<i>кокòшка со òрис</i>	'chicken and rice'
<i>бїрек</i>	<i>б̀уреk</i>	'pie' (both are different modifications of the Turkish <i>börek</i>)
<i>нòна</i> (<i>мàйка</i> occurs in a folksong)	<i>мàйка</i>	'mother'
<i>пòкер</i>	<i>пòвеке</i>	'more'
<i>мèтеп</i>	<i>скòлийе</i>	'school' (<i>mekteп</i> comes from Arabic via Turkish)
<i>кїтап</i>	<i>кнїга</i>	'book' (in Zhèrveni, <i>kniga</i> means a 'letter')
<i>мàльум</i>	<i>дàскал</i>	'teacher' (<i>мàльум</i> comes from the Arabic <i>muallim</i> 'learned'. The only school in Zhèrveni was a Koranic school which only boys attended)

The past tense of the verb to say/tell has evolved into the forms *йас кàжи*, *ние кàжї:ме*. This is transcribed in one of Mazon's folktales [MAZON 1923: 141]. This development is unique in the whole of southwestern Macedonia (Kostur and Lerin regions). There, the form is *Яс кàза*, *нїя кàзà:ме*.

Songs in the Zhèrveni dialect

1

Олеле, леле, полеле
Шо да го чиниме татко ни?
Да го пушчиме за дорва.
Да го изеде мѝчките.
Пулите грѝди татко ни,
Кожа на рамо, дорва на коно,

Олеле, леле, полеле

2

Чупичина душичина
Остаймете (sic) да помина
Да помина, да размина
Нешто завал не ви чина
Рѝчичина по джепчина
Пѝлни ра̀мни шекерчина
Шекерчина, све джумчина.

3

Ка не ти е жально, ма̀ри Станко,
За лѝпата ца̀рква ?
Ич не ми е жально за лѝпата ца̀рква;
Сѝлим ке го зѝвам, туркина ке бида!
Ка не ти е жально, мори Станко,
За твѝйта майка?
Ич не ми е жально за мѝята ма̀йка,
Сѝлим ке го зѝвам, туркина ке бида!

Translation:

Oh my, oh my and more oh my!
What are we to do with our father?
Let's send him to get some firewood
Let the bears devour him
Look! Our father is returning,
With a bear skin over his shoulder and
firewood on the horse,
Oh my, oh my and more oh my!

Dear little girls, dear little souls,
Let me pass by and let me continue,
I won't do anything bad to you,
My little hands are in my pockets,
Chock full of little candies,
Little candies, all little lumps.

Don't you miss, oh Stanka,
The beautiful church?
I don't miss the beautiful church in the least,
I will marry Selim and become a Turk!
Don't you miss, oh Stanka,
Your mother?
I don't miss my mother in the least,
I will marry Selim and become a Turk!

References

SÜREYYA 2007

SÜREYYA A., *Bitmeyen Muharcirlik. Lozan Mubadilleri Vakfı Yayını*, Istanbul, 2007.

MAZON 1923

MAZON A., *Contes Slaves de la Macédoine Sud-occidentale*, Paris, 1923.

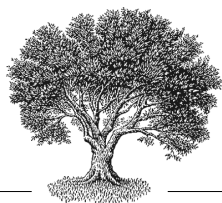
КЪНЧОВ 1970

КЪНЧОВ В., *Избрани произведения*, Том 2, София, 1970.

ШКЛИФОВ 1973

ШКЛИФОВ Б., *Костурският говор*, София, 1973.

Larry Koroloff, B.A., B. Ed. University of Toronto
228B Floyd Ave.,
Toronto, ON
Canada M4J 2J1
dreno@sympatico.ca

Особенности борисоглебских торжеств в свете византийской традиции¹

The Features of Boris and Gleb Festivals in the Light of Byzantine Tradition

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”,
Факультет истории, Кафедра социальной
истории, Лаборатория медиевистических
исследований

Andrey Yu. Vinogradov

National Research University
“Higher School of Economics”,
Faculty of History, Department
of Social History, Laboratory for
Medieval Studies

Резюме

Статья посвящена проблемам литургической структуры празднеств перенесения мощей святых Бориса и Глеба в XI–XII вв. Все четыре праздника имели разную структуру: однодневную или двухдневную, с освящением храма или без. В двух случаях из трех (при Ярославе Мудром и в 1115 г.) освящение вышгородского храма производилось именно мощами святых князей. Выбор структуры чина зависел, очевидно, от совершавшего его грека-митрополита. Особенно ясно это на примере третьего перенесения мощей (1072 г.), когда сомневавшийся в святости князей митрополит освятил церковь другими мощами, а их мощи перенес уже в освященную церковь.

Ключевые слова

литургия, Борис и Глеб, Киевская Русь, перенесение мощей, освящение храма, агиография, летописи

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0119, реализованного в рамках Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2012–2013 гг.

Abstract

The present paper analyses the liturgical structure of the translation of SS. Boris and Gleb's relics in 11th–12th centuries. All four feasts had a different structure: a one-day or two-day feast, with or without the consecration of the church. In two of three cases (under Yaroslav the Wise and in 1115), the consecration of the church in Vyshgorod was done next to the very relics of the holy princes themselves. The choice of the feast's structure depended on the Greek metropolitan. This is particularly clear in the case of the third translation (1072), when the metropolitan, doubtful of the princes' holiness, consecrated the church using other relics, and then transferred the relics of the princes into the already-consecrated church.

Keywords

liturgical studies, Boris and Gleb, Old Rus, transfer of relics, consecration of church, hagiography, chronicles

Излишне напоминать о том, сколь важное значение имели для Древней Руси вышгородские торжества сер. XI – нач. XII в., связанные с мощами свв. Бориса и Глеба. Первое и особенно второе перенесения мощей, состоявшиеся при великом князе Ярославе Владимировиче и митрополите Иоанне, в пер. пол. 1040-х гг. [Назаренко 2003], и изложенные в “Чтении о Борисе и Глебе” Нестора (далее ЧН²) и “Сказании о святых мучениках Борисе и Глебе” (далее СБГ³), были, по сути своей, первой канонизацией русских святых – к тому же, братьев верховного правителя Руси и устроителя торжеств. Третье и четвертое празднества, 1072 г. и 1115 г., описанные в тех же источниках (последнее – только в СБГ) и в русских летописях, служили демонстрацией (пусть и непрочной) единства русских князей и одновременно их состязанием в борьбе за символическое первенство [Соловьев 2002].

Однако сам церемониал трех этих торжеств, также несущий в себе немалую идейную нагрузку (см. ниже), изучен и понят, как кажется, еще не полностью. Речь идет, прежде всего, о структуре борисоглебских празднеств и их смысле⁴. Дело в том, что ни в Византии, ни в Древней Руси не было общепринятого чина перенесения мощей⁵. Однако поскольку их переносили чаще всего в связи с освящением нового храма, то переносимые мощи чаще всего и использовались для его освящения⁶ [Желтов 2000].

² Цит. ниже по [Жития: 1–26]; о тексте см. [Бугославский 1928: XV–XVII].

³ Цит. ниже по [Жития: 27–66]; о тексте см. [Дмитриев 1987: 398–408].

⁴ В частности, эти вопросы не затрагиваются в последних исследованиях, посвященных борисоглебской традиции [Успенский 2000; Соллестанеа 2009].

⁵ Возможно, для перенесения мощей вне освящения храма предназначены две молитвы, имеющие, в любом случае, периферийный характер [Желтов 2005].

⁶ О последнем см. [Вотте, Бракманн 2004].

В самых ранних византийских евхологиях (кон. VIII – X вв.) освящение храма состоит из двух чинов: собственно освящения храма и его престола, которое заключалось в омовении, помазании и облачении последнего, и “обновления”⁷, т. е. торжественной процессии с мощами, начинающейся в другом храме и заканчивающейся в освящаемой церкви [RUGGIERI 1988]. Относительно происхождений двух этих чинов существуют разные точки зрения: они либо сосуществовали с ранневизантийского времени в рамках одной традиции [Пермяков 2009], либо представляют собой разные по месту возникновения последования: сходное с чином Крещения освящение престола имеет сирийские корни, в то время как чин обновления хорошо засвидетельствован в ранневизантийском Константинополе. Согласно второй точке зрения (как кажется, более обоснованной)⁸, первый чин проникает в Константинополь вместе с другими восточными богослужебными новшествами в VII–VIII вв., когда он начинает там бытовать параллельно со старым местным чином обновления, — именно поэтому 7 правило VII Вселенского Собора (787 г.) предписывает переосвятить “мощами”, т. е. посредством чина обновления, все иначе освященные храмы. Как бы то ни было, в послеиконоборческую эпоху два чина начинают совершаться последовательно друг за другом, сохраняя при этом на первом этапе свою самостоятельность.

Несмотря на указание ранних евхологиев на совершение чина энкени “в тот же день, в который освящается молитвенный дом” [Пермяков 2009: 348], проведение обоих чинов занимало два световых дня (но один литургический, начинавшийся на закате): второй чин — обновления, должен был начинаться вечером того дня, когда совершался первый чин — освящения храма и престола, и когда мощи для чина обновления поставлялись в другом храме — “наутро” (ἔωθρον), т. е. на рассвете следующего дня, возглавляющий торжества архиерей начинал процессию с ними в освящаемую церковь. Такое торжественное двухдневное чинопоследование освящения церкви, однако, вскоре упрощается, и два составляющие его чина сливаются в один, как видно уже из евхологиев нач. XI в. [Пермяков 2009: 351]

Как вписываются в эту картину перенесения мощей свв. Бориса и Глеба? Каждое из четырех вышеупомянутых празднеств имеет свою собственную структуру. Сравним сперва описания порядка их совершения.

⁷ Слово “обновление” имеет также другое значение — ежегодная память освящения храма.

⁸ Работа по данной теме готовится к печати свящ. Михаилом Желтовым.

Первое перенесение приведено в ЧН и СБГ, дающих практически аналогичное описание⁹.

ЧН [Жития: 17]	СБГ [Жития: 53–54]
<p>Иже, слышавъ, повѣлѣ призвати архиепископа Иоана, тогда пасуще Христово стадо разумныхъ овецъ Его <...> Слышавъ же то преподобный архиепископъ отъ христоролюбца, и ужасенъ бысть, и воскорѣ събратися повелѣ всуму <так!> крилосу церковному. И въ утри день съ кресты изидоша поюща въ преже реченый градъ, идѣже лежитъ тѣло святоу страстотерпцю Христову Бориса и Глѣба.</p>	<p>И призывавъ митрополита Иоана, съказааше ему все о святоу мученику, брату своею. И бысть преужаснь и въ усъмнении, таче и въ дързновени и въ радости и къ Богу. И ошдѣ отъ князя, събравъ клиросъ и все поповъство, и повелѣ поити съ кресты Вышегороду. И придоша до мѣста, идеже лежаста святая. Бяше же съ ними и князь Ярославъ. И поставили же бяху ту кѣлѣтку малу на томъ мѣстѣ, идеже бяше церквы съгорѣла. Архиепископъ же пришедъ съ кресты и сътвори въ тои кѣлѣтцѣ всенощное пѣние. О изнесени святоу. Наставъшю же дъни, иде архиепископъ Иоанъ съ кресты, идеже лежаста святоу телеси пречьстнѣи, и сътворивъ молитву, повелѣ откопати пьрьсть, сущюю надъ грѣбѣмъ святоу <...></p>
<p>Таче же ископавъше, изнесоша ковьцега отъ ядръ зеленыхъ и поставиша я на земли <...> Потом же, рацѣ взявше святоу, внесоша же въ преже реченую кѣлѣтку ти ту поставиша на деснѣи странѣ. Сътворивше же святоу службу, ти тако отъидоша, славяще Бога.</p>	<p>...отъкопавъше, изнесоша я отъ землѣ. И приступивъ, митрополитъ Иоанъ съ презвутеры, съ страхъмъ и любввию, отъкры гроба святоу <...> И вънесше въ ту храмину, яже бяше поставлена на мѣстѣ погорѣвшия църкве, и поставиша я надъ землею, на деснѣи странѣ.</p>

⁹ В нашу задачу не входит подробный анализ генетической связи между текстами, содержащими описание Борисоглебских торжеств: как мы увидим ниже, их сведения дополняют друг друга, а расхождения между ними не мешают реконструировать порядок празднеств. По поводу первого освящения заметим лишь, что ЧН, содержащее не зависимое от СБГ описание, видимо, опиралось на какой-то более ранний источник: в частности, ЧН обозначает “кѣлѣтку” как “преже реченую”, хотя выше о ней ничего не говорилось — между тем, о ее строительстве говорится выше в “Сказании”, восходящем, видимо, к тому же раннему источнику.

Первое торжество уже по своей структуре предполагало лишь перенесение мощей, без освящения церкви: на месте сгоревшего деревянно-го храма Св. Василия была построена не новая церковь, а простая клеть, куда затем перенесли мощи. Впрочем, ЧН и СБГ несколько расходятся в описании порядка праздника: согласно первому, архиепископ с процессией выступил в Вышгород с утра, открыл и перенес мощи и совершил “святую службу”; согласно второму, архиепископ совершает после установки клетки всенощное бдение, т. е. начинает службу вечером, а на следующий день открывает и переносит мощи. Последнее описание выглядит правдоподобней, так как добраться до Вышгорода из Киева, открыть мощи для поклонения, перенести их и совершить службу за один день довольно затруднительно (кроме того, под “святой службой” обычно понимается литургия, которую вряд ли служили вечером). Однако указание ЧН на совершение литургии не выглядит невозможным: она могла служить на переносном антиминос — в таком случае упоминание о ней в общем источнике было опущено в конце описания СБГ. Таким образом, первые борисоглебские торжества представляли собой чинопоследование, состоящее из всенощной, открытия и перенесения мощей и, вероятно, литургии. Формально оно заняло два дня, однако с точки зрения церковного календаря, это были одни богослужбные сутки, начинающиеся с закатом солнца. Типологически внесение мощей в новопостроенное здание похоже на “обновление”, однако здесь отсутствует момент собственно освящения храма¹⁰.

Лишь через некоторое время князь Ярослав приступил к строительству нового, также деревянного, храма:

ЧН [Жития: 18–19]	СБГ [Жития: 55]
Таче потомъ христолюбець моли я, рече архиепискупа, да шедъ освятить церковь и святую службу створить в ней.	
Он же, ту абие поимъ попове и дьяконы и всь причеть церковный, иде въ преже реченый градъ, купно съ христолюбивымъ Ярославомъ и	И шьдъше съ хрьсты Иоанъ митрополить, и князь Ярославъ, и вьсе поповьство, и людие, и пренесоша святая, и църковь

¹⁰ В качестве типологических параллелей такому двухдневному чинопоследованию, состоящему из обретення и перенесения мощей без освящения храма, можно указать для Руси на перенесение мощей прп. Феодосия Печерского [ПВЛ, под 6599 г.], а для Византии — на перенесение мощей свт. Климента Римского в Херсоне в 861 г. [Лавров 1930: 148–153], которые, впрочем, прямо не повлияли на чинопоследования перенесений мощей свв. Бориса и Глеба в XI–XII вв.

ЧН [Жития: 18–19]	СБГ [Жития: 55]
<p>съ велможами. Пришедшимъ же имъ въ градъ, и сътвори архиепископъ обычное храму обновление, рекше священіе. Рацѣ же святою постави въ церькви на деснѣи странѣ, мѣсяца іюля въ 24 день, въ нъже блаженный Борисъ убиенъ бысть.</p>	<p>святиша, и уставиша праздникъ праздьновати мѣсяца іулиа въ 24: вьнъже днь убиенъ преблаженный Борисъ, въ тѣ же днь и църкы священна, и пренесена быста святая.</p>
<p>Устависта же христоролюбивый Ярославъ и преподобный митрополитъ Іоанъ въ день на всяко лѣто праздникъ творити има, яко же и нынѣ свершается. Таче потомъ, яко сконча святою литургию, поятъ и благовѣрный князь Ярославъ на обѣдѣ со всѣми обрѣтшимися ту <...> И еще бо имъ всѣмъ сущимъ на святѣи литургии <...> Створи же христоролюбець пиръ великъ, праздникъ святою, не токмо боляромъ, нъ и всѣмъ людемъ, паче же нищимъ и всѣмъ вдовицамъ и всѣмъ убогимъ, повелѣ же и отъ имѣнія своего даяти имъ. Створи же тако, празднующе до осмаго дъне. Таче потомъ христоролюбець, шедъ въ столный градъ, повелѣ властелину града того даяти отъ дани церькви святою десятою часть. Архиепископъ же оставъ постави попы и дьяконы, и повелѣ имъ пѣти въ церькви святою вечернюю и заутреню, и святою литургию по вся дни служити. И постави имъ старѣйшину, ти тако отъиде въ свою кафоликани иклиціа.</p>	

Второе торжество при Ярославе проходило также в один день: освящение храма и помещение в нем мощей произошло 24 июля, что подчеркнуто в СБГ: “въ тѣ же днь и църкы священна, и пренесена бы-

ста святая”. Это действие завершается литургией и следующим за ним восьмидневным празднеством, которое представляло собой, очевидно, длительное пиршество (см. ниже). Следует обратить внимание на слова ЧН: “обновление, рекше священство” — автор поясняет читателям, что речь идет не о возобновлении храма, а о его освящении. Однако выше мы видели, что “обновление” — это та часть освящения храма, в которой в него переносятся мощи. СБГ описывает порядок торжества так: “и пренесоша святая, и църковь святиша” — следовательно, мощи, которыми была “обновлена” церковь, — это мощи Бориса и Глеба, а использование останков умершего для освящения церкви равнозначно признанию его святости. Канонизация Бориса и Глеба подчеркивается и установлением их памяти под 24 июля: включение святого в местный календарь было основной формой признания святости. Здесь “канонизационный” аспект подчеркивается также тем, что перенесение мощей и установление памяти святых было специально приурочено ко дню убийства Бориса. Более того, можно говорить даже о целенаправленном создании борисоглебского культа: Ярослав ставит в храме поклонный образ своих святых братьев, а архиепископ, действуя отчасти как ктитор (он и уезжает из Вышгорода позже князя), устанавливает в новоосвященной церкви цикл ежедневных богослужений, связанных с почитанием святых князей.

Однако сомнения в святости Бориса и Глеба появились у нового греческого митрополита, Георгия, при перенесении их мощей в 1072 г., описание которого мы знаем в двух версиях: ЧН и СБГ–ПВЛ¹¹.

ЧН [Жития: 21–22]	СБГ [Жития: 55–56]	ПВЛ [ПВЛ: 78]
Слышавъ же то, боголюбецъ Изяславъ, яко всяко бысть доспѣна церькы, моли архиепископа Георгия, да шедъ принесеть мощи святую въ церковь, юже възгради. Архиепископъ же събра всь причеть церьковный, и тако изидоша съ кресты въ		

¹¹ Версии краткого и пространного Пролога [Лосева 2009: 355–360] зависят от ПВЛ и СБГ [там же: 211–213] и не содержат дополнительной информации по интересующему нас сюжету; две другие редакции Пролога [там же: 398–400] дают очень краткий текст, также без дополнительных подробностей.

ЧН [Жития: 21–22]	СБГ [Жития: 55–56]	ПВЛ [ПВЛ: 78]
<p>преже реченый градъ, идеже бѣ тѣло святою. Иже и пришедъша, створиша обычное обновление церкви новѣи, и святою же литургию въ неи скончаша.</p>		
<p>И въ другой же день събра митрополитъ вся епископы и вся церковники, идеже бѣста рацѣ святою, хотя пренесение сътвори <...> Митрополитъ же бѣ невѣрствуя, яко свята блаженная. Приступивше же, открыша рацѣ святою ти видѣша цѣла лежаща, церкы же исполнися благыя воня.</p>	<p>И съвкупивъшеся <...> и створиша праздникъ свѣтло. И възъмше на рама князи, предъидущемъ преподѣбнымъ чѣрноризцемъ съ свѣщами, а по нихъ диякони, таче и прозвутери, и по сихъ митрополита и епискупи, и по нихъ съ ракою идяху. И принесше въ цѣрковь, поставиша, и отвѣръзше раку, и испълнися цѣркы благоуханя и вонѣ пречюдны, и вси видѣвше прославиша Бога. И митрополита обиде ужась, бяше бо и не твърдо вѣруя къ святыма, и падъ ниць, просяше прощения.</p>	<p>Пренесоша свята страстотерпца Бориса и Глѣба. Совокупивъшеся <...> створше праздникъ, праздноваша свѣтло, и преложиша ѿ в новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоитъ и нынѣ. И възъмше первое Бориса в древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, възъмше на рама своя понесоша, предъидущемъ чѣрноризцемъ, свѣща держаше в рукахъ, и по нихъ дьякони с кадилы, и посемъ презвитери, и по нихъ епископи с митрополитомъ; по сихъ с ракою идяху. И принесше в новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкы, воня благы; видѣвше же се, прославиша Бога. И митрополита ужась обиде, бѣ бо нетвердъ вѣрою к нима; и падъ ниць, просяше прощенья.</p>

ЧН [Жития: 21–22]	СБГ [Жития: 55–56]	ПВЛ [ПВЛ: 78]
<p>То видѣвъ, митрополитъ ужасеся въ умѣ и, обратився на вѣстокъ, въздвигъ руцѣ на небо, възопи <...></p>		
	<p>И цѣловавъ мощи, вложиша въ раку камяну. По семь, възъмше Глѣба въ рацѣ камянѣ, вѣставивъше на сани, и имъше ужи, повезоша. И яко быша въ двѣрхъ, рака ста не поступячи, и повелѣша народу зъвати: “Господи, помилуй”! И моляхуся Господеви и святыима, и абие повезоша и.</p>	<p>Цѣловавше мощи его, вложиша ѱ в раку камяну. Посем же въземше Глѣба в рацѣ камяни, вѣставиша на сани, и емше за ужа везоша ѱ. Яко быша въ двѣрехъ, ста рака, и не иде. И повелѣша народу възвати: “Господи помилуй”, и повезоша ѱ.</p>
<p>Таче потомъ, приступивъ, изя руку блаженнаго Бориса, бѣ бо мощими лежай, и цѣловаше, прикладая къ очима и къ сердцю. Таче потомъ благослови ею благовѣрнаго князя Изяслава, потомъ же брата его Святослава <...> потом же пакы боголюбець Всеволода, — тако и вся; потом же вся люди. Ти тако положи ю на своемъ мѣстѣ.</p>	<p>И цѣловаша святааго Бориса главу, а святааго Глѣба руку. Възъмъ же, Георгий митрополитъ благословяше князѣ Изяслава и Всеволода. И пакы Святославъ, имъ руку митрополичю и дрѣжацю святааго руку, прилагааше къ вреду, имъже боляше на шии, и къ очима, и къ темени, и по семь положи руку въ гробѣ.</p>	
<p>Таче потомъ, въземше рацѣ, несоша въ новую церковь ти ту поставиша на деснѣи странѣ.</p>		<p>И положиша ѱ, мѣсяца мая 2 день [2 — Лавр и НПЛ ; 20 — Ип].</p>

ЧН [Жития: 21–22]	СБГ [Жития: 55–56]	ПВЛ [ПВЛ: 78]
	Начаша же пѣти святую литургию <...>	
Въ лѣто 6580, месяца мая въ 20. Створиша же праздникъ великъ въ тѣ день, таче разидошася въ своя домы, славяще бога.	И по литургии всья братия и обѣдаша вси на купь, и праздноваша празднѣство свѣтло, и много милостыня убогымъ створиша, и цѣловавъшеся, мирно разидошася кѣждо въ своя си. И оттолѣ утвърдися таковый праздникъ мѣсяца мая въ 20, въ славу и чѣсть святыима мученикома <...>	И отпѣвше литургию, обѣдаша братья на скупь, кождо с бояры своими, с любовью великою. И бѣ тогда держа вышегородъ чюдинѣ, а церковь лазорь. Посем разидошася всвоеси.

В 1072 г. основное действо происходило в два дня: в субботу освящается храм, а в воскресенье переносятся сами мощи. В ЧН снова использовано слово “обновление”, т.е. вторая, заключительная часть чина, а кроме того, упомянутое после него совершение литургии (как и во второй день) было бы невозможно в не освященном до конца храме, что указывает на то, что храм был полностью освящен в первый день торжеств. Такой порядок описан в ЧН; СБГ и ПВЛ, восходящие к общему источнику и содержащие дополнительную информацию, совпадающую с ЧН, опускают описание освящения, описывая только перенесение мощей. В них при этом сообщается, что литургия служилась и на второй день, после перенесения мощей.

Важно также отметить, что в 1072 г. устанавливается новая борисоглебская память — 20 мая, о чем прямо говорит СБГ. Однако СБГ не поясняет точно, что именно в ней воспоиналось: освящение вышгородской церкви или перенесение мощей — эти события в данном контексте неравнозначны, так как совершались в два разных дня. На помощь нам приходит ПВЛ, которая поясняет, что 20 мая имело место именно перенесение мощей (2 мая в Лавр и НПЛ — очевидно, описка, совершенная, возможно — но не обязательно — под влиянием перенесения 2 мая в 1115 г. [Ужанков 2000: 36]). Таким образом, новый борисоглебский праздник был посвящен не обновлению вышгородской церкви (которое было 19 мая), а именно перенесению мощей.

Рассмотрим, наконец, четвертое перенесение мощей, совершившееся в 1115 г. и описанное по-разному в СБГ и в летописях: Ипатьевской (далее – Ип), Лаврентьевской (далее – Лавр) и Новгородской первой (далее – НПЛ).

СБГ [Жития: 65–66]	Ип [ПВЛ: 127–128]	Лавр [ПСРЛ I: 290]	НПЛ [НПЛ: 20]
	Съвъкупишася братья, русци князи, Володимеръ, зовемый Монамахъ, сынъ Всеволожъ, и Давидъ Свято- славлицъ, и Олегъ, братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну, на похвалу и честь телесема еѹ и на положение.		Съвъкупишася братья Выше- городѣ: Воло- димеръ, Ольгъ, Давидъ, и вся Русьская земля,
И во 1-й днь мѣсяца мая святиша цър- ковь, въ субботу 2 недѣлѣ по Пасцѣ.	Первое же освятиша церковь камяную, мая въ 1 день, в суботу;	Сѣена бѣ ^ѿ църкы каменаѣ Въшегородѣ. мѣца. маѣ. въ ѿ. днѣ. в днѣ суботнѣи.	и освятиша церковь камяну мая въ 1,
На утрия же, въ святую неделю, яже поуться о муроносицахъ, въ вѣторый днь того же мѣсяца,	наутрия же въ 2 день перенесоша святая.	а въ ѿ.и днѣ пренесоша брѣѣ вса стѹю мчѣнку Бориса и Глѣба. в днѣ нѣлнѣи <...>	а въ 2 перенесоша Бориса и Глѣба, индикта въ 8.
	И бысть сборъ ве- ликъ, шедшюся на- роду съ всихъ странъ <...> И освятиша церковь каменю. И отпѣвшимъ имъ		

СБГ [Жития: 65–66]	Ип [ПВЛ: 127–128]	Лавр [ПСРЛ I: 290]	НПЛ [НПЛ: 20]
	обѣднюю, обѣдаша у Ольга и пиша, и бысть учреждение велико, и накормиша убогых и странных по 3 дни.		
и начаша пѣти утрнюю въ обою църковию. И въставивше на сани на росны, яже бѣша на то устроены, повезоша же преже Бориса. И съ нимъ идяше Володимиръ съ многъм говеннемъ, и съ нимъ митрополитъ, и поповство съ свѣщами и кандилы <...> Такоже и святаго Глѣба по немъ въставивше на другыя сани <...> И тако одѣва възмогаша отъ утрня до литургия превести сущи църкви.	И яко бысть утро, митрополитъ, епископи, игумени оболочаша у святительскыя ризы и свѣща възжегъ с кадѣлы благовонными, и придоша к ракам святою, и взяша раку Борисову, и въставиша ѳ на возила, и поволокоша ужи князи и бояре, чернцемъ упрѣдъ идущимъ съ свѣщами, попомъ по нимъ идущимъ, та же игумени, та же епископи предъ ракою, а княземъ с ракою идущимъ межи воромъ <...> быша легко внесли въ церковь и поставиша раку средѣ церкви, и идоша по Глѣба. Тѣм же образомъ и сего привезоша, и поставиша у брата.	бѣша легко дошли църкве. а въ .д.и днѣ поставиша ѳ в рацѣ на мѣсту.	
	Распри же бывши межи Володимеромъ и Давыдомъ, и Ольгомъ, — Володимеру		

СБГ [Жития: 65–66]	Ип [ПВЛ: 127–128]	Лавр [ПСРЛ I: 290]	НПЛ [НПЛ: 20]
	<p>бо хотящю я поставити средѣ церкви и теремъ серебрянъ поставити над нима, а Давыдъ и Олегъ хотяшета поставити я в комару, “иде же отецъ мой назнаменалъ”, на правой сторонѣ, иде же бяста устроенѣ комарѣ има. И рече митрополитъ и епископи: “Верзите жребий, да кдѣ изволита мученика, ту же я поставимъ”, и вгодно се бысть. И положи Володимерь свой жребий, а Давыдъ и Олегъ свой жребий на святой трапезѣ; и вынся жребий Давыдовъ и Олговъ. И поставиша я в комару тою, на деснѣй странѣ, кде ныне лежита. Принесена же бысть святая мученика, маия въ второй день, из деревяной церкви в каменую Вышегородѣ <...> Князи же и бояре, и вси людие празноваша по три дни и похвалиша Бога и святою мученику. И тако разидошася кождо въ свояси.</p>		

Наибольшую проблему в данном случае представляет собой соотнесение сведений СБГ и списков ПВЛ, прежде всего Ип. Последняя, вопреки всем остальным источникам, описывает перенесение не на второй день торжеств, 2 мая, а через три дня после него. Однако в этом Ип начинает противоречить сама себе: как выше, так и ниже она же сообщает о том, что перенесение мощей состоялось 2 мая (“наутрия же въ 2 день перенесоша святая”; “принесена же бысть святая мученика маяя въ вторый день”). Кроме того, в результате этого смещения перенесения мощей оказывается, что и 1, и 2 мая собравшиеся освящали церковь (“первое же освятиша църковь камяную, мая въ 1 день”; “освятиша церковь каменую”), а также удваивается сообщение о “трех днях”: три дня после освящения и три дня пира (подлинность четырехдневного (в сумме) празднества подтверждает Лаврентьевская летопись). По всей видимости, редактор Ип ошибочно переместил сообщение о трех днях после перенесения и о пире у Олега из конца рассказа, где он выглядит логично, так как его дает победивший в споре с Владимиром Олег.

Итак, торжества 1115 г. оказываются схожи по своей структуре с празднествами 1072 г.: все чинопоследования — освящение храма и перенесение мощей, совершались в два дня, причем также — в субботу и воскресенье. Разница здесь заключается в том, что в 1115 г. в первый день собравшиеся “святиша церковь”, но первая литургия (“обедня” в Ип) в ней совершается только на второй день, после перенесения мощей свв. Бориса и Глеба, что соответствует древней послеликоноборческой практике (см. выше). Таким образом, обновление вышгородской церкви в 1115 г. так же, как и при Ярославе, совершалось посредством принесения туда мощей храмовых святых.

Подведем промежуточный итог. Все рассмотренные нами борисоглебские торжества отличаются по своей структуре: первое было однодневным (с точки зрения церковного времяисчисления, формально же — двухдневным) и не содержало в себе освящения храма; второе было также однодневным, но включало в себя освящение церкви мощами свв. Бориса и Глеба; третье длилось два дня, причем в первый день было совершено полное освящение храма, а во второй — перенесение мощей святых князей; наконец, четвертое было также двухдневным, но здесь освящение было завершено лишь на второй день, после перенесения мощей храмовых святых. В контексте византийского чина освящения храма второй случай соответствует объединенному в один день чинопоследованию “освящения” и “обновления”, в то время как четвертый — древнему, отдельному варианту, который мог быть выбран для большей торжественности церемонии. Выбор того или иного

варианта был связан, вероятно, с личностью грека-митрополита, которому та или иная форма освящения была более привычна.

Из этого ряда выбиваются, однако, празднества 1072 г. (первые торжества не содержат освящения храма и в данном случае не релевантны). Что же помешало устроителям торжеств 1072 г. совершить обычное чинопоследование двухдневного освящения? Можно было бы, конечно, предположить, что проводившие их иерархи были знакомы только с новой практикой однодневного освящения, однако этому противоречит двухдневная структура всего празднества с традиционным перенесением мощей во второй день.

Ответ на этот вопрос кроется, как кажется, в неоднократно обсуждавшемся сомнении митрополита Георгия относительно святости мощей страстотерпцев¹², которые предстояло перенести в новый храм. Не касаясь сложного вопроса о причинах этого сомнения, отметим, что оно имеет решающее значение для понимания последовательности церемонии торжеств в 1072 г.: хотя митрополит по просьбе князя и вынужден был отправиться в Вышгород вначале для закладки храма в честь святых князей, а затем — для его освящения и перенесения мощей, однако совершать обновление новой церкви сомнительными для него останками он, очевидно, не хотел и потому совершил все освящение храма в один день (по подобию празднества при Ярославе), отложив перенесение мощей Бориса и Глеба на второй день.

Более низкий уровень торжеств 1072 г. подчеркивает и лишь однодневное пиршество после перенесения мощей (“створиша же праздникъ великъ въ тѣ день, таче разидошася въ своя дома, славяще Бога”). Напротив, бóльшая торжественность борисоглебских празднеств в 1115 г. подчеркивается как более пышным и раздельным перенесением мощей святых братьев, так и трехдневным пиршеством по его окончании (“Князи же и бояре, и вси людие празноваша по три дни и похвалиша Бога и святою мученику. И тако разидошася каждо въ свояси”). Правда, торжественные пиршества после освящения вышгородского храма при Ярославе были вообще восьмидневными, что прямо отсылает к традиции подобных же пиршеств при его отце (после освящения храма в Василёве (см. [ПВЛ, под 6504 г.]).

Итак, на основании сравнения трех борисоглебских празднеств мы видим, как уровень их торжественности, отражающий отчасти их идейную нагрузку, может отражаться в чинопоследовании празднества и

¹² См. [Соловьев 2002: 24]. Предположение самого Соловьева, что митрополит сомневался только в святости Бориса, но не Глеба, следует отвергнуть, так как праздник на память смерти Бориса, установленный еще при Ярославе (см. выше), указывает на их равночестность, а кроме того, в ПВЛ прямо говорится, что митрополит не был тверд верой “к нима”, т. е. по отношению к обоим братьям.

какой сложной может быть эта логика. Более того, именно реконструкция их чинопоследований является важнейшим аргументом в долгом споре о времени канонизации братьев.

И А. Н. Ужанков, давший последний обзор всех рассмотренных событий [Ужанков 2000], и его предшественники (А. Поппэ, Л. Мюллер и др.) исходили из не совсем верного представления о канонизации в домонгольской Руси: она представлялась им процедурой, подобной позднейшей католической канонизации и сопровождавшейся обязательным подтверждением чудес и написанием службы и жития. Однако очевидно, что в домонгольской Руси причисление к лику святых происходило в рамках византийской, а не западноевропейской практики. В Византии же никакой “уставной” канонизации не существовало: причисление к лику святых начиналось с локального почитания, установления праздника в честь святого, а также почитания и использования его останков как святых мощей. В случае распространения культа святого его память вносилась в календарь литургических книг Константинопольской Церкви, получая тем самым общецерковное и общеимперское признание. Остальные элементы: чудеса, составление жития и службы, были желательны, но не обязательны.

В качестве близкой аналогии случаю со свв. Борисом и Глебом можно указать на одну “канонизацию” византийским императором своего ближайшего родственника. После смерти своей первой супруги, набожной Феофано, в 893 г. император Лев VI построил храм в ее честь, где и положил ее останки. Позднейшие источники приводят легендарную историю о том, что под давлением Церкви император был вынужден переименовать этот храм в честь Всех святых (подразумевая, что если Феофано свята, то она среди них), однако и ранние свидетельства (“Хроника” Симеона Логофета), и документальные тексты сер. X в. не сомневаются в наличии храма (*εὐκτήριον*) в честь святой Феофано [Downey 1956]. Легенда о несогласии с таким посвящением отражает, вероятно, естественные сомнения в правомочности посвящения храма только что умершей женщине и освящения церкви ее останками, что находит себе параллель в вышеописанном сомнении митрополита Георгия в 1072 г. Праздник в память о св. Феофано также установился к нач. X в. Это показывают списки “Синаксаря Константинопольской Церкви”.

Таким образом, в процессе “канонизации” наиболее важную роль играли два элемента: установление дня памяти святого и почитание его останков как мощей. И если в случае первого перенесения останков князей-страстотерпцев в действия его участников не прослеживается ясного отношения к ним как к святым мощам, а день этого события не становится регулярным праздником, то уже во втором перенесении

мощей свв. Бориса и Глеба, происшедшем также при Ярославе Мудром, оба элемента ясно выражены: и ЧН, и СБГ указывают как на освящение церкви после внесения туда мощей, т. е., очевидно, их посредством, так и на установление праздника. Более того, второе перенесение мощей святых братьев было специально приурочено Ярославом ко дню смерти св. Бориса. Впрочем, явное признание святости свв. Бориса и Глеба при втором перенесении их мощей не означает, что при первом перенесении к ним не относились как к святым: оно было лишь промежуточным звеном перед освящением новой церкви вместо недавно сгоревшей и потому не было, кстати, столь торжественным. Итак, установление двойного праздника под 24 июля (убиения Бориса и перенесения мощей братьев) и освящение храма мощами свв. Бориса и Глеба при освящении нового храма было, очевидно, частью плана Ярослава Мудрого по созданию культа своих братьев-страстотерпцев, который бы одновременно представил в лучшем свете и его самого (как в аналогичной ситуации Льва VI, изменявшего своей святой жене).

Литература

БУГОСЛАВСЬКИЙ 1928

Бугославський С., *Пам'ятки XI–XVIII в.в. про князів Бориса та Гліба*, Київ, 1928.

ДМИТРИЕВ 1987

Дмитриев Л. А., “Сказание о Борисе и Глебе”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в.*, Ленинград, 1987, 398–408.

ЖЕЛТОВ 2000

Желтов М. С., “Чин освящения храма и положения святых мощей в византийских Евхологиях XI века”, в: М. С. Желтов (вступление, перевод и комментарии), *Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира*, Москва, 2000, 111–126.

ЖЕЛТОВ 2005

Желтов М., диак., “Две византийские молитвы на перенесение св. мощей”, *Богословские труды*, 40, Москва, 2005, 122–127.

ЖИТИЯ

Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им, подг. к печ. Д. И. Абрамович, Петроград, 1916.

ЛАВРОВ 1930

Лавров П. А. *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности*, Ленинград, 1930.

ЛОСЕВА 2009

Лосева О. В., *Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков*, Москва, 2009.

НАЗАРЕНКО 2003

НАЗАРЕНКО А. В., “Борис и Глеб, свв.”, *Православная энциклопедия*, VI, 2003, 44–60.

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. и с предисловием А. Н. НАСОНОВА, отв. ред. М. Н. ТИХОМИРОВ, Москва — Ленинград, 1950.

ПВЛ

Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г., подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. ЛИХАЧЕВА, под ред. В. А. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ, изд. 2-е, испр. и доп., подгот. М. Б. СВЕРДЛОВ, С.-Петербург, 1996.

ПЕРМЯКОВ 2009

ПЕРМЯКОВ В., “Чин освящения храма в восточных традициях”, в: *Православное учение о церковных Таинствах*, III, Москва, 2009, 348–351.

ПСРЛ I

Полное собрание русских летописей, I: Лаврентьевская летопись, Москва, 1997.

СОЛОВЬЕВ 2002

СОЛОВЬЕВ К. А., “Культовые святых Бориса и Глеба во властных отношениях древней Руси XI — начала XII века”, *Вопросы истории*, 5, 2002, 14–33.

УЖАНКОВ 2000

УЖАНКОВ А. Н., “Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2, 2000, 28–50; 1(3), 37–49.

УСПЕНСКИЙ 2000

УСПЕНСКИЙ Б. А., *Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси*, Москва, 2000.

ВОТТЕ, BRAKMANN 2004

ВОТТЕ В., BRAKMANN Н., “Kirchenweihe”, *Reallexikon für Antike und Christentum*, 20, Stuttgart, 2004, 1139–1169.

COLLECTANEA 2009

Collectanea Borisoglebica, Paris, 2009.

DOWNNEY 1956

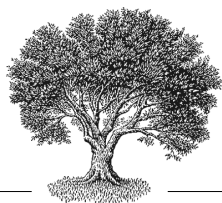
DOWNNEY G., “The Church of All Saints (Church of St. Theophano) near the Church of the Holy Apostles at Constantinople”, *Dumbarton Oaks Papers*, 9, 1956, 301–305.

RUGGIERI 1988

RUGGIERI V., “Consacrazione e dedicazione di chiesa, secondo il Barberianus graecus 336”, *Orientalia Christiana Periodica*, 54, 1988, 79–118.

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”, Факультет истории,
Кафедра социальной истории, доцент;
Лаборатория медиевистических исследований,
старший научный сотрудник
107996 Москва, Петровка, 12
Russia / Россия
auvinogradov@hse.ru

О семантико-
стилистическом
своеобразии
выражения
сесть в лужу
в русском языке

On the Russian
Expression
сесть в лужу:
Semantic
and Stylistic
Peculiarities

**Юлия Борисовна
Камчатнова**
Независимый исследователь,
Москва

Julia B. Kamchatnova
Independent scholar,
Moscow

Abstract

The Russian expression *сесть в лужу* (literally, *to sit into a puddle*) stands apart from similar expressions with the same image in other languages, both semantically and stylistically. Whereas the expressions *to find oneself in the mire*, *in der Patsche sitzen*, etc. mean 'to get into a difficult situation' or 'get tangled', the saying *сесть в лужу* means 'to get into an awkward or funny situation, to fail because of being unable to live up to one's expectations, to shame oneself'. Perhaps, here the verb to sit, which in most cases implies a sitting position, changed the meaning of the expression, and it approached the offensive colloquial *наложить в штаны* 'to crap one's pants', which has the literal sense 'to shit or wet oneself from fear', and the figural sense 'to shame oneself through unredeemed promises'. The expression *сесть в лужу* in current usage describes a person who is so scared that he has wet or soiled his pants. Judging by the fact that this expression cannot be found in Dahl's dictionary and that it appeared in Russian literature at the beginning of the 20th century, it is obvious that before that time, it had been considered

vulgar, substandard and unprintable. Nowadays, the expression is widespread, and though its origin has been forgotten, it has not become stylistically neutral: in dictionaries it is tagged as *colloquial, informal, pejorative, ironic, and humorous*.

Keywords

lexicology, phraseology, stylistics, word history

Резюме

Русское *сесть в лужу* от аналогичных иноязычных выражений с той же внутренней формой отличается как своей семантикой, так и стилистической окраской. Если англ. *to find oneself in the mire*, нем. *in der Patsche sitzen*, etc. значат 'оказаться в затруднительной ситуации' или 'испугаться', то рус. *сесть в лужу* означает 'оказаться в неловком, смешном положении, опозориться из-за того, что чьи-либо ожидания оказались не оправданы'. Возможно, значение здесь меняется благодаря глаголу *сесть*, и данное выражение оказывается близко грубому просторечному *наложить в штаны*. Выражение *сесть в лужу* подразумевает человека, который настолько испугался, что намочил штаны. Судя по тому, что данное выражение не включено в Словарь Даля и появляется в русской литературе лишь в начале XX в., очевидно, что ранее оно считалось грубым, просторечным и непристойным. Теперь же оно весьма употребительно и, хотя его происхождение уже забыто, стилистически не нейтрально: словари квалифицируют его как «просторечное», «разговорное», «пренебрежительное», «ироническое» и «шутливое».

Ключевые слова:

лексикология, фразеология, стилистика, история слов

Русское выражение *сесть в лужу* имеет многочисленные аналоги в других языках. Но, как мы увидим ниже, несмотря на сходный образ, лежащий в основе этих выражений, значения их не совпадают со значением русского выражения. Кроме того, русское *сесть в лужу* вплоть до начала 20 века не считалось литературным. Рассмотрев эту ситуацию, мы предположили, что у него была иная (возможно, не изначально), отличная от аналогичных иноязычных выражений, внутренняя форма и, как следствие, — другое значение и иная стилистическая окраска, чем и объясняется его неупотребительность в русском литературном языке в течение столь долгого времени.

Известно, что *лужей* (она же *калуга, калюжа*) называют мокрое или грязное место. Перенос прямого значения слов *грязь* и *лужа* на нравственную сферу человеческой жизни понятен, очевиден и с античных времен закреплен в лексиконе. В переносном значении *грязь* связывается с позором, очернением, потерей доброго имени или же социальным падением и пороком. Например, мы наблюдаем этот перенос в латинском

языке: глаголы *maculo, sordido, inquino* означают не только буквально ‘пачкаю, грязню, пятнаю’, но и ‘оскверняю, позорю, порочу, бесславлю’ [Дворецкий 1976: 609, 942, 531]; существительное *sordes* переводится как ‘грязь’ в буквальном смысле, так и ‘низость, презренность, низкий человек, подонки общества’ [там же: 942]; слово *sentina* значит ‘клоака, нечистоты’ и одновременно ‘подонки общества’ [там же: 919]; то же со словом *macula* [там же: 609].

Подобное наблюдается и во фразеологии: примеры выражений, где идея позора, бесчестия или трудного положения связывается с грязным и мокрым, мы находим в разных языках. В русском языке известны такие выражения, как *замарать имя, смешать с грязью, вывалиться (извалиться) в грязи, забросать грязью, облить грязью, из грязи в князи* и т. п.

Обратимся только к тем выражениям, в которых человек так или иначе оказывается в некоей грязи. Так, в английском языке (перевод буквальный) находим: *to get into a mess* ‘попасть в грязь’, *to stick in the mire, to find oneself in the mire* ‘завязнуть, оказаться в грязи, в болоте’, *to bring in the mire* ‘втянуть в грязь’, [OED IX: 656, 837], *in the soup* ‘в супе, тумане’ [OED XVI: 57]. Аналогичная ситуация наблюдается во французском языке: *s'enfoncer dans un borbier* ‘увязнуть в грязи’ [LPRD 2000: 282], *traîner dans la boue* ‘смешать с грязью’ [GLLF I: 479]; и в немецком: *in der Patsche sitzen* ‘сидеть в грязи’, *in der Tinte sitzen / in die Tinte geraten* ‘сидеть / оказаться в чернилах’ [ШЕКАСЮК 2010: 717], где глагол *sitzen* не означает буквально сидячего положения: это многозначное слово значит здесь ‘помещаться, находиться, оказаться’ или ‘жить’, как и в русском языке (мы говорим *сидеть на хлебе и воде, сидеть в тюрьме, сидеть безвыездно на даче* и т. д.). Возможно, и в украинском выражении *посадив на кал (кого)* ‘поставил в безвыходное положение’ (буквально ‘посадил на грязь’) глагол *посадити* тоже означает ‘поместить, бросить’ [Грінченко II: 208–209]. Есть и аналогичное чешское выражение *octnout se v louži* ‘v nepřijemné situaci, v nesnážích’, с пометой “ob<ecný (výraz, tvar obecné češtiny)>” [SSJČ I: 1137], *octnout se v bryndě* с пометой “nepsis<ovný výraz>” как соответствие русскому *сесть в лужу* [RČS I: 428], ср. также *být, octnout se, zůstat, uváznout v bryndě* [SSJČ 1989: 174]. Итак, во всех упомянутых нами выражениях человек оказывается помещенным в грязное или мокрое: *in a mire, in a soup, in a puddle, in a mess, in der Patsche, на кал, v louži (bryndě)* или оказывается забрызганным, пачкается: *in der Tinte, into a spot*.

Образ, лежащий в основе всех этих выражений, один и тот же. За исключением выражений *to bring in* (или *to drag through*) *the mire* и *to put one's foot (feet) into it*, которое, кроме ‘влипнуть, облишуться’, означают еще: первое — ‘выставить на позор’, ‘облить грязью’, а второе —

‘совершить бестактный поступок’, — семантика их отличается от семантики русского выражения *сесть в лужу*. Во всех случаях они переводятся как *попасть в затруднительное положение, в трудную, безвыходную ситуацию, иметь неприятности, попасть в историю, быть в беде*. Смысл этих выражений можно передать одним словом: в разговорном стиле — *влипнуть, вляпаться*, в нейтральном — *погрязнуть* (оба глагола несут ту же идею помещения в липкое или грязное). Смысловое ударение в них стоит на грязи, в которую некто влип (погряз) или по-другому — застрял в ней. Например, к немецкому выражению *in der Tinte sitzen* предлагается, в частности, перевод *сидеть (как рак) на мели*, а у английского *to stick in the mud* (буквально ‘застрять в грязи, тине’) есть значение ‘отстать от жизни, века’. Остальные выражения, оставив за свободными словосочетаниями переносное значение ‘позор’ (которое, как говорилось ранее, имеется у слов с прямым значением ‘грязь, пятно’), во фразеологизмах делают актуальным другое переносное значение — ‘неприятность, беда’.

Семантика русских выражений *сесть в лужу* и *(не) ударить в грязь лицом* иная. В отличие от немецкого, английского и чешского, в русском языке *сесть в лужу* не означает ни ‘попасть (влипнуть) в историю’, ни ‘попасть в трудное положение’. За ним закрепилось значение не просто неловкого положения, а положения смешного, нелепого, глупого и позорного. Повторим, что во всех фразеологических словарях русского языка оно толкуется как ‘попасть в неловкое положение’, ‘ставить себя (или кого-то) в неловкое, глупое, смешное положение’, ‘осрамить(ся)’. Его синонимом является выражение *сесть в калошу*. Стилистические пометы, сопровождающие их в словарях, варьируются: *просторечное, разговорное, ироническое, шутовское, пренебрежительное* [Гуревич, Дозорец 1995: 419; КФСРЯ 1994: 208; ФСРЛЯ 2004 I: 556].

Однако ни поражение в кулачном бою¹, ни тем более потеря честного имени, ни публичный позор, ни лужи разврата не имеют ничего нелепого и смешного — напротив, только обидное, горестное, досадное или даже трагическое. Обратим внимание на то, что в других языках, в отличие от русского, аналогичные фразеологизмы не содержат насмешки. Если у слов *грязь, лужа* и подобных им имеется переносное значение *позор, порок, неприятность* или *беда*, то попадание в такую лужу (то есть в беду или неприятность) отнюдь не забавно и не может порождать насмешки.

В свободном сочетании и в коллокациях русский язык также знает подобные некомические употребления:

¹ Именно с кулачными боями обычно связывают происхождение этого выражения [СРФ 2007: 401; КФСРЯ 1994: 208; Кирсанова 2007: 239].

“Утверждать, что гениальность совсем ни к чему не обязывает, что гению все позволено, что он может без вреда для своего высшего призвания всю жизнь оставаться в болоте низменных страстей, это – грубое идолопоклонство, фетишизм ...” (В. С. Соловьёв, “Судьба Пушкина”, 1897)² [Соловьёв 1990: 346];

“...[отец] частенько по самые уши увязал в чужой грязи, желая то извлечь выгоду, то вдруг помочь очередному падшему ангелу...” (Дарья Симонова, “Сорванная слива”, 2002) [НКРЯ]; “С такими рассуждениями можно глубоко увязнуть в трясины сознания” (Андрей Ростовский, “По законам волчьей стаи”, 2000) [НКРЯ] (ср. словарную фиксацию с иллюстративными примерами: “Увязать, увязнуть в чем” – *в грехе, в пессимизме, в мелочах*; “**Увязать, увязнуть (по уши) в долгах** – делать большие долги, не имея возможности выплатить” [ФСРЛЯ 2004 II: 576]);

“Идя от такого толкования, исполнительница роли королевы нередко рисует ее женщиной, погрязшей в пороках” (К. С. Станиславский, “Моя жизнь в искусстве”, 1925–1928) [НКРЯ] (ср.: “**П о г р я з н у т ь** во что-либо, в чем-либо” [ССРЛЯ X: 206]; “Погрязать, утопать увязать и т. п. в т и н е ; погружаться, окуна́ться в т и н у ” – *в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей* (Н. А. Некрасов); в тине пошлого, мещанского существования (А. П. Чехов) [ССРЛЯ XV: 441–442]);

“...мой отец не хотел влипнуть в историю и поэтому решил его окружить забором ” (В. В. Набоков, “Случай из жизни”, 1935) [НКРЯ] (ср.: *влипать* “Переносно. В просторечии. Попастъ в неприятное положение” [ССРЛЯ II: 453]);

“Въ ужасѣ слушалъ эти рѣчи упавшій съ неба прямо въ лужу идеалистъ и въ ужасѣ бѣжалъ изъ цвѣточной лавочки...” [Смирновъ 1895: 41];

“Въ лужѣ-то тоже не ахти какъ пріятно лежать – на сухомъ-то всякому пріятнѣе. И почему вы знаете? можетъ, я эту лужу наполовину слезами моими наполнилъ, воплями моими скорбными всколыхнулъ?...” [Андреевъ 1906: 255];

“Мы видимъ, что именно толкаетъ его сзади, и что именно манитъ его впереди. Онъ бросается стремглавъ въ лужу крови и грязи, что конечно довольно странно со стороны образованнаго и высоко-развитаго молодого человѣка...” [Писаревъ 1868: 211];

² Этот и последующие примеры найдены в [НКРЯ], а также дополнительно при помощи “Библиотеки Максима Мошкова” (электронный ресурс; режим доступа: <http://lib.ru/~moshkow>).

“Какъ вы назовете ее [Софью Семеновну] за этотъ поступокъ: грязную потаскушкою, бросившею въ уличную лужу святяню своей женской чести, или великодушною героинею, принявшею съ спокойнымъ достоинствомъ свой мученическій вѣнецъ?” [там же: 221];

“...отыскал Зою Монроз, тварь, грязную гадину, подобранную в луже...» (А. Н. Толстой, “Гиперолоид инженера Гарина”, 1925–1927) [НКРЯ];

“...замечательный скрипач погибает в грязной луже разврата” [Виноградов 1936: 86];

“Если Вы читали когда-нибудь пародии Добролюбова, то, может быть, примените ко мне, по этому случаю, его знаменитое // Мы сознали: в грязной луже // Мы давно стоим, // И чем далее, тем хуже // Все себя грязним” (И. Ф. Анненский, Письмо А. В. Бородиной, 1900) [Анненский 1979: 448];

“Я плохо вѣрю, чтобы у челоѡѡка, поднявшагося на вершину власти, могъ быть честны й о т к р ы т ы й в з г л я д ъ. Слишкомъ много лужъ расположено на пути къ королевскимъ и республиканскимъ тронамъ, — очень трудно пройти не оступившись” [Алдановъ 1925: 116; разрядка оригинала. — Ю. К.];

“Мой врютился олень по самы въ лужу уши” (“Два оленя”) [Сумароковъ 1769: 28]. Выражением *врютиться*³ *въ омутъ, въ лужу*, видимо, не без влияния сумароковской басни, передаётся французское *s’engager dans un borbier* в [Лексиконъ 1786: 130].

На фоне всех приведённых выражений хотелось бы понять причину, по которой в русском языке внешне столь схожее со всеми упомянутыми выражение *сесть в лужу*, во-первых, имеет другое значение (изначально или приобрело его позднее), чем в английском, чешском и немецком языках, а во-вторых — стоит особняком стилистически. Подобно русскому, аналогичное чешское выражение *octnout se v louži / bryndě* относится к разговорному регистру.

Значение ‘осрамить(ся)’ есть и во втором упомянутом русском выражении (*не*) *ударить в грязь лицом* — очень сходном с английским *to fall flat on one’s face*, только в английском падают лицом не в грязь, а в дословном переводе на русский — лицом вниз. Его просторечный вариант — *в лужу клюнуть* (напр.: “Да вот... Храбрец ваш стреляет. Думал, в

³ Глагол *врютиться*, кроме прямого ‘увязнуть, влѣзть въ грязь’, имел переносные значения: ‘попасть въ бѣду, въ долги’ и — ‘врѣзаться, влюбиться очертя голову’ [Даль I: 642]. Если учесть русские выражения *увязнуть по уши* и *влюбиться по уши*, а также культурно-литературный контекст, то игру слов в притче Сумарокова надо, скорее всего, понимать как “галантную” шутку.

лужу клюнет, ан нет” (Г. Г. Белых, “Дом весёлых нищих”, 1930) [НКРЯ]⁴. Попробуем сопоставить выражения (*не*) *ударить в грязь лицом* и *сесть в лужу*.

Первое, без отрицания, *толкуется как* ‘не сберечь, обесчестить’ [ФСРЛЯ 1991 II: 216]; чаще же оно употребляется с отрицанием и означает ‘не оплошать, не осрамиться, выполнив что-либо наилучшим образом; показать себя с лучшей стороны в чем-либо’ [ФСРЯ 1978: 490] или ‘не опозориться, не осрамиться, показать себя с хорошей стороны (перед кем-л.)’ [СРФ 2007: 169]. Это выражение авторы словаря возводят “к состязаниям борцов, в которых случалось, что слабого соперника опрокидывали ничком на землю” [там же]. Почти то же самое сообщается и о выражении *сесть в лужу*: “Выражение собственно русское. Происходит от игрищ — боев, драк, в которых один из соперников мог быть повержен на землю, в грязь” [СРФ 2007: 401]. Особо отметим, что пока никем не доказано не только собственно русское происхождение данных выражений, но и их отношение к кулачным боям. Поэтому выражение может как восходить к кулачным боям, так равно и не восходить к ним.

Так или иначе, но бытовая ситуация, послужившая источником обоих выражений, по устоявшемуся мнению, как будто бы одна и та же, однако по какой-то причине в выражении (*не*) *ударить в грязь лицом* не подразумевается комическое или неловкое положение, нет в словарях и соответствующей стилистической пометы. В то же время всякий носитель русского языка знает, что *ударить в грязь лицом* — это просто позорно, а *сесть в лужу* — это позорно, при этом смешно и нелепо. Следовательно, в толковании словарями смысла обоих выражений не может быть никакого сомнения: *п о з о р н е к о м и ч е с к и й* в одном случае и *п о з о р к о м и ч е с к и й* — в другом.

Если обратиться к словарю В. И. Даля, то выражение *ударить в грязь лицом* обнаружим в словарной статье “Грязь”. Есть там и примеры употребления: *Не ударь лицомъ въ грязь* ‘не опозорься’; *Небось, лицомъ въ грязь не ударимъ!* [Даль I: 997]. А вот выражения *сесть в лужу* в словаре, подготовленном самим В. И. Далем, мы не отыщем. Мы увидим его (в словарной статье “Лужа”) только в издании Бодуэна де Куртенэ, т. е. это *п о з д н е й ш а я* *в с т а в к а*. Также в словаре Даля не приводится и выражение *сесть в калошу*, хотя слово *калоша* давно укоренено было в живом великорусском наречии, и само оно в словаре имеется. Изначально последнее выражение было абсолютным синонимом *сесть в лужу*, так как первоначально оно выглядело как *сесть в калюжу* (*ка-*

⁴ Глагол *кльннуться*, по Далю, имеет значение ‘упасть носомъ, лицомъ, шлепнуться’ [Даль I: 287]. Известно также выражение *клевать носом* — “Опускать, забывшись на мгновение, голову. О дремлющих сидя” [ССРЛЯ V: 1005].

лужу); впоследствии слово *калюжа*, или *калуга*, *калюжа* ‘лужа, грязь’ и ‘стоячая вода’ контаминировалось со словом *калоша*.

Почему же два синонимичных выражения — *сесть в лужу* и *ударить в грязь лицом*, различающиеся, казалось бы, только стилистически, — испытали столь различное к ним отношение со стороны В. И. Даля?

Оставив в стороне кулачные бои, попробуем непредубежденно вдуматься в семантику выражения *сесть в лужу*. В русском языке оно имеет лишь два варианта — с глаголами *сесть* и *садиться*⁵. Похожие с виду выражения имеют другие значения: например, *клюнуть в лужу* означает ‘ударить лицом в грязь’, а *ерыкнуть*⁶ *в лужу* [СРНГ 17: 181] (из кашинских материалов 1897 г., Тверская губерния) означает ‘сказать что-л. невпопад, ляпнуть’ и таким образом синонимично выражению *попасть пальцем в небо*. В аналогичных выражениях других рассмотренных нами языков используются глаголы *to find oneself, to be, to get, sitzen, geraten* или *ochnout se*. Их общее значение ‘оказаться, очутиться’ превращает глагольный компонент в своего рода связочный глагол, так что семантический центр выражения смещается на именную компонент: важно, в чём именно человек оказался и застрял. В русском языке здесь употребляются обычно глаголы или *сесть*, или *посадить*: *сесть в лужу (калошу)*, *посадить в лужу (калошу)*. В значении ‘находиться, пребывать’ русский язык употребляет только глагол несовершенного вида *сидеть*, тогда как его видовая пара *сесть* в значении ‘оказаться’ встречается только в сочетании со словами *тюрьма, арест* и т. п. (когда речь идет, конечно, только о человеке). Во всех остальных случаях глагол *сесть* связывается с сидячим положением. Это-то, возможно, и сыграло злую шутку с русским выражением: вместо значения ‘увязнуть в грязи, болоте, трясине бед, трудностей или пороков’, как в других языках, смысловое ударение было перенесено на глагол *сесть*, и свой комический оттенок выражение приобрело благодаря актуализации именно прямого значения глагола *сесть* (то же произошло и с украинским выражением *сідати/сісти в калюжу*, где оно тоже обозначает неловкое и с м е ш н о е

⁵ При этом, казалось бы, с близким глаголом *сидеть* это выражение (с иным управлением: *в луже*) употребляется значительно реже. Так, в Основном корпусе [НКРЯ] на запрос “сесть + в + лужа” (здесь и далее — с расстоянием от одного до двух слов между заданными леммами, а также с учётом инверсии компонентов) результатов с подходящим значением оказалось 36; на “сидеть + в + лужа” — всего три, причём самый ранний напоминает фольклорную прибаутку: “Яблочко от яблони недалеко падает. Получше ли, похуже, а сидеть нам в луже, покелева господу власть имеют...” (Г. И. Чулков, “Кинжал”, 1925).

⁶ Сам же глагол *ерыкнуть* или *ерыкнуть* (несов. *ерыкать* и *ерыкать*) в тех же тверских говорах значит ‘кричать’, ‘бить, стегать (часто сильно)’, ‘скоро и с шумом делать что-либо’ или, наконец, ‘громко испускать газы’ [СРНГ 9: 38]. Наиболее экспрессивным выражение *ерыкнуть в лужу* кажется, если входящий в него глагол имеет последнее значение (именно здесь ударение глагола в словаре не указано), ср. современное городское выражение: *Сказал, как в лужу пёр[д]нул* [Химик 2004: 300].

положение [Олійник, Сидоренко 1991: 156, 356; ФСУМ II: 808]⁷. Вследствие того, что в языке имелось два синонимичных выражения *ударить в грязь лицом* и *сесть в лужу*, их значения дифференцировались.

Мы попробуем истолковать это выражение, исходя из прямого значения входящего в его состав глагола. Задумаемся для начала над тем, почему в лужу именно *салятся* (или *сажают*), что кажется всем комичным, т. е. в лужу не *падают* (что, казалось бы, выглядит забавнее), не *вступают* в нее, не *вязнут* в ней (что просто не смешно). В какой такой луже и грязи может оказаться человек, тем более сесть в неё, ставя себя тем самым в нелепое, смешное положение, и осрамиться? Вполне возможно, что русское *сесть в лужу* было когда-то синонимично аналогичным выражениям в других языках⁸. Результатом *сидения* в грязи неизбежно оказывается запачканный зад, а это вызывает свои, простонародно-комические, ассоциации, что, возможно, и изменило образ, лежащий в основе фразеологизма.

Предлагаем следующую догадку, объясняющую, почему *лицом в грязь* — это просто позорно, а *задом в грязь* — это позорно и при этом смешно: если у человека прилюдно оказался запачкан зад, то вполне можно подозревать, что он прилюдно *сделал лужу*, сделал её сам, а не воспользовался лужей внешней, иными словами — он *обделался* или *обмочился* и сидит в образовавшейся луже (для чего, кстати, вовсе не обязательно участвовать в кулачных поединках). Синонимом слова *обделаться* является грубое, непристойное слово *обосраться*. Для обладателей низкопробного простонародного юмора такое положение превращает человека в посмешище. Ситуация, кстати, не такая уж искусственная: как известно, не только с человеком, но и со зверем случается подобное от сильного страха или другого потрясения. В русском языке существуют и другие подобные выражения: вместо *трусить*, *бояться* употребляются грубо-просторечные выражения *наделать (наложить/накладывать) полные штаны (в штаны) [со страху, от страху]* [Химик 2004: 741], *напустить в штаны* и *сделать лужу*. Испугаться до мокрых или грязных штанов — это, конечно, очень смешной позор, опозориться таким образом и есть *сесть в лужу*. Над трусостью же, в отличие от простого поражения в поединке, всегда смеются, потому выражение это и толкуется в словарях соответствующим образом.

Не из-за грубого ли смысла этого выражения Даль не включает его в свой словарь, а словарь чешского языка указывает на нелитературность

⁷ Ср. также украинское *посадити в калюжу кого*, в котором уже нет комической составляющей: “Поставити кого-небудь в дуже незручне становище; переважити когось успіхами, результатами” [ФСУМ II: 679].

⁸ Даже украинское *посадити на лід* [Гринченко III: 357] обозначает ‘поставить въ затрудненіе’.

аналогичного выражения [РСД I: 428]? Вполне возможно, что Даль счёл его оскорбляющим чувство приличия, ведь известно, что великий лексикограф избегал, по возможности, неприличия в своем словаре, предназначая его для семейного чтения в культурном обществе с целью знакомства с языковым богатством своего народа. А не о всяком предмете и не всякими словами не во всяком обществе позволительно упоминать.

Хотелось бы, ссылаясь не только на употребление этих выражений в русском языке, но и на толкование в некоторых словарях, уточнить само их значение. Например, во “Фразеологическом русско-английском словаре” переходящее из одного словаря в другой толкование выражения *сесть в лужу* значительно расширено. Здесь наряду с пометами *разг., иронич. или шутл.* и обычным для всех словарей пояснением уточняется: “О человеке. Обычно в ситуации, когда не осуществились чьи-л. многообещающие прогнозы, планы, расчеты. To make an ass (a fool) of oneself” [букв. *сделать из себя осла (дурака)*. — Ю.К.] [Гуревич, Дозорец 1995: 419]. То же и в словарях украинского языка [Олійник, Сидоренко 1991: 156, 356; ФСУМ II: 808]: выражение *сідати (сісти) в калюжу* толкуется там наряду с ‘попасть в неловкое положение’, ‘потрапляти у дуже незручне або смішне становище’ и как — ‘потерпеть неудачу’, ‘заснавати у чомусь невдачі’. То же отмечается и в “Русско-английском словаре переводчика”: “To end up in an embarrassing position due to one’s failure to do something properly, making a blunder, revealing one’s ignorance, etc.” [оказаться в неловком положении из-за своей не способности сделать что-то должным образом, совершив грубый промах, обнаружив свое невежество и т. п. — Ю.К.] [Кузьмин 2006: 321]. Такое же уточнение смысла выражения дает и словарь [ФСРЛЯ 2004 I: 556]: “попасть в неловкое, глупое положение, потерпеть неудачу” [разрядка наша. — Ю.К.] и [СРЯ II: 203]: “оказаться в глупом, неловком положении, потерпеть неудачу” [разрядка наша. — Ю.К.]. Р. И. Яранцев толкует его следующим образом: ‘допускать грубый промах в речи или в поведении (поступке), ставить себя в глупое, неловкое положение’ [Яранцев 2007: 830]. Мы видим, что у последнего автора на первое место ставится речевой промах, как и в выражениях *попасть пальцем в небо*, *ерыкнуть (пёрнуть) в лужу*, т. е. ‘не туда попасть, промахнуться, сказать наобум’, или в глаголе *ляпнуть*. Однако чаще всего глупое положение, описанное выражением *сесть в лужу*, проистекает не из словесной неудачи, а неудачного поступка.

Вспомним, какие слова употребляют наши не связанные цензурой соотечественники, когда кто-то, к кому относятся недоброжелательно, осрамился, оказался дураком, неучем и особенно “не осуществил свои многообещающие прогнозы” или “потерпел неудачу”, — о таком чело-

веке так и говорят: *обосрался* (или несколько более пристойно: *обделался*). Получается, что одним и тем же словом русское просторечие обозначает и трусость, и невыполнение притязаний. Объединяет их идея обнаружения несостоятельности, ведь трусость — это тоже несостоятельность, только моральная. Человеку угрожали — и он от страха *обоссался, обосрался*; человек наобещал, нахвастал, но оскандалился, провалился, осрамился — и про него говорят то же самое. Почти так же выражаются о людях, когда те по собственной глупости упускают что-то из рук, не удерживают за собой: *они просрали*, ср. [Химик 2004: 505].

То, что мы назвали несостоятельностью, можно счесть за простую слабость: *человек не удержал, не выдержал*. “Держание” (ср. с церковнославянским *держава* ‘сила, власть’) — признак силы, а “недержание” — признак слабости (ср. медицинский термин *недержание мочи/кала*). Образ этот не только русский. Например, мы говорим: *держат экзамен, выдержат испытание*. Если кто-то экзамен не выдержал, то говорят: *провалился*. В немецком языке провал на экзамене передают словом *der Durchfall*⁹ — этим же самым словом обозначают и диарею. Когда человек проявляет неспособность *удержать*, т. е. демонстрирует слабость, часто используется образ проницаемости, незамкнутости, пропускания мимо или через себя: *профукать, просвистеть, просрать, проморгать, прохлопать, провалить* и т. п. Заметим, что все слова этого ряда разговорные или просторечные. Цепочка ассоциаций простая: ты провалился → обделался → у тебя запачкан зад → значит, ты посидел в грязи, то есть ты *сел в лужу*.

Подобное «загрязнение зада» никак не походит на марание честного имени и настоящий, серьезный публичный позор: речь здесь идёт именно о позоре смешном, позоре проваленных хвастливых притязаний, т. е. о типичном случае создания комического. Сказать при этом просто, что человек *попал в неловкое положение*, как дружно предлагает нам большинство фразеологических словарей, нельзя — это всё-таки позор и срам довольно специфический.

В пользу нашей догадки приведём ещё один довод. Стоит вернуться к фразеологическим словарям и рассмотреть цитаты, приводимые для иллюстрации нашего выражения. Сразу отметим, что в словаре М. И. Михельсона со значением ‘запачкаться, замараться, осрамиться’ *даётся лишь выражение попасть в лужу* (иноск.), выражение же *сесть в лужу* вообще отсутствует [Михельсон 1997: 87, № 702].

Многие позднейшие словари используют из дореволюционной русской литературы следующие цитаты: 1) одну из пьесы А. В. Сухова-Кобылина “Свадьба Кречинского” (1854), другую — из пьесы М. Горького

⁹ Не исключено, что русское слово калькирует немецкое.

“На дне” (1902) — в обоих случаях выражение употребляется героями малообразованными, и это употребление можно считать за их отрицательную речевую характеристику [ФСРЯ 2001: 377; КФСРЯ 1994: 208; Гуревич, Дозорец 1995: 419]; 2) несколько цитат из произведений советских писателей (М. С. Колесникова, А. И. Мусатова, В. В. Овечкина, Б. С. Ромашова [там же] или Ф. А. Абрамова и В. Н. Ерёменко [ФСРЛЯ 1991 II: 137]. Никаких других, а главное — более ранних по времени цитат не нашлось. Характерно, что для иллюстрации выражения (*не*) *ударить в грязь лицом* у составителей словарей найдены цитаты из произведений Я. Б. Княжнина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, А. А. Фета, Ф. М. Решетникова, а для выражения *сесть в лужу* на всём пространстве русской классической литературы XIX в. находится лишь одна цитата — у Сухово-Кобылина.

Опасаясь, что это обычная инерция цитирования из словаря в словарь одного и того же произведения, мы провели поиск выражения *сесть в лужу* в [НКРЯ]. Кроме указанных выше примеров из Сухово-Кобылина и Горького¹⁰, это выражение в интересующем нас значении до конца первой четверти XX в. встречается ещё девять раз¹¹: в романе “Мать” (1906) и повести “Дело Артамоновых” (1924–1925), в повести Ф. Д. Крюкова “Шквал” (1909), в мемуарах А. М. Ремизова “Взвихренная Русь” (1917–1924), дважды у Д. С. Мережковского в романе “Александр первый” (1922), в “Географическом дневнике Тибетской экспедиции” (1923–1924) П. К. Козлова, в рассказе М. А. Булгакова “Увертюра Шопена” (1924), наконец, в историческом романе О. Д. Форш “Одеты камнем” (1924–1925). В тексте последнего герой, от лица которого ведётся повествование, вспоминает несбывшееся предсказание парижской гадалки и оценивает его следующими словами: “Да, с предсказанием m-те де Тэб, как говорили у нас в корпусе, села в лужу”, — и здесь примечательна ремарка *как говорили у нас в корпусе* (т. е., вероятно, в кадетском или кавалерийском корпусе, так как герой — отставной военный). Трудно судить, насколько О. Д. Форш была знакома с речью дореволюционных кавалеристов, но то, что именно ей она приписала выражение *сесть в лужу*, свидетельствует, во-первых, об ограниченной его употребитель-

¹⁰ Ср.: “Муромский (уходя). Посередь-то высшего общества не сесть бы в лужу. Атуева. И в лужу не сяду!” (А. В. Сухово-Кобылин, “Свадьба Кречинского”, 1854); “Сатин (Барону, смеясь). Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу! Образованный человек, а карту передернуть не можете...” (Максим Горький, “На дне”, 1902).

¹¹ Ещё одно употребление найдено нами за пределами [НКРЯ] — в романе Л. Н. Андреева “Сашка Жегулев” (1911): “...[Колесниковъ] вель себя какъ самый обыкновенный знакомый: разспрашивалъ Сашу о гимназии и подшучивалъ надъ гимназистами, которые недавно съѣли въ лужу съ неудавшейся забастовкой” [Андреевъ 1912: 66].

ности, во-вторых, связывает его с военным обществом, где, в отсутствие дам, речевая несдержанность — явление более чем обычное.

Кроме выражения *сесть в лужу*, в [НКРЯ] в интересующий нас период нашлись также более редкие *посадить в лужу* и *попасть в лужу*:

“Посылаю Вам мою маленькую статейку о дисперсии, в которой я наших астрономов посадил в ту лужу, где им, очевидно, очень хочется посидеть: они так трогательно-безграмотны по физике и так самодавлеющи в своей махровой бесталанности, что не знаешь, к какой категории «ученых» их и причислить” (из научной переписки Н. П. Лебедева, 1909);

“Итак, не будемте парить в эмпириях, ибо рискуем попасть пальцем в небо; но не будем и чересчур принижаться, ибо рискуем попасть в лужу” (М. Е. Салтыков-Щедрин, “Мелочи жизни”, 1886–1887);

“...скромный провинциал, вовремя не осведомленный об этом, попадает в лужу уже на Николаевском или даже на Варшавском вокзале; он считается с явную администрацией Петербурга: теневого паспорта у него нет” (Андрей Белый, “Петербург”, 1913–1914).

Однако *попасть в лужу*, скорее всего, не подразумевает никакого смешного или нелепого позора, а обозначает просто трудное положение, беду, как, вероятно, и гораздо более раннее *врютился в лужу* у Сумарокова.

Таким образом, семантика выражения *сесть в лужу* (ещё раз подчеркнём, что только в русском и украинском языках оно имеет дополнительное значение ‘потерпеть неудачу и поэтому осрамиться’), а также его стилистическая окраска в русском языке (из-за семантического сближения с просторечным глаголом, имеющим то же значение) препятствовали широкому употреблению его в классической русской литературе XVIII–XIX вв. Помешало это также и лексикографированию его в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. В живом языке оно, конечно, продолжало существовать и было понятно современникам Даля, но имело для них иную внутреннюю форму, чем та, которая мыслится сейчас. Теперь же, когда выражение стало широко употребительным в печатных изданиях, совершенно очевидно, что перед глазами пишущих стоит не непристойная картина, а вполне безобидная: дескать, шёл человек по улице, грохнулся задом в лужу, и все засмеялись; или проиграл кулачный бой — и это якобы тоже всем смешно.

Время появления выражения *сесть в лужу*, судя по его употреблению в качестве литературного, печатного, приходится на период нака-

нуне и после революции 1905 года, а окончательно узаконивается уже после 1917 г. Культурный упадок в обществе, сопровождающий любую революцию, делает это появление объяснимым. Стихия просторечия, хлынувшая в печать, стала одним из признаков вседозволенности, свойственной той эпохе.

Однако ещё в 1936 г. призрак «непечатности» этого выражения, по крайней мере для детской книжки, очевидно, ещё витал перед авторами: в конце сказки “Золотой ключик, или приключения Буратино” А. Н. Толстой, *посадив в лужу* Карабаса Барабаса (потерпевшего поражение, упустившего кукольный театр и начисто *посрамлённого*), сажает его всё-таки в лужу *под дождём*, объясняя как бы природное, не человеческое, её происхождение.

Постепенное забвение внутренней формы, а также распространённость аналогичных, но стилистически нейтральных иноязычных выражений привело к сближению грубо-просторечного выражения *сестъ в лужу* с нейтральными выражениями типа *ударить в грязь лицом*, что и сделало возможным его широкое употребление в наши дни.

Источники

Алдановъ 1925

Алдановъ М. А. *Чортовъ мостъ*, [Berlin], 1925.

Андреевъ 1906

Андреевъ Л. Н., “Савва. Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ”, *Сборникъ товарищества “Знаніе”*, 11, С.-Петербургъ, 1906, 229–334.

Андреевъ 1912

Андреевъ Л. Н., *Сашка Жегулевъ. Романъ въ двухъ частяхъ*, Berlin etc., [1912].

Анненский 1979

Анненский И. Ф., *Книги отражений*, Москва, 1979.

Виноградов 1936

Виноградов А. К., *Осуждение Паганини. Роман*, Москва, 1936.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка [электронный ресурс; режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru/>]

Писаревъ 1868

Писаревъ Д. И., “Борьба за жизнь (Преступление и наказаніе, Ф.М. Достоевскаго. Двѣ части 1867 г.)”, в: *Сочинѣнія Д. И. Писарева*, 9, изданіе Ф. Павленкова, С.-Петербургъ, 1868, 204–261.

Смирновъ 1895

Смирновъ В. Д., *Аксаковы. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ*, С.-Петербургъ, 1895.

СОЛОВЬЕВ 1990

СОЛОВЬЕВ В. С., *Стихотворения. Эстетика. Литературная критика*, Москва, 1990.

СУМАРОКОВЪ 1769

Притчи Александра Сумарокова, 3, Въ Санктпетербургѣ, 1769.

Словари

ГРИНЧЕНКО I–IV

Словарь української мови зібрала редакція журналу "Кієвская Старина", Упорядкував, з додатком власного матеріялу, Б.Д. Грінченко, Київ, 1907–1909 (= *Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Кієвская Старина»*, Редактировалъ, съ добавленіемъ собственныхъ матеріаловъ, Б.Д. Гринченко, Кіевъ, 1907–1909.)

ГУРЕВИЧ, ДОЗОРЕЦ 1995

ГУРЕВИЧ В. В., ДОЗОРЕЦ Ж. А., *Краткий русско-английский фразеологический словарь*, Москва, 1995.

ДАЛЬ I–IV

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, 3-е, испр. и значительно доп., изд. подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, С.-Петербург, Москва, 1903–1909.

ДВОРЕЦКИЙ 1976

ДВОРЕЦКИЙ И. Х., *Латинско-русский словарь*, Москва, 1976.

КИРСАНОВА 2007

КИРСАНОВА А., *Толковый словарь крылатых слов и выражений*, Москва, 2007.

КУЗЬМИН 2006

КУЗЬМИН С. С., *Русско-английский словарь переводчика*, Москва, 2006.

КФСРЯ 1994

БЫСТРОВА Е. А., ОКУНЕВА А. П., ШАНСКИЙ Н. М. *Краткий фразеологический словарь русского языка*, 2-е изд., С.-Петербург, 1994.

ЛЕКСИКОНЪ 1786

Полной Французской и Россійской Лексиконъ, съ послѣдняго изданія Лексикона Французской Академіи на Россійской языкъ переведенный Собраніемъ Ученыхъ Людей, 1, Въ Санктпетербургѣ, 1786.

МИХЕЛЬСОН 1997

МИХЕЛЬСОН М. И., *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*, 2, Москва, 1997.

ОЛІЙНИК, СИДОРЕНКО 1991

ОЛІЙНИК І. С., СИДОРЕНКО М. М., *Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник*, Київ, 1991.

СРНГ

Словарь русских народных говоров, вып. 1–43–, Ленинград, С.-Петербург, 1965–2010–.

СРФ 2007

БИРИХ А. К., МОКИЕНКО В. М., СТЕПАНОВА Л. И., *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*, Москва, 2007.

СРЯ II

Словарь русского языка, 2, 4-е изд., стер., Москва, 1999.

ССРЛЯ I–XVII

Словарь современного русского литературного языка, I–XVII, Москва, Ленинград, 1950–1960.

ФСРЛЯ 1991 I–II

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в., под ред. А. И. ФЕДОРОВА, I–II, Новосибирск, 1991.

ФСРЛЯ 2004 I–II

КОРОЛЬКОВА А. В., ЛОМОВ А. Г., ТИХОНОВ А. Н., *Фразеологический словарь русского литературного языка, I–II*, под ред. А. Н. ТИХОНОВА, Москва, 2004.

ФСРЯ 1978

ВОЙНОВА Л. А., ЖУКОВ В. П., МОЛОТКОВ А. И., ФЕДОРОВ А. И., *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А. И. МОЛОТКОВА, Москва, 1978.

ФСРЯ 2001

ВОЙНОВА Л. А., ЖУКОВ В. П., МОЛОТКОВ А. И., ФЕДОРОВ А. И., *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А. И. МОЛОТКОВА, Москва, 2001.

ФСУМ I–II

Фразеологічний словник української мови, уклад. Б. М. Білоноженко та ін., I–II, Київ, 1993.

ХИМИК 2004

ХИМИК В. В., *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, С.-Петербург, 2004.

ШЕКАСЮК 2010

ШЕКАСЮК Б. П., *Новый немецко-русский фразеологический словарь*, изд. 2-е, перераб. и доп., Москва, 2010.

ЯРАНЦЕВ 2007

ЯРАНЦЕВ Р. И., *Русская фразеология. Словарь-справочник*, 5-е изд., стер., Москва, 2007.

GLLF I

Grand Larousse de la langue française en sept volumes, 1, Paris, 1971.

LPRD 2000

Le petit Robert Dictionnaire de langue française, nouvelle édition du petit Robert de Paul Robert, Paris, 2000.

OED I–XX

SIMPSON J. A., WEINER E. S. C., ed., *Oxford English Dictionary*, 2nd Edition, I–XX, Oxford, 1989.

RČS I–II

Rusko-český slovník, zpracoval lexikografický kolektiv za vedení L. V. КОРЕСКЕНО а О. ЛЕШКУ, Praha, Moskva, 1978 (= *Русско-чешский словарь*, под ред. Л. В. КОПЕЦКОГО и О. ЛЕШКИ, Москва, Прага, 1978).

SSJČ I–II

Slovník spisovného jazyka českého, I–II, Praha, 1960–1964.

SSJČ 1989

Slovník spisovného jazyka českého, 1, Praha, 1989.

Юлия Борисовна Камчатнова

Москва

julia.kamchatnova@gmail.com

Примечание редактора

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть собственно русское происхождение выражения *сесть в лужу* (в первую очередь — его семантических и стилистических отличий от рассмотренных в заметке Ю. Б. Камчатновой аналогичных иноязычных выражений), необходимо проверить весь славянский фразеологический фонд на наличие в нём единиц, схожих с русским *сесть в лужу* как по лексическому составу, так и по семантике. Во-первых, общеславянские формы **kaluga*, **kaluža*, **luža* развили в современных славянских языках и диалектах множество значений, обросли дериватами и вошли в состав устойчивых словосочетаний, в том числе идиоматичных [ЭССЯ 9: 125–127; 16: 217–220]. Во-вторых, имеется множество славянских слов со значениями ‘лужа’ и ‘грязь’, образованных на базе других корней. Возможно, ничего подобного русскому *сесть в лужу* и не найдётся, но нулевой результат в данном случае оказался бы довольно важен.

В добавление к заметке Ю. Б. Камчатновой мы предлагаем материалы, извлечённые только из двух больших словарей литературных славянских языков — польского [USJP] и сербохорватского [PCKJ] (точные указания на номера томов и страниц не приводятся).

Слово *kałuža* не имеет в польском языке переносного значения и входит лишь в одно устойчивое выражение, впрочем, не идиоматичное (книжное *Kałuža, błoto, woda stoi, woda stoi w kałuży* ‘kałuža, błoto, woda itp. nie wysycha, stale gdzieś jest’). Другие семантически близкие слова и фразеологизмы, включающие их в себя:

— *błoto* ‘грязь’ (книжное, переносное) ‘sytuacja, środowisko dwuznaczne moralnie, budzące potępienie; demoralizacja, zepsucie’ (речение: *Wpaść w błoto rozpusty*); устойчивые выражения: *wdeptać kogoś w błoto* ‘zniszczyć kogoś psychicznie, moralnie’; книжное *obrzucić kogoś błotem* ‘powiedzieć o kimś wiele złych rzeczy; oszkalować, zniesławić’; *obrzucić się błotem* ‘powiedzieć wiele złych rzeczy o sobie nawzajem’; *zmieszać, mieszać kogoś z błotem* ‘naubliżać, ubliżać komuś, zniesławić, oczernić, oczerniać kogoś’;

— *brud* ‘грязь’ (книжное) ‘niemoralne, nieuczciwe postępowanie; nieuczciwość, zło’.

Сербохорватские слова интересующей нас семантики, которые, по данным словаря, не входят в состав ни одного фразеологизма: *лужа, лужина 2, кълъа, кълуга* (в т. ч. ср. 2. ‘човек морално пропао, нитков’), *кълужа, кълужина 1; лѡква ‘лужа’, лѡквица, локвѣтина; бѡра ‘лужа’, барѣтина, бѡрина, бѡрица; мѡчвара ‘лужа’, мѡчвѡр, мѡчварина, мѡчварица; прљѡвишина ‘грязь’* (в т. ч. ср. 2. ‘нечасност, непоштење; нечасно дело, неморалан, ружан поступак’); *ћубре ‘навоз; мусор’, смѣће ‘мусор’, нечистѡћа, нечистѡта* (в т. ч. ср. 2. ‘срамота, непоштење’).

Единственное сербохорватское слово (и его ближайший дериват), которое активно задействовано во фразеологии, — *блѡто, блѡтина* ‘лужа; грязь’ (пере-

носно: 'поквареност, нискост, порок; срам, понижење'): *бацити се, бацати се блатом на кога, бацити, бацати* ~ (на кога), (о)каљати блатом (кога), *вући (кога) по блату* '(о)клеветати, увредити, вређати'; *вући у* ~ 'кварити морално'; *извлачити кола из блата* 'напорно радити, запињати'; *извући, извлачити, (из)вадити кога из блата* 'спас(ава)ти кога од неке срамоте, из било какве беде'; *као блата* 'врло много'; *пасти (срозати се, потонути и сл.) у* ~ 'изгубити образ, част, осрамотити се'; *правити кога од блата* 'жалити за ким (кога више нема)'; *срозати, оборити (кога или што) у* ~ 'унизити, упрљати, укаљати'.

Словари

РСКЈ

Речник српскохрватскога књижевног језика, I–VI, Матица Српска, Матица Хрватска, Нови Сад, Загреб, 1967–1976.

ЭССЯ

Этимологический словарь славянских языков, вып. 1–37–, Москва, 1974–2011–.

USJP

DUBISZ S., red., *Uniwersalny słownik języka polskiego, I–IV*, Warszawa, 2003 (= wersja elektroniczna 1.0, na CD, 2004).

А. И. ГРИЩЕНКО

Christian Raffensperger,

Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World

(Harvard Historical Studies, 177), Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, London, England, 2012, 329 p. ¹

Fjodor Uspenskij

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow

Фёдор Борисович Успенский

Институт славяноведения РАН, Москва

This book by Christian Raffensperger is written in a very comprehensive form and suitable for a wider audience rather than only for scholars of Russian History. The work is focused on the main idea that the medieval Rus' in the 11th and 12th centuries was an organic part of the total European political space. This idea is illustrated by the author through a wide range of material, his study refers to the matrimonial ties of the Russian princely dynasty with the ruling families of Europe, regarding the capital of the Kievan Rus' as a center of European trade. He analyzes the features of difference and similarity in the transformations of the Christian tradition in Scandinavia and Rus', his main interests being obviously focused on the genealogical ties and dynastic names that most safely reflected the Russian-European contacts of the epoch.

Such an approach seems rather efficient. Quite doubtless in my opinion is the author's concept about the Rus' being incorporated in the cultural and political con-

1 The results of the project *Eastern and Western Europe in the Middle Ages and Early Modern Period: historical and cultural commonalities, regional peculiarities and the dynamics of interaction*, carried out within the framework of The Basic Research Program of the National Research University "Higher School of Economics" (Moscow) in 2012, are presented in this work.

text of Medieval Europe. Certainly, this assertion is not at all new for Medievalists: it is already found, for example, in the historiography of the turn from the 19th to the 20th century and it has presented the generally accepted point of departure for a large number of Russian historians and philologists during the last two decades. This does not mean that there are no other perspectives on this subject in contemporary Russia, nor does it exclude the useful, clear and consecutive wording of this statement today.

The names of the rulers and dynastic marriages are known to be a minimum analyzable quantity of information that the medieval sources preserve for us, in spite of the fact that data on the international connections of this or that time may be scarce. On the other hand, the fact that European rulers were eager to make matrimonial alliances with the Rurikids may be reliably indicative of the high status of Russian princes and the country they ruled. The borrowing of dynastic names from new relatives, names typical of the dynasties, strengthened to a great extent the prestige of these dynastic ties.

However, speculations in the field interdynastic genealogy and historical onomastics requires a high degree of accuracy because one mislaid brick may cause many levels of a building to fall.

In the matter of facts regarding whom the Russian princes and their daughters married from among their Western neighbors and the names of the off-spring born from these alliances, much in this field has been done by historians, but at the same time a lot of lacunas and mysteries remain to be explored. It would not be an exaggeration to say that studies in the genealogy and matrimonial ties of the Rurikids have become a focus of scholars' attention in recent years.

Christian Raffensperger does not undertake almost any independent investigation of Old Russian, Old Norse or any other sources. His study is founded on secondary literature, and he obviously prefers and refers foremost to the genealogical reconstructions of Nikolai Baumgarten [BAUMGARTEN 1927]. Baumgarten's impressive work, presenting a wide picture of marriages and genealogies of the Russian princes, was published in 1927 and was already much criticized at that time for the author's failure to distinguish reliable facts from his own guesses and reconstructions. During the 90 years since that time, many amendments were made to Baumgarten's work: a number of marriages presented in his text were shown not to have existed and, on the other hand, a large number of his assertions concerning matrimonial alliances of Russian princes were denounced. Unfortunately, this long and careful work is not reflected in Raffensperger's book. For example, on p. 56 to provide grounds for his correct thesis of the importance of affinity in the Rurikids' dynasty, the author speaks of allied connections between the Chernigov prince Sviatosha Davidich and the Kievan prince Sviatopolk II that had occurred, in his opinion, because Sviatosha had married Sviatopolk's daughter Anna. However, neither the marriage, nor even that Sviatopolk had a daughter named *Anna* is recorded in the sources. Both are the product of Baumgarten's more than dubious reconstruction that has been denounced many times [HAЗАРЕНКО 2009: 152–153]. The analysis of the marriages of Agafia Iaroslavna and Edward the Exile and of Ladislaus the Bold with a certain daughter of Vladimir the Saint from which Andrew I was supposedly born are also under criticism (pp. 98–99, 104, 236, fn. 145). There is no data on these marriages in the medieval sources. The existence of the first is rather doubtful, while the existence of the second has no basis

at all, not to mention that the identification of Ladislaus as Andrew's father is dubious. Consequently, this obviates discussing the onomastic exchange that supposedly occurred as a result of these marriages.

An approach that takes the whole of Baumgarten's tables as the primary source without distinguishing between attested facts and denounced hypotheses excludes the necessity of further investigation into the Rurikids' genealogy of pre-Mongol time, a necessity, which, as a matter of fact, is very important. The real situation is that our data for half of Rurikids' marriages with foreigners in the 11th and the first half of the 12th centuries is rather incomplete with regards to the names and origins of the partners, so that sometimes their unambiguous identification is simply impossible or in any case needs detailed discussion of the old and new sources if any are available. But Raffensperger evidently avoids discussing multiple lacunas and controversy in the picture of the dynastic alliances in Europe of that epoch.

Speaking of the potential opportunities intrinsic to a ruler who intended to marry, Raffensperger is quite right to draw attention (after Constance Bouchard and Ruth Macrides – [BOUCHARD 1981: 268–287; MACRIDES 1990]) to the important limitation put by the Church on marriage to kin. Close relatives and also people tied by affinity were not to marry each other, although such a marriage could be profitable from the political perspective. It is evident that the cases when these rules were broken are extremely valuable for a historian and require special consideration. Some examples of such rule-breaking are noted by Raffensperger which is valuable as it is. Nevertheless, a number of such cases remain unnoticed. There is no mention, for instance, of a very strange and expressive incident from the field of Russian-Scandinavian contacts when two sisters (Mal(m)frid and Ingeborg Mstislavna) became wives of two brothers (Knud Lavard of Denmark and Erik Eriksson), though all these persons are presented in Raffensperger's book in one way or another. However, composing a complete list and systematic analysis of rule-breaking of this kind is perhaps beyond the goals of the study of the author. It is important that speaking of consanguinity in marriage (and about Russian dynastic marriages in general), Raffensperger quotes and analyzes in detail a remarkable work by C. Bouchard devoted to the matrimonial alliances of Burgundy nobility, but he does not discuss, for instance, the study by Alexander Nazarenko directly devoted to the consanguinity in dynastic marriages among the Rurikids in the 11th and 12th centuries [НАЗАРЕНКО 2001: 559–584]. In addition, he does not mention (even in the bibliography) the careful studies by Dariusz Dąbrowski, who deals in detail with controversial problems of the Rurikids' genealogy and reviews different opinions on the subject; he also does not mention a number of articles published on the topic in recent decades [DĄBROWSKI 2002; DĄBROWSKI 2008]. It reflects the development of a plurality of sciences among which American Russian History is only one of several sciences of Russian History that are not well enough in dialogue with one another.

Similar drawbacks can be found in the onomastic part of Raffensperger's study. Thus, discussing the problem of how names borrowed from the Rurikids' appeared in the Danish dynasty, the author practically ignores the existing works on this theme, though his own conclusions only reproduce the results of predecessors. Besides this, in the Scandinavian and Scandinavian-Russian genealogies, there are a number of inexact data and mistakes. For instances, the Danish king Waldemar the Great had at least three not two sons (p. 103); his wife Sofia, in contrast to the long since denounced hy-

pothesis of Baumgarten, was not a granddaughter of Vsevolod of Novgorod [GALLÉN 1976: 273–288] (the work of Abbot Wilhelm referred to by Raffensperger in this case does not provide such genealogy of the princess) (p. 238, fn. 168); even in the English Wikipedia one can find a more professional viewpoint on Sofia's origin. Consequently, Raffensperger's speculations on consanguineous marriage of Waldemar and Sofia are in vain. Especially unlucky are the royal nephews in Raffensperger's study. The king of Norway Magnus the Good was by no means a nephew of Iaroslav the Wise's wife Ingigerd (p. 85), because he was not born in wedlock (his mother was a concubine of Olaf the Saint). But on the other hand, Mieszko, married to some Russian princess, was only a nephew of Vladislav-Hermann, not his son, opposite to Raffensperger (pp. 229–230, fn. 51). As for the exact identification of Mieszko's wife, because of the scarceness of the source data, a whole number of versions exists [BALZER 2005: 205], of which Raffensperger mentions only one, the same that one can find in Baumgarten's tables. Iziaslav Iaroslavich, in turn, was not and could not be Dobronega-Maria Vladimirovna's own brother (p. 88), which can be easily guessed according to their patronymics (one must remember that there were no uterine brothers among the pre-Mongol Rurikids), he is only a nephew of Dobronega-Maria Vladimirovna. From these observations it follows that all the author's assertions of the inappropriateness of their marriages from the viewpoint of relation and affinity must be reconsidered.

The list of the errors of this kind can be continued.

The general statements of the author concerning the structure of power for the countries he writes about do not acknowledge much of the doubt surrounding them. For instance, he states that the Rus', Hungary and Denmark in the first third of the 11th century had some striking similarity in the problems of throne succession where the eldest of the blood relatives succeeds to throne (the main candidate being elected via a certain assembly) (pp. 100, 103–104). This may be considered at least incorrect. We have not enough data on the rules of succession in Hungary of that period. As for the Rus', it is evidently wrong, or in any case no regular assemblies were not observed in that period in connection with the election of the ruler. On the whole, though the family worlds of Scandinavia and Rus' in the 11th and first half of the 12th century were quite similar, their mechanism of succession to power differed significantly.

Rather unexpected is the author's statement that the princely name *Vladimir* among the Rurikids was as a rule given to a first-born son (pp. 102, 238, fn. 161). This is not confirmed by any statistical material. On one hand, many examples may be given when this name belonged to younger sons (Vladimir Mstislavich, Vladimir Davidich etc.). On the other hand, it was not always that the one who was the eldest of the brothers in his mature age was really the first born. There is a convincing hypothesis (unknown in Baumgarten's time) that Vladimir was not the first born son of Iaroslav the Wise; that he had an elder brother named *Iliia* born in other marriage. The tradition of name-giving for the Russian princes was that any name could be given to a son, older or younger, only in the case that his direct ancestor, the holder of this name, had died (see: [ЛИТВИНА, УСПЕНСКИЙ 2006: passim; УСПЕНСКИЙ 2008: 7–8]). The name *Vladimir* is no exception at all, regardless of seniority, it could belong to the son of a prince after the death of his direct ancestor who bore that name.

Raffensperger's idea on the subject of with whom the Russian princes preferred to make matrimonial alliances is rather controversial. Sometimes the author seems

to assume these were the Scandinavians, sometimes the Byzantines, although really the matrimonial strategy of the rulers in that epoch was far more complicated and its motivation cannot be described in terms of simple general preferences.

Raffensperger's supposition that royal widows of Russian origin used to return to their home country (p. 69) can hardly be approved. The number of cases when they really did so is rather modest, while other variants are quite typical: they stayed in the countries of their husbands or even more often got married to some other foreign ruler (or even to a royal subject). One can mention here, for instance, Anna Iaroslavna, the mother of Philip I, or the Russian princess Sofia, the widow of Waldemar I, who after his death married unluckily to the Count of Thuringia, and finally Mal(m)frid Mstislavna, who was first the Queen of Norway and then, due to her second marriage, became the Queen of Denmark. Her sister Ingeborg Mstislavna, who actually returned to the Rus' for some time when her husband Knud Lavard was killed, later came back to Denmark where her son began the struggle for the Danish throne. The examples given to support the assumption of this tradition (the obligatory return of the royal widows to the home country) being spread among other European nations in 11th and 12th centuries, seem dubious. Referring to *Heimskringla* by Snorri Sturluson, Raffensperger states that Astrið, a daughter of Olaf of Sweden and the wife of Olaf of Norway, came back to Sweden after the death of her husband (p. 69). However, in *Heimskringla* the story of Astrið does not end with this. After the death of Olaf in Norway, where the foreign rulers, king Sven and his mother, are known to have come to power, Olaf's son Magnus had been earlier safely sheltered in the Rus' with the family of Iaroslav the Wise and Astrið's sister Ingigerd. It is not surprising that Olaf the Saint's widow preferred to go to Sweden, but her return was hardly conditioned by the natural end of her mission in Norway, discussed by Raffensperger. In any case, when her stepson, Magnus the Good, managed to obtain power in Norway, his stepmother Astrið settled with him in Norway (not in her home country) and was much respected there.

As for the quite expected comparison of the Rus' and Scandinavia in the Conversion period, we face again some errors decreasing the value of the author's presentation. For instance, already in the introductory remarks, Raffensperger declares that Norway was converted earlier than the Rus' (p. 137). This is by no means true. On p. 147, the author erroneously states that there was a church of Saint Olaf in Kiev in the 11th century, yet, we do not possess any source for the fact (there were churches of Saint Olaf in Novgorod and Constantinople). Besides, speaking of the foundation of churches and the baptism of rulers preceding the conversion of the whole country, Raffensperger does not mention such important figures for pre-Christian history of Norway and the Rus' as king Hakon, Æthelstan's fosterling, baptized in England, and the princess Ol'ga, converted in Constantinople (p. 258, fn. 36). More than that, this part of the book is not free of the same drawback as the chapters about marriages and names: some information unattested in medieval sources is given without any discussion – as facts – though some of them are at least dubious (the reader must be left to guess what secondary source they could originate from). This is the case with the statement that the Swedish king Ingi the Old happened to live in Rus' for some time (p. 148), though not one of the sources gives such information directly. On the other hand, many facts recorded in the sources that are important remain unnoticed,

not to speak of multiple research hypotheses and speculations offered by non-English language scholars for the last two or three decades.

All the above said certainly does not decrease the value of the ideas about the Rus' having an integrated role in the medieval world of the West, about the importance of dynastic marriages and dynastic names as indicators of international ties, about the typological vicinity and common penetration of the Christian microtraditions in the medieval Rus' and Scandinavia, ideas that have become familiar in modern medieval studies. If one assumes that the Kievan Rus' in the Middle Ages was a part of the Western space, then it would be desirable that this idea of unity were extrapolated to modern science, so that one must not deal with several isolated sciences: American Russian History, German Russian History, Polish Russian History, and, finally, Russian Russian History.

References

BALZER 2005

BALZER O., *Genealogia Piastów*, Kraków, 2005.

BAUMGARTEN 1927

BAUMGARTEN N., *Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle* (= Pont. Institutum Orientalium Studiorum, *Orientalia Christiana* 9: 1, Num. 35, Maio.), Roma, 1927.

BOUCHARD 1981

BOUCHARD C. B., "Consanguinity and Noble Marriages in the Tenth and Eleventh Centuries", *Speculum* 56, 2, 1981, 268–287.

DĄBROWSKI 2002

DĄBROWSKI D., *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich* (= Biblioteka Genealogiczna, 6), Poznań, Wrocław, 2002.

DĄBROWSKI 2008

DĄBROWSKI D., *Genealogia Mściśławowiczów: Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)*, Kraków, 2008.

GALLÉN 1976

GALLÉN J., "Vem var Waldemar den stores drottning Sofia?", *Historisk Tidskrift för Finland*, 61, 1976, 273–288.

MACRIDES 1990

MACRIDES R., "Dynastic Marriages and Political Kinship," in: Shepard J., Franklin S. (eds.), *Byzantine Diplomacy: Papers from the Twenty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, March 1990*, Brookfield, Vt., 1990, 263–280.

USPENSKIJ 2008

USPENSKIJ F., "A Brief Survey of the Anthroponymic Situation in the Rurikid Dynasty (from 10th to 16th centuries)", *Studia anthroponymica Scandinavica: Tidskrift för nordisk personnamnsforskning*, 26, 2008, 5–24.

ЛИТВИНА, УСПЕНСКИЙ 2006

ЛИТВИНА А. Ф., УСПЕНСКИЙ Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

НАЗАРЕНКО 2001

НАЗАРЕНКО А. В., *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков*, Москва, 2001.

НАЗАРЕНКО 2009

НАЗАРЕНКО А. В., *Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования)*, Москва, 2009.

Проф. Фёдор Борисович Успенский, д. ф. н.

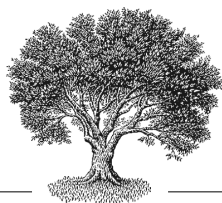
заместитель директора Института славяноведения РАН,

и. о. заведующего Отделом типологии и сравнительного языкознания

119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А

Russia / Россия

f.uspenskijs@slovene.ru

Беата Дьёрфи,

Историческое изменение синтаксического статуса причастных оборотов в языке Суздальской летописи

(=Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis, Vol. II), Дебрецен, 2011, 308 pp.

Anna V. Sakharova

Abbyy Software House, Moscow

Анна Вячеславовна Сахарова

Компания «АВВУУ», Москва

The book is devoted to a group of constructions exhibiting interesting properties in the history of the Russian language — that is, participles. The author aims not only at describing, but also explaining the essence of the diachronic changes of participle syntax with the help of modern theoretical linguistics (that is, Chomskyan syntax). The data for the investigation were the participle constructions of the Suzdal chronicle from the Laurentian codex. The broadening of the empirical scope of the linguistic theory to a data set previously unaccounted for is undoubtedly a promising objective, but also one demanding a huge effort and sufficient competence.

However, a large part of this book is just an overview. The author provides a general account of the use of subordinate and coordinate conjunctions (Chapter 1), the formation of participles and converbs in Russian (Chapter 2), the history of the Laurentian codex (Chapter 5), approaches of studying historical syntax and types of diachronic language changes (Chapters 6 and 7), etc. Some of this information is not even directly related to the topic of the book (such as calculations of Church Slavonic and East Slavonic orthographical variants of morphemes or a history of Marrism).

Some passages concerning general properties of Old Russian verbs are misleading. For example, the author examines two participle forms of specific prefixed verbs — “past participle” *похваливъ* and “present participle” *похваля* — and affirms that they have

two different meanings, that of precedence and simultaneity (p. 128). This view, however, is outdated, as [КУЗЬМИНА, НЕМЧЕНКО 1982: 362] have shown that the “present” participles of these prefixed verbs are used interchangeably with “past” participles in the perfective (precedence) meaning, as in the example from the Suzdal chronicle: *Вста Рюрикъ. на Романа. и приведе к собѣ Ѡлговичъ. в Къиєвь. хота пойти к Галичю. на Романа. и оупереди Романъ скопа полкы. Галичьскыѣ. и Володимерьскыѣ. и въѣха в Русскую землю* (fol. 141v, col. 417, s. v. 1202) (=“Rurik turned against Roman and led Oleg’s sons to his city of Kiev wishing to go to Galich, and Roman forestalled, **having gathered troops from Galich and Vladimir**, and came to the Rus’ land”).

The main empirical contribution made by the author is the enumeration of all the occurrences of the participles in the given text, classified into four groups: substantiated, attributive, predicative and adverbial. In each group, active present, active past, passive present and passive past participles are enumerated separately. The principles of this classification are presented in Chapters 3 and 4.

The substantivized subgroup does not require special comment.

The attributive group includes diverse types of participles agreeing with nouns (not only full, but also short forms are found in this list – possibly by mistake). Perhaps the inclusion of examples with verbs of perception (*Изаславъ же оувѣдѣвъ по собѣ идуща Володимерка е силою. заложаса ночью поиде* (fol. 110, col. 330, s. v. 1150; p. 260 in the book) =“Iziaslav having learned **that Volodimerko is following him with forces**, having hidden himself in the night, left”) was not a deliberate decision but merely a mistake, as such participles are better regarded as predicates depending on the matrix verb [ПОТЕВНЯ 1958: 308–316]; cf. other misinterpreted examples below.

The adverbial group consists of short participles having the same syntax as converbs in Modern Russian (with null subject coreferent with the subject of a finite verb; no coordinate conjunctions between the participle and the finite verb are possible).

The predicative subgroup is the most heterogeneous one. Actually, active predicative participles can be further subdivided into four constructions:

- short participles with implicit subject coreferent with the finite verb subject, linked to the finite verb with a coordinating conjunction (*Идоша веснѣ на Половцѣ. Стѣ ополкъ. Володимеръ. Дѣдѣ. и дошедше Воина и воротишася* (fol. 95v, col. 284, s. v. 1110; p. 154) = “In spring Sviatopolk, Vladimir, David went to war with the Cumans and **having reached Voin** [they] returned”);
- “absolute nominative” short participles, with their explicit subject in nominative (*кнѣзь же Всеволодъ стоѣвъ школо города .і. дѣи. Видѣвъ брата изнамагающа. и Болгаре выслалися баху к нему с миромъ. поиде шпать къ исадомъ* (fol. 132, col. 390, s. v. 1184; p. 158) = “**Prince Vsevolod remained near the town for 10 days, having seen that his brother was growing faint**. And Bulgars sent to him [asking] for peace, and he went back to the moorage”);
- short participles as predicates of a clause with a relative pronoun (an original Slavonic construction, typical of colloquial language) (*в то же время поима городы. Гюргевы Ѡлговичъ. и конѣ. и скоты. и швцѣ. и товаръ. кдѣ что чюю* (fol. 103, col. 309, s. v. 1141; p. 151) = “At this time Oleg’s son took Gurgiy’s

towns, horses, cattle, sheep and belongings **wherever and whatever he saw**") [ПОТЕБНЯ 1958: 185];

- present participle with copula as the predicate, exemplified with a single example in the entire text: такоже и сии княѣ Александръ бѣ побѣждаа а не побѣди.. (fol. 168v, col. 477, s. v. 1263; p. 154) (= "So this prince Alexander **was the winner, but was not defeated**"). It is a very rare literary construction, modeled after Greek Gospel syntax [ПОТЕБНЯ 1958: 6; УСПЕНСКИЙ 2002: 256].

As to the dative absolute constructions, they are also divided into two groups: predicative, i. e., with coordinate conjunctions (изидоша противу имъ Володимеричи. и бывшю еступленю вѣма полкома. и бшася крѣпко. но вскорѣ побѣгошъ Половци (fol. 101, col. 303–304, s. v. 1136; p. 191) = "Vladimir's sons went against them and **when both armies met**, they fought hard but soon the Cumans ran) and adverbial, i. e., without them (еступивши же сѧ полкѣ. побѣгоша погании (fol. 154, col. 448, s. v. 1225; p. 258) = "**when the armies met**, the pagans ran"). In the Annex, constructions of these two types are divided into separate "predicative" and "adverbial" units.

The reason for this classification, in which constructions different both in surface syntactic features and stylistic character are included in the same group, is not clear. In addition, it is well known that in the process of copying or editing, the scribes might delete or add coordinate conjunctions between the short participle and the main verb – thus, "adverbial" and some "predicative" constructions were treated as interchangeable.

Many of the conclusions of this research offer no novelties. The author enumerates *l*-forms (with and without copula) in the list of predicative constructions but it was always well known that they were used only as predicates. Similarly, it is not news that the explicit subject of the participle was able to be only dative or nominative.

All the examples are given in the Annex. This collection of data could be very useful for subsequent research, but unfortunately the examples are given nearly without context or strangely torn from the middle of clauses¹. One notices immediately that many examples were misunderstood and misinterpreted by the author.

Thus, the author treats as a participle the preposition дѣля (сжалиласи бахъ. зане вѣа мокоу ѡби. и землю кою полони мене дѣла. и се нынѣ не любиши мене и съ младенце симъ. (fol. 99v, col. 300, s. v. 1128; p. 197) = "I had been upset because you killed my father and captured his land **because of me** and now you don't love me with this infant"). Aorists (even if they are not homonymous to the participles) are understood as participles (блжнъи же еспъ Кирилъ посла вѣа тѣло кою. и привезошъ и в Володимеръ. (fol. 165v, col. 471, s. v. 1248; p. 215) = "the beatific bishop Cyril sent to **take** his body, it was brought to Vladimir").

Substantiated participles (from Scripture citations) are called "predicates" (блжнъ разумѣваши на нища и оубога. в днѣ люте избавить и Гѣ (fol. 142v, col. 423, s. v. 1206; p. 153) = "Blessed is **he that considereth the poor**: the Lord will deliver him in time of trouble") or "attributes" (бѣ да наполнитса писанье стѣ глше. блжнн

¹ This is why I quote the examples in full from the edition [ПСРЛ I], with reference to the folio of the codex, the page of the edition, the year of chronicle entry, and finally to the corresponding column of the reviewed book.

емірающїі ꙗко ти сѣве Бѣи нарекутса (fol. 157v, col. 456, s.v. 1230; p. 265) = “it happened to fulfill the Scripture saying: Blessed are **the peacemakers**, for they shall be called the children of God”). The Dative Absolute is treated as nominative (и бѣвшю дѣи стго въскрнѣа Гѣа. и приспѣ ѿ дѣнь памѣ ста мѣа Логина. (fol. 151, col. 441, s.v. 1218; p. 161) = “**when it was the day of the Holy Resurrection of the Lord**, came the day of memory of the Saint martyr Longinus”), more often as attributive constructions (боимса лѣсти ихъ. ꙗда поиду изънезапа ратью на нѣ. князю не сущю оу нѣ. пошлѣ къ Глѣбу (fol. 125v, col. 372, s.v. 1175; p. 261) = “We are afraid of their deception that they could suddenly attack us **when we have no prince**, let us send to Gleb”).

Some short participles without conjunctions (“adverbial”) are found in the list of predicative constructions (Володимеръ же мнѣ ако к нему идуть. ста исполчивьса передъ городомъ (fol. 103v, col. 311, s.v. 1144; p. 153) = “Vladimir **thinking that they are coming to him** stood having prepared to battle near the town”) or attributive constructions (бѣѣ же оу поганѣи .б. сотъ копии. а оу Руси деваносто копии. надѣюще же са на силу погании поидоша. и наши противу имъ. (fol. 121, col. 360, s.v. 1169; p. 261) = “The pagans had 900 spears, but the Russians – 90 spears. **Hoping for their power**, the pagans moved forward, and ours – against them). Constructions introduced by coordinate conjunctions (“predicative” ones, according to the classification) are treated as “adverbial” (а хочеш и сеѣ волости. а оубивь мене тобѣ то волость. а живь не иду из свокѣ волости (fol. 102, col. 307, s.v. 1139; p. 219) = “You want this country, **if [you] kill me**, the country is yours, but I won’t leave my country alive”), and so on.

In the last part of the book, in Chapters 8 and 9, the author presents how the modern version of generative linguistics depicts the predicate structure and promises to show how the universal mechanisms of language change formed the changes in the syntax of participles from chronicles to Modern Russian (p. 120).

Non-finite clauses typically do not form independent predication and, consequently, do not express tense (but rather taxis). Both in Old and in Modern Russian, the main pattern is for finite clauses to have nominative subjects and for infinitive clauses to have dative (see [FRANKS 1995: 258] and also [СНОМСКУ 1981] on modern Russian). In Old Russian, the use of non-zero dative subject is witnessed by examples such as those in the text under study: се ты со мною цѣловѣ крѣтъ ходити нама по ѡдиной думѣ ѡбѣма (fol. 170v, col. 482, s.v. 1284) (= “You have sworn on the cross with me **that we both will follow the same thought**”). On the basis on these facts, linguists working within the generative approach assume that in Russian it is the [+Tense] feature of the finite clause that assigns nominative case to its subject.

Obviously, this pattern faces some problems in Old Russian data. Thus, this model does not explain the Absolute Nominative constructions (where the covert participle subject stands in nominative), although constructions of this type are found even in some Old Church Slavonic texts, for example **Жателене же улышавъше плача младништа** и мати почоувъши обратися и разумѣвъши своего зѣла въскрича со всеми (= “**The reapers have heard the baby’s cry** and the mother having heard [it] turned back and understood that her baby was in trouble [and] cried together with everybody”) (the Codex Suprasliensis cited via [ПОТЕБНЯ 1958: 189]).

The author hypothesizes that the participle construction with nominative subject could appear as a result of the loss of copula (p. 131, also p. 28), and that short participles were used as clause predicates because they were analogues of the I-forms. This hypothesis is inconclusive, as “Absolute Nominative” participles were used even in the oldest East Slavonic texts (as in the phrase in the Primary Chronicle ...[а] **вы плотници суще. а приставимъ вы хоромомъ рубити** (fol. 48v, col. 142, s. v. 1016) = “**You being carpenters**, we’ll appoint you to put up buildings” which exists in all of the versions of the chronicle in the story of Yaroslav and Sviatopolk’s battle). Such examples could hardly be interpreted as derived from short present participles with copula, which are a rare construction modeled after Greek, as noted above. In addition, past participles were never used with copula (Greek had no constructions of this type), though they were used as clause predicates with non-zero subject.

Short participles may be called analogues to preterites only in one sense: inexperienced scribes of later epochs (not knowledgeable about Church Slavonic grammar) treated short participles (converbs), as well as old preterites, as high-style analogues of the colloquial I-preterit [УСПЕНСКИЙ 2002: 223ff; АЛЕКСЕЕВ 1987; ЖИВОВ 1995].

In the concluding section the author postulates that, as the participles could have nominative subjects in Old Russian, the language system had “a stronger category of tense” (p. 142). The author supports this idea further by noting that Old Russian (in contrast to modern Russian) regularly expressed person in past tenses (thus, the paradigm was “strong”). The concept of a “strong(er)” category of tense appears literally on the last page of the text, and the notion remains only an informal hint of some possible interpretation.

The author also asserts that the predicative features of the participle temporarily emerged due to the “redistribution of grammar categories of aspect, tense and voice”; and that nominative subjects of the participles reflect “the transitional language state” (p. 135). This may be the “explanation of the syntax phenomena with the means of the modern theoretical linguistics,” but the author does not explain how, exactly, the “transitional” state of verbal categories (for example, development of regular aspect opposition) could have provided some non-finite clauses with nominative subjects.

Unfortunately, the author does not know how the chronicle language functioned. Enumerating the problems of historical syntax research, the author postulates that the written language is codified (pp. 101–102), and, mentioning the presence of orthographic rules in the written language in Old Russian (p. 68), treats the chronicle language as a codified one (such as Latin in Europe). But the first short and primitive descriptions of grammar appeared only in the 16th century. Actually, the scribes were taught orthography but their ideas of literate syntax were formed only with their reading experience. Colloquial syntax was very far from Church Slavonic usage but some texts, for example, chronicles, were required to look similar to the model text (even if the similarity was only superficial); as a result, the scribes re-interpreted specific literary constructions and elements in a way that was understandable for them, and later readers treated these re-interpretations as legalizing precedents [ЖИВОВ 1995; ЖИВОВ 1998; УСПЕНСКИЙ 2002].

Some specific literary Church Slavonic constructions got tied to definite lexemes; thus, in the language of later periods, consequence clauses were packaged with *яко*+infinitive constructions only for the verbs *дивитися* and *чудитися*. This

was because the equivalent infinitive dependent construction was used in the Gospel (Mark 15, 5) ὡστε θαυμάζειν τὸν Πιλάτον [ТИМБЕРЛЕЙК 2002]. The phrase сълнцу въсходящу — “when the sun was rising” (a favorite one among the chroniclers) comes from the Greek Genitive Absolute ἀνατείλαντος τοῦ ἡλίου (Mark 16, 2, cf. Matthew 13, 6; Mark 4, 6). See also [УСПЕНСКИЙ 2002: 255–256] on the origin of some lexicalized participle constructions.

Actually, the parameters of the short participles usage in the chronicles were determined by the complicated interaction between the parameters of the model texts and the parameters of the colloquial speech of the scribes. In such colloquial speech, short participles (converbs) might be used with a subject that was not coreferent to the finite verb subject, perfects of converb origin [ТРУБИНСКИЙ 1984: 156] might be used, or short participles might not even occur at all (the situation that holds in colloquial Modern Russian [ЗЕМСКАЯ 1973: 160–196]).

This does not mean that it is impossible to create a generative “system of parameters and rules” for this multilayered Medieval Russian language, but this task demands a better knowledge of the language itself. In addition, these rules should be formulated in a more complex and nuanced fashion than “non-finite verb assigns dative case to the subject.”

References

АЛЕКСЕЕВ 1987

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Participium activi в русской летописи: особенности функционирования”, *Russian Linguistics*, 11, 1987, 187–200.

ЖИВОВ 1995

ЖИВОВ В. М., “Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки”, *Russian Linguistics*, 19/1, 1995, 45–75.

ЖИВОВ 1998

ЖИВОВ В. М., “Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности”, в: *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации*. Москва, 1998, 212–247.

ЗЕМСКАЯ 1973

ЗЕМСКАЯ Е. А. (Ред.), *Русская разговорная речь*, Москва, 1973.

КУЗЬМИНА, НЕМЧЕНКО 1982

КУЗЬМИНА И. Б., НЕМЧЕНКО Е. В., “История причастий”, в: *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*, под ред. Р. И. АВАНЕСОВА, В. В. ИВАНОВА, Москва, 1982, 280–411.

ПОТЕБНЯ 1958

ПОТЕБНЯ А. А., *Из записок по русской грамматике*, 1–2, Москва, 1958.

ПСРЛ I

Полное собрание русских летописей, I: Лаврентьевская летопись, Москва, 2001.

ТИМБЕРЛЕЙК 2002

ТИМБЕРЛЕЙК А., “Significatio, conventio, imitatio et inventio”, *Русский язык в научном освещении*, 2/4, 2002, 57–74.

ТРУБИНСКИЙ 1984

ТРУБИНСКИЙ В. И., *Очерки русского диалектного синтаксиса*, Ленинград, 1984.

УСПЕНСКИЙ 2002

УСПЕНСКИЙ Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Изд. 3-е, испр. и доп., Москва, 2002.

СНОМСКУ 1981

СНОМСКУ N., *Lectures on government and binding*, Dordrecht, 2002.

FRANKS 1995

FRANKS S., *Parameters of Slavic Morphosyntax*, NY–Oxford, 1995.

Анна Вячеславовна Сахарова, к. ф. н.

Компания «АВВУУ», Москва

nene@inbox.ru

**Tagungsbericht 9.
Altslavistentreffen,
Freiburg i. Br.,
19./20. Oktober 2012**

Achim Rabus
Slavisches Seminar
Albert-Ludwigs-Universität Freiburg

**Девятая встреча
палеославистов,
Фрайбург-в-Брайсгау,
19–20 октября 2012 г.**

Ахим Рабус
Славянский семинар
Фрайбургского университета им.
Альберта и Людвиг

Mit dem 9. Altslavistentreffen, das vom 19. bis zum 20. Oktober 2012 in Freiburg i. Br. stattfand, wurde eine Tradition fortgesetzt, die vor fünfzehn Jahren von Hans Rothe, Christian Hannick und Rainer Stichel begründet wurde. Hierbei handelt es sich um das Treffen der Vertreter der traditionell starken, aber aus wissenschaftspolitischen Gründen – im Gefolge des Bologna-Prozesses und der förderpolitischen Großwetterlage – unter Druck befindlichen deutschsprachigen Paläoslavistik, deren Kreis um namhafte und vielversprechende Spezialisten aus zahlreichen europäischen Ländern ergänzt wurde. Auf dem Treffen sollte aus der laufenden Arbeit zu paläoslavistischen Themen berichtet werden, wobei bewusst auch neue oder unfertige Projekte angesprochen werden konnten.

Die Konferenz war gleichzeitig als Abschlusskonferenz eines von Juliane Besters-Dilger und Christian Voß geleiteten Forschungsprojektes zu Fragestellungen der Variation und Norm des Russisch-Kirchenslavischen des 16. Jahrhunderts am Beispiel des Apostolos in den Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij (*Velikie Minei Čet'i*, VMČ) konzipiert. Daher widmete sich eine große Zahl der Beiträge verschiedenen Aspekten dieses Denkmals, neben einer Anzahl an Vorträgen mit allgemein paläoslavistischem Hintergrund.

Zu letzteren zählte der eröffnende Vortrag von HANS ROTHE (Bonn) über kirchenslavische liturgische Hymnen als Literatur. Rothe wies anhand einer Analyse von Ad-

verbieh auf die Bedeutung dieser lange vernachlässigten Gattung hin und forderte die Überwindung nationalphilologischer Betrachtungsweisen. DAGMAR CHRISTIANS (Bonn) untersuchte das Verhältnis der griechischen und slavischen Gottesdienstmetriken auf lexikalisch-semanticischer Ebene und zeigte am Beispiel der Seefahrterminologie zahlreiche erklärend-interpretierende Übertragungen der Slaven auf. MARCELLO GARZANITI (Florenz) zeigte die Schlüsselfunktion eines Bibelzitats für die *Vita Methodii* und den direkten Bezug zu den *orationes* des Gregor von Nazianz. ALEKSANDR MOLDOVAN (Moskau) widmete seinen Vortrag den *13 slov Grigorija Bogoslova*. Im Rahmen einer textologischen Analyse konnte er Aussagen über deren ursprüngliche Zusammensetzung und differierende textologische Traditionen machen.

RAINER STICHEL (Münster) präsentierte, unterstützt durch die Darstellung zahlreicher Handschriftenfragmente, eine kirchenslavische Handschrift, unter anderem mit einem Kolophon, der aus der Gennadij-Tradition bekannt ist. Er zeigte Verbindungen zu deutschsprachigen Texten auf. DIETER STERN (Gent) nahm, ausgehend von einem Textfragment aus dem *Bdinski Zbornik*, eine skrupulöse philologische Einzelstudie vor. Unter Rückgriff auf einen Teil der griechischen Überlieferungstradition erfolgte eine überzeugende Interpretation einer bislang unklaren kirchenslavischen Stelle. LORA TASEVA (Sofia/Bern) analysierte griechisch-slavische lexikalische Entsprechungen als attributierendes Merkmal in Übersetzungen aus dem 14. Jahrhundert anhand der Synaxarien zum Triodion. Dabei standen unterschiedliche Übersetzungen ein und desselben griechischen Wortes sowie der Vergleich mit älteren Übersetzungen im Mittelpunkt. Aus der Analyse geht hervor, dass die Auswahl der slavischen Korrelate als Merkmal für den Übersetzungsstil zu betrachten ist. SABINE und DIETER FAHL untersuchten anhand des slavischen *Corpus Areopagiticum* das Schwanken zwischen Singular- und Pluralformen bei Kollektiva auf *-ije* (wie *zeliže* 'Grünzeug'). Sie demonstrierten, dass die Kollektiva teilweise als Pluralersatz fungieren konnten, teilweise aber auch selbst in den Plural gesetzt werden konnten und stellten bislang nicht dokumentierte Kollektivlexeme vor. YANNIS KAKRIDIS (Bern) beschäftigte sich anhand der Übersetzungen in der Handschrift Dečani 88 mit dem komplexen Problem der polyphonen Rede. Als Resultat seiner Analyse konnte er festhalten, dass die differenzierte Polyphonie der griechischen Vorlage im Slavischen häufig reduziert auftritt. ROLAND MARTI (Saarbrücken) lenkte die Aufmerksamkeit des Publikums auf das Phänomen der Akrosticha, durch deren Auswertung und Analyse das lexikalische Material des altkirchenslavischen Kanons signifikant erweitert werden könne. Ein für die sprachliche Analyse herausragendes Merkmal dieser gleichsam vertikalen Texte sei die Tatsache, dass Akrosticha ausschließlich die Sprache zum Zeitpunkt der Entstehung des Textes, ohne durch die Überlieferung bedingte Veränderungen und Verzerrungen, widerspiegeln. EVA PALLASOVÁ (Brno/Freiburg) analysierte die kirchenslavischen Übersetzungsäquivalente griechischer Ausdrücke der Möglichkeit und Notwendigkeit. Unterschiedliche Kategorisierungsgrade wurden differenziert, weiterhin wurde beispielsweise zwischen den Ausdrücken für metaphysische Notwendigkeit und normative oder gesellschaftliche Notwendigkeit unterschieden. GIORGIO ZIFFER (Udine) führte anhand der erst spät bezeugten Abschriften der *Vita Constantini* eine textologische Untersuchung durch. Die von ihm aufgestellte Hypothese der zentralen Bedeutung der zweiten Novgoroder (*Sborniki*-)Gruppe, die verschiedene Kontaminationen aufweist, erscheint anhand der

dargestellten Daten plausibel. Ziffers Untersuchung kann als Plädoyer für die Relevanz „später“ Textzeugen (wie der VMČ) interpretiert werden. IRINA PODTERGERA (Freiburg) befasste sich mit dem relativischen Anschluss. Mit Bezug auf zahlreiche Sekundärquellen analysierte sie die von Dmitrij Gerasimov hergestellte kirchenslavische Bruno-Übersetzung. Sie stellte fest, dass im Kirchenslavischen dieser Übersetzungen der relative Anschluss tatsächlich existiert, selbst wenn es sich häufig um ein Interpunktions- beziehungsweise Interpretationsproblem handelt.

LARA SELS (Gent) schlug in ihrem Beitrag den Bogen zwischen traditioneller Philologie und e-Humanities. Sie berichtete über ein Projekt der digitalen Edition des *Bdinski Zbornik*, die unter bdinski.obdurodon.org im Internet zugänglich ist. Sels diskutierte die Probleme traditioneller Papiereditionen, die häufig auf begrenztem Raum zu viele Zwecke erfüllen wollen, also gleichzeitig eine diplomatische Edition und einen Lesetext (oder einen Kompromiss) präsentieren. Mithilfe einer digitalen Edition lassen sich laut Sels diese Probleme minimieren so dass man besser der Fluidität vormoderner Textualität gerecht werden kann. Hierdurch lasse sich das volle Potenzial des digitalen Mediums ausspielen, was durch das Schlagwort „many views in one edition“ versinnbildlicht wird.

Zwei Beiträge befassten sich mit den Spätausläufern der kirchenslavischen Tradition. CHRISTIAN VOSS (Berlin) untersuchte in seinem theorie-affinen Beitrag die „Zwischenräume“ Bosnien und Galizien und die dort vor dem Hintergrund religiöser Diskurse entstehenden sprachlichen Konzepte, wobei hier für die genannten Regionen in jeweils unterschiedlicher Ausprägung kulturelle und sprachliche Hybridität konstatiert werden kann. VITTORIO TOMELLERI (Macerata) betrachtete das erste ossetische Buch von 1798. Er wies auf Bezüge der im genannten Buch präsentierten ossetischen Orthographie zu der kirchenslavischen sowie auf syntaktische Abhängigkeiten hin.

Den Reigen der thematisch auf die VMČ fokussierten Beiträge eröffnete FRANCIS THOMSON (Antwerpen) mit seinem virtuos präsentierten Vortrag, in welchem er auf „some frequently overlooked aspects“ im Hinblick auf die VMČ einging. Unter anderem stellte er dar, dass die Bezeichnung *spisok* für die drei VMČ-Fassungen (Sofijskij, Uspenskij, Carskij) „entirely misleading“ sei. Der Grund hierfür ist laut Thomson die Tatsache, dass zwar die Sofijskij-Fassung als „the most complete menologion ever“ gelten kann, die anderen beiden Abschriften aber nicht dem Menologiums-Konzept folgen, sondern durch die Aufnahme verschiedener Texte den Machtanspruch Makarijs demonstrieren. Auch ÈMILJA ŠUL'GINA (Moskau) befasste sich mit Machtdiskursen in Texten, die in den VMČ enthalten sind. Neben dem berühmten Sendschreiben des Mönchs Filofej zeigte sie verschiedene Miniaturen, die machbezogene Handlungen, beispielsweise die Krönung Ivans des IV., darstellen. Auch ELENA SEREBRĀKOVA (Moskau) betrachtete Miniaturen und konnte anhand einer Analyse derselben die VMČ-Fassungen in spezifische Traditionen einordnen. MARINA BOBRIK (Berlin) analysierte die konkrete Ausgestaltung der kirchenslavischen Sprache des in den VMČ enthaltenen kommentierten Apostolos. Die heterogene Genese des Texts führte zu Variation auf zahlreichen sprachlichen Ebenen, wobei gewisse Redigierungstendenzen zu konstatieren sind. JULIANE BESTERS-DILGER (Freiburg) ging der Einordnung des in den VMČ zu findenden Apostolos in die ostslavische Tradition nach. Dabei machte sie deutlich, dass der Apostolos in der Fassung Carskij der

nach Voskresenskij ersten Apostolos-Redaktion folgt und dass eine deutliche Nähe der Uspenskij-Fassung zur vierten Redaktion festzustellen ist. ROMAN KRIVKO (Moskau) begab sich auf die Suche nach Spuren des Altkirchenslavischen in der in den VMČ zu findenden Version der von Konstantin von Preslav übersetzten Reden gegen die Arianer von Athanasius dem Großen. Er demonstrierte anhand zahlreicher orthographisch-lautlicher oder lexikalischer Beispiele die große Nähe des VMČ-Text zur altkirchenslavischen Vorlage, wodurch die Bedeutung der VMČ für die Erforschung der ältesten Textschicht des Kirchenslavischen deutlich werde. NATALJA KOBJAK (Moskau) befasste sich mit den Werken des Photios im Umkreis der VMČ. Sie zeigte verschiedene interessante Erscheinungen auf, unter anderem verwies sie auf das Monogramm des Photios.

RUPRECHT VON WALDENFELS (Bern) und ACHIM RABUS (Freiburg) stellten das VMČ-Korpus vor, welches unter www.vmc.uni-freiburg.de zugänglich ist. Das als „digitale Zweitverwertung“ der in der Druckvorbereitung befindlichen Edition des VMČ-Apistolostextes nach der Uspenskij-Fassung zu verstehende Korpusprojekt zeigt, dass mit relativ geringem Ressourcenaufwand ein benutzerfreundliches Korpus mit einer mächtigen Abfragesprache erstellt werden kann, was die linguistische Analyse signifikant vereinfacht. Durch die Kombination einer traditionellen Buchedition mit einem Internetkorpus seien ohne Verlust philologischer Präzision optimale Ergebnisse zu erzielen. Von Waldenfels und Rabus schlossen mit einem Plädoyer für die digitale Zweitverwertung von Textdateien, die in anderen laufenden Editionsprojekten erstellt werden.

Insgesamt hat das 9. Alt Slavistentreffen überzeugend gezeigt, dass die Paläoslavistik im deutschsprachigen Raum und darüber hinaus aktiv und vital ist. Trotz teilweise angespannter Ressourcenlage wurden neue Projekte gestartet, mit philologischer Präzision und differenzierten methodischen Ansätzen interessante Daten analysiert. Durch die – allerdings nicht unkritische – Orientierung an hochaktuellen Diskursen der e-Humanities demonstriert die Paläoslavistik ihre Zukunftsfähigkeit, ohne ihre Traditionen und Wurzeln zu verleugnen. Man darf auf das nächste Alt Slavistentreffen, das voraussichtlich 2014 stattfinden wird, gespannt sein, ebenso auf die bald erscheinenden Früchte der Arbeit am Apostolos in den VMČ.

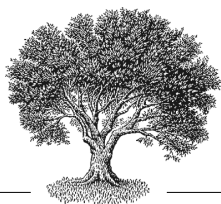
Dr. Achim Rabus

Slavisches Seminar

Werthmannstr. 14

D-79085 Freiburg i. Br., Germany / Deutschland

achim.rabus@slavistik.uni-freiburg.de

Нашим авторам

I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Международный славистический журнал “Slověne = Словѣне” приглашает к сотрудничеству авторов, работающих в различных областях славянской филологии и сопредельных дисциплинах. Редакция принимает к рассмотрению научные статьи, заметки, специально подготовленные для публикации тексты, сообщения хроникального характера, словарные материалы, рецензии и обзоры, приветствуются также полемические материалы, — список жанров, характерных для научных изданий, остаётся в целом открытым и будет зависеть лишь от ценности присланных работ.

Журнал принимает материалы на всех славянских языках и основных европейских: английском, немецком, французском и итальянском.

Периодичность журнала — два выпуска в год. Все материалы публикуются также в открытом доступе на сайте: <http://slovene.ru/>.

II. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

Редакционный портфель заполняется в течение всего года, никаких ограничений на сроки подачи материалов нет. Просим высылать их в электронном виде по адресу:

editorial@slovene.ru

Все присланные материалы сначала рассматриваются редакцией на предмет соответствия их тематике журнала, а затем проходят процедуру двойного анонимного рецензирования, когда ни рецензенты не знают имени автора, ни автор — имён рецензентов. В случае принципиального расхождения мнений между рецензентами, а также при обоснованном несогласии автора с их отзывами, выказанном в корректной форме, редакция назначает дополнительное рецензирование, учитываются также мнения всех членов редколлегии.

После принятия положительного решения о публикации редакторы журнала стараются работать в тесном сотрудничестве со своими авторами. При этом публикация не предполагает ни взимания платы с авторов, ни выплаты им гонораров. Все расходы по подготовке выпусков к изданию журнал берёт на себя, однако призывает следовать не только приведённым ниже правилам оформления, но и литературным нормам того языка, на котором автор решил подать материал, будь то язык для него родной или нет. В случае подачи материала на неродном языке рекомендуется заранее проконсультироваться с коллегами, являющимися его носителями, дабы избежать недопонимания со стороны редакторов и рецензентов.

III. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Технические требования

Материалы принимаются только в электронном виде — в форматах, поддерживаемых редакторами MS Word и OpenOffice Writer, а также дополнительно в формате PDF, если текст содержит сложное форматирование и специальные шрифты, которые также необходимо приложить к файлам с текстом. Рекомендуем пользоваться шрифтами стандарта Юникод, в том числе при наборе старославянского и церковнославянских текстов и цитат (например, KlimentOld, Old Standart TT).

Все поля электронного документа должны составлять 2,5 см, размер шрифта — 12 п., междустрочный интервал — полуторный (для постраничных сносок: кегль — 10 п., междустрочный интервал — одинарный).

2. Структура документа

Статьи, заметки и публикации должны сопровождаться резюме и ключевыми словами на русском и английском языках. Имена авторов приводятся как в оригинальном написании, соответствующем основному языку работы, так и в русской передаче (в соответствии с общепринятыми правилами); в случае, если оригинальное написание имён кириллическое, необходимо сопроводить их также соответствиями в латинской графике (в наиболее удобной для автора системе транслитерации). Место работы автора (общее название университета, исследовательского института и т. д., название подразделения, город) следует указывать на основном языке текста и по-русски после заглавия, дополнительно в конце документа — полное имя автора, его учёная степень, звание, должность, рабочий почтовый адрес на языке той страны, где он работает, в соответствии с принятым там официальным написанием, а также его электронный адрес.

3. Оформление ссылок на печатные издания

Ссылки на литературу и источники даются непосредственно в тексте в виде индекса в квадратных скобках. Алфавитный список индексов с соответствующими им библиографическими описаниями даётся после основного текста. Все библиографические описания должны быть приведены в оригинальном написании, без транслитерации (графическое оформление индексов остаётся на усмотрение автора).

Образцы оформления индексов и библиографических описаний

Монографии (в качестве индекса выступает фамилия автора или редактора в формате малых прописных букв в сочетании с годом издания и, при необходимости, дополнительным буквенным символом)

— в тексте: [HANNICK 2006: 221; LUNT 2001; SCHAEKEN, BIRNBAUM 1999; КОНЕСКИ 1981; ШТАВЛЯНИН-БОРЪЕВИЋ И ДР. 1986]

— в библиографии:

HANNICK 2006

HANNICK Ch., *Das altslavische Hirmologion. Edition und Kommentar* (= E. WEINER (ed.), Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 50), Freiburg i. Br., 2006.

LUNT 2001

LUNT H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.

SCHAEKEN, BIRNBAUM 1999

SCHAEKEN J., BIRNBAUM H., *Altkirchenslavische Studien*, II: *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionmustern)* (= P. RENDER (Hrsg.), Slavistische Beiträge, 382), München, 1999.

КОНЕСКИ 1981

КОНЕСКИ Б., *Историја на македонскиот јазик* (= КОНЕСКИ Б., Избрани дела во седум книги, 2 доп. изд., кн. 7), Скопје, 1981.

ШТАВЛЯНИН-БОРЪЕВИЋ И ДР. 1986

ШТАВЛЯНИН-БОРЪЕВИЋ Љ., ГРОЗДАНОВИЋ-ПАЈИЋ М., ЦЕРНИЋ Л., *Опис ћирилских рукописа народне библиотеке Србије*, 1 (= Народна Библиотека Србије. Опис јужнословенских рукописа, II), Београд, 1986.

Словари, справочники, каталог и т. п. (индекс выбирается на усмотрение автора, однако рекомендуется следовать общепринятым сокращениям)

— в тексте: [СЛРЯ XI–XVII вв. 28: 39; ФАСМЕР, ТРУБАЧЁВ I: 122; PLANK, LUTZKA III: 186; SJS II: 120; КАТАЛОГ 2009: 53]

— в библиографии:

СЛРЯ XI–XVII вв. 1–29—

Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 1–29—, Москва, 1975–2011—.

ФАСМЕР, ТРУБАЧЁВ I–IV

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, 3-е русск. изд., перев. с нем. и доп. О. Н. ТРУБАЧЕВА, I–IV, С.-Петербург, 1996.

PLANK, LUTZKA I–III

Ch. HANNICK (Hrsg.), *Das byzantinische Eigengut der neuzeitlichen slavischen Menäen und seine griechischen Originale*, I–III, erarb. von P. PLANK, C. LUTZKA (= Abhandlungen der Nordrheinwestfalischen Akademie der Wissenschaften, 112; H. ROTHE (Hrsg.), Patristica Slavica, 12), Paderborn, 2006.

SJS I–IV

Slovník jazyka staroslověnského, I–IV, Praha, 1966–1997 (репринт: С.-Петербург, 2006).

КАТАЛОГ 2009

Б. ХРИСТОВА, В. ЗАГРЕБИН, Г. ЕНИН, Е. ШВАРЦ (съст.), *Славянские ръкописи болгарского*

происхождения в Российской национальной библиотеке – Санкт-Петербург / Славянски ръкописи от български произход в руската национална библиотека – Санкт-Петербург, София, 2009.

Статьи в журналах (в качестве индекса выступает фамилия автора в формате малых прописных букв в сочетании с годом издания и, при необходимости, дополнительным буквенным символом)

– в тексте: [Турилов 2006: 25; URBAŃCZYK 1986]

– в библиографии:

Турилов 2006

Турилов А. А., “К уточнению объёма и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (На материале минейных служб)”, *Старобългарска литература*, 35–36, 2006, 22–37.

URBAŃCZYK 1986

URBAŃCZYK S., “Max Vasmer's Korrespondenz mit Krakauer Slavisten”, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 46 (= H. BRÄUER, P. BRANG (Hrsg.), Max Vasmer: zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages am 28. Februar 1986), 384–398.

Статьи в сборниках (индекс оформляется так же)

– в тексте: [Успенский 1973 / 1997; THOMSON 1988]

– в библиографии:

Успенский 1973 / 1997

Успенский Б. А., “Древнерусские кондакари как фонетический источник”, в: Успенский Б. А., *Избранные труды*, III: Общее и славянское языкознание, Москва, 1997, 209–245.

THOMSON 1988

THOMSON F., “Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations”, in: E. FARRUGIA, R. TAFT, G. PIOVESANA (eds.), *Christianity among the Slavs: The Heritage of St. Cyril and Methodius, Acts of the International Congress Held on the Eleventh Century of the Death of St. Methodius, Rome, October 8–11, 1985* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 231), Roma, 1988, 351–380.

4. Оформление ссылок на рукописные источники

Рукописные источники в основном тексте статьи рекомендуется выделять курсивом, используя либо общепринятое название конкретной рукописи (если имеется), либо сокращённый шифр из соответствующего древлехранилища, либо сокращённое название издания (фамилию издателя с годом издания или, для многотомных изданий, аббревиатуру с номером тома). При большом количестве упоминаемых в тексте и в описании рукописей древлехранилищ следует отдельно, перед библиографией, приводить их список и сокращённые наименования. В списке использованных рукописных источников изданные и неизданные рукописи рекомендуется описывать по отдельности, желательно сопровождая описания ссылками на каталоги и исследования, в которых упоминаются данные рукописи. При цитировании изданных рукописей по возможности указываются прежде всего листы, а не страницы издания, которые могут быть указаны дополнительно.

Образцы оформления индексов и библиографических описаний

— в тексте: *Ильина книга*, л. 20об.; Тип.Уст. I, л. 12об.; *Син210*, л. 159а; *Барс619*, л. 241а; *Mtr*, f. 184r–186; MR VI, 319

— список древлехранилищ:

Сокращённые названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ	Государственный исторический музей (Москва)
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея (Москва)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
BNE	Biblioteca Nacional d'España (Madrid)

— в библиографии:

Славянские

Рукописи

Барс619

ГИМ, собр. Е.В. Барсова, № 619, Палея нач. XV в.; типология по: [Мильков, Полянский 2002: 610].

Издания

Ильина книга

Праздничная минея на сентябрьскую половину года с добавлениями, древнерусский (древненовгородский извод), XI–XII вв., РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 131; по изд.: [Крысько 2005; Верещагин 2006].

Син210

ГИМ, Синодальное собр., № 210, 1477 г., Псков; по изданию: “Толковая палея 1477 г., Воспроизведение Синодальной рукописи № 210, вып. I”, в: *Изд. Общества любителей древней письменности*, ХСПИ, С.-Петербург, 1892.

Тип.Уст. I–III

“Типографский устав”, богослужебный сборник, включающий особую редакцию Студийско-алексиевского устава, кондаки и другие песнопения малых жанров, ГТГ, К-5349, древнерусский (древненовгородский) извод, XI–XII вв., по изд.: Успенский Б. А. (ред.), *Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века*, I–III, Москва, 2006.

Греческие

Рукописи

Mtr

BNE, Matrit.gr.4694. Служебная минея на июнь — август, XII–XIII вв. [ANDRÈS 1987: 256].

Издания

MR I–VI

Μηναῖα τοῦ ἁλοῦ ἐνιαυτοῦ, I–VI, ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901.

Литература

ВЕРЕЩАГИН 2006

ВЕРЕЩАГИН Е. М., *Ильина книга. Древнейший славянский богослужебный сборник. Факсимильное воспроизведение рукописи, билинейно-статическое издание источника с филолого-богословским комментарием*, Москва, 2006.

КРЫСЬКО 2005

Крысько В. Б. (изд., подг. греч. текста, коммент., словоуказатели), *Ильина книга. Рукопись РГАДА. Тип. 131*, Москва, 2005.

Мильков, Полянский 2002

Мильков В. В., Полянский С., “Палея Толковая: редакция, состав, религиозно-философское и энциклопедическое значение памятника”, в: А.М. Камчатнов (подготовка др. рус. текста и перевода на совр. рус. язык), В. В. Мильков и др. (коммент.), *Палея Толковая*, Москва, 2002, 604–631.

ANDRÈS 1987

ANDRÈS G. de, *Catálogo de los códices griegos de la Biblioteca Nacional*, Madrid, 1987.

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ

INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES

Vol. 1. № 2

Институт славяноведения РАН, 2012

Подписано в печать 19.XII.2012 г. Формат 70 x 100 1/16.
Объем 11 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119334, Москва, Ленинский просп., д. 32-А. Отпечатано в типографии “Белый ветер”. Москва, ул. Щипок, д. 28, <http://wwprint.ru/>